

Л.ХАБАРОВА

Моя война

За . . .

*социалистическую
модификацию стоимости
(Сталинскую
экономическую модель)*

Кн. 1

*Москва
2016*

Подмосковье, 1987 год.

Содержание

Читатель...	6
Социалистическая экономика как система (сталинская модель) Выступление на Молодёжном семинаре по национальной безопасности при Госдуме ФС РФ 21 мая 1997г.	10
Сталинская модель – экономика обобществления прибавочного продукта Выступление на Рабочем университете при МГК КПС 23 марта 2002г.	33
Интервью Т.Хабаровой ресурсу "Русская планета" Июль 2014г. – февраль 2015г.	55
Самое главное – во-время подсуетиться... Приложение к Интервью, 2 мая 2015г.	75
Конкретно-историческая обусловленность рыночных (товарно-денежных) отношений: к проблеме "создания социалистического рынка" Выступление на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы, секция "Соотношение плана и рынка" 14 ноября 1989г.	78
Скажем НЕТ рыночной авантюре! Заявление Всесоюзного общества "ЕДИНСТВО – – за ленинизм и коммунистические идеалы" в связи с программой "перехода к рыночной экономике", III Всесоюзная конференция "Единства", Ленинград, 28 октября 1990г.	84
Светоч большевизма, ты неугасим Материал к 145-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина /Фрагмент/ Апрель 2015г.	104

Большеви́стская платформа в КПСС /Фрагмент/ Всесоюзная конференция сторонников Большеви́стской платформы в КПСС, Минск, 13–14 июля 1991г.	109
Сначала разобраться с модификацией стоимости, а затем предлагать конкретные схемы экономического (хозяйственного) расчёта "Коммунист", 1988, №1	116
Возврат неизбежен – и благодотворен Москва, апрель 1988г.	132
Историзм экономической истины Письмо в "Московскую правду" Январь 1988г.	152
В Госплан СССР Письмо Н.Е.Дрогичинскому, начальнику отдела по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования Сентябрь 1979г.	164
Социализм и государственный капитализм "Интердвижение Литвы", февраль 1991, №5(21)	185
Ещё раз о государственном капитализме Выступление на семинаре МГК КПС 17 мая 2002г.	197
Лишь дело героя да речь мудреца проходят столетья, не зная конца Выступление на XXXII заседании Московского политклуба Большеви́стской платформы в КПСС, посвящённом 190-летию со дня рождения К.Маркса 4 мая 2008г.	201
Когда же и на каком "океане" закончится "поход" против адекватного (сталинского) облика социалистической экономики? Материал к 136-й годовщине со Дня рождения И.В.Сталина /Фрагмент/ Декабрь 2015г.	215

**Из Конституционного проекта
Съезда граждан СССР
и пояснительного доклада к нему
Расширенный пленум Исполкома СГ СССР
Москва, 27 декабря 1997г. 219**

*Конференция Московского "Единства",
27 февраля 1994г.*

Читатель,

спешу ответить на возможный твой недоуменный вопрос: почему книга озаглавлена столь "эпатажно"?

Суть дела в том, что нынче не найдёшь такой партии, движения, группы так называемой "левой" ориентации, которые не возглашали бы безапелляционно: будущее нашей страны и решение всех её сегодняшних проблем – социализм. И это святая истина; но при внешнем единодушии в этом главном пункте, поражает разноречивостью в представлениях о том, как должен выглядеть социализм, в котором мы желали бы оказаться по исходе из теперешнего нашего Смутного времени.

Не буду начинать *ab ovo*¹ и повторять то, что сказано уже мной на сей счёт в предыдущем сборнике.²

Вне всяких сомнений, мы должны "вернуться в СССР", но драматическая (если не сказать – катаклизмическая) история советского социализма состоит из столь разнящихся между собой этапов, что не так-то просто выбрать среди них тот, который объективно служит базой искомого возвращения:

"военный коммунизм";

НЭП;

Сталинская эпоха, – которую одни считают этапом построения социализма как такового (по крайней мере "в основном"), другие же – наоборот, злостного непостроения социализма, из-за происшедшего (якобы) "термидора" и отступления от "ленинских принципов";

период после кончины И.В.Сталина, который одними квалифицируется как "оттепель", "развитой социализм" и даже "развёрнутое строительство коммунизма", другими же – как застой и ползучая реставрация капитализма в СССР;

"перестройка" с сопровождавшими её "реформами". Опять-таки, для одних это – буржуазная реставрация уже открытая, а не подспудная; для других же – разгром СССР в информационно-психологической войне и фактическая оккупация страны силами и структурами глобалистского империалистического капитала.

Здесь должна бы воспоследовать ответная по отношению к империалистической агрессии национально-освободительная война (борьба) Советского народа, но она – увы – пока пребывает в состоянии раскачки и не вышла за пределы идеологического обоснования её необходимости.

Конечно же, мы не можем, – освободившись от оккупации, а мы непременно от неё освободимся, – "вернуться в социализм" как в музей. Историческое место, историческая площадка нашего возвращения должна выступить не только

¹ "От яйца" (лат.).

² Т.Хабарова. Холодна ли вода в Рубиконе. Руководство по возвращению в "цивилизованный мир" – т.е., в СССР. М., 2015.

"ремонтной мастерской" для восстановления социалистического строя в его наиболее приемлемом облике, но – плацдармом для незамедлительного мощного рывка вперед и ввысь, к новым горизонтам цивилизационного прогресса.

И с этой точки зрения предпочтение, – безусловно, – должно быть отдано завершающей стадии "сталинской эпохи", когда в полную силу заработало едва ли не удивительнейшее творение теоретического и практического социализма – сталинская экономическая модель.

Да вы посмотрите сами!..

Пусть ещё в общих чертах, с неизбежными историческими "недотяжками", но была выстроена такая система народного хозяйства, где

при неуклонно нарастающем материальном изобилии оказались созданы все предпосылки для столь же неуклонного сокращения циркулирующей в экономике меновой стоимости (денежной массы и любых её "заменителей"), для её – меновой стоимости – постепенного "самоизживания".

Но что это значит, если объём натуральных благ растёт, а товарно-денежные отношения закономерно и естественно ("непринудительно") самоустраняются из экономической действительности?

Это значит, что человечество, пусть пока в нашем лице, но вступает в преддверие, на порог **второй фазы коммунистической общественно-экономической формации**: т.е., по существу, новой всемирноисторической эры, где ему предстоит навсегда распрощаться с наёмным (несамоцельным) трудом, с любыми формами отчуждения человека от им же вызванного к жизни производственного аппарата, с делением общества на классы и ещё со многими вещами, "расставание" с которыми изначально вкладывалось в понятие коммунизма.

Само собой разумеется, всё это произойдёт не сразу, но ПЕРСПЕКТИВА вышеочерченная открывается именно и только отсюда, и теперь можно уже сформулировать, что

вернуться мы должны не просто "в социализм", но в социализм, уже вошедший в процесс безостановочного перерастания, "самоперерабатывания" себя в коммунистическое общество как таковое.

И вот запуск сталинской экономической модели, он как раз и знаменует, "распечатывает" собою вхождение, вступление социалистического общественного устройства в этот процесс.

Таким образом, многократно и жестоко осмеянный вывод XXII съезда КПСС (1961г.) о том, что в СССР начался **период развёрнутого строительства коммунизма**, вовсе не являлся, – вообще-то говоря, – столь уж смехотворным шапкозакидательством.

Именно так всё оно и было, – и было БЫ, если бы не одно роковое "НО". Если бы тогдашнее (хрущёвское) руководство СССР, сделав на партийном съезде стратегически абсолютно правильное заключение, не отказалось – тут же, в то же время! – от единственно верного, СТАЛИНСКОГО пути в этот самый коммунизм.

Т.е., если бы Хрущёв **в то же время** не приступил к ломке сталинской модели (ликвидация МТС с навязанной продажей сельхозтехники колхозам, "совнархозовщина" – попытка замены отраслевого управления общественным производством на территориальное, и т.п.).

К этому фатальному "если бы" присоединились и другие из той же оперы. Так, заданная И.В.Сталиным в "Экономических проблемах социализма в СССР" кардинальная политэкономическая установка на преимущественное совершенствование производственных (базисных) отношений как "главного двигателя производительных сил" была демонстративно подменена раскритикованной Сталиным ревизионистской догмой о приоритете,– якобы,– "материально-технической базы" над **базисом** – экономическим строем общества на определённом этапе его развития. Это с прискорбной наглядностью "лезет в глаза" из текста партийной Программы 1961 года.

И эта совокупность антисталинских вывертов, как в теории, как и непосредственно в общественной практике, не позволила осуществиться правильному – повторяем ещё раз – выводу о вступлении Советского государства, на гребне достижений сталинской эпохи, в полосу развёрнутого строительства коммунизма.

Но отсюда же логически вытекает, что если мы эти выверты – наконец-то! – отбрасываем и твёрдо становимся вновь на **сталинский, он же марксистско-ленинский фундамент** по всему теоретическому и практическому фронту, то положение о "развёрнутом строительстве коммунизма" обретает прежнюю, давнишнюю актуальность и силу.

И мы можем,– в итоге,– подвести достаточно категоричную черту под нашими, преизрядно уже затянувшимися исканиями на тему, куда нам возвращаться: возвращаться надо

на этап развёрнутого строительства коммунизма; необходимейшим условием чего является возобновление действия в народном хозяйстве сталинской двухмасштабной системы цен – системы естественноисторической самоликвидации товарно-денежных отношений.

Вот почему вопрос о сталинской модели становится неоспоримо ключевым для всей проблематики социализма как нашего объективно неотвратимого будущего.

Выход данной книги и призван продемонстрировать, что советская марксистская мысль,– даже будучи загнана в послесталинские времена в жесточайшее подполье, откуда её и по сей день не выпускают нынешние "коммунисты", ельцино-путиноидные,– она, тем не менее, сохранила присущую ей мощь и панорамную широту взгляда на мир, способность увидеть тот узловый пункт, где устрашающий обвал событий может и должен быть остановлен, обращён вспять, заменён на исторический конструктив. И она также сохранила волю и бойцовские качества, чтобы за этот конструктив бороться, даже в ситуации кажущейся безысходности,– и не то что бороться, а вести за него настоящую, отнюдь не метафорическую войну.

Да и как же по-другому-то!..

Ведь и против нас, против нашего социалистического конструктива велась и ведётся также самая настоящая, отнюдь не иносказательная – информационно-интеллектуальная война. И с отнюдь не иносказательными, но убийственно весомыми и зримыми результатами.

И одним из решающих, – если не решающим, – генеральным сражением в этой войне было, является и останется тридцатилетнее (примерно) **Сражение за социалистическую модификацию стоимости – за Сталинскую экономическую модель.**

И оно практически почти уже выиграно, – иначе не послышалось бы из нашего "левого" лагеря знакомое перехватническое кудахтанье, – дескать, сталинская модель, это нечто само собой понятное, и как же нам без неё обойтись. Сейчас важно не дать перехватчикам превратить кристаллизующееся "второе пришествие" сталинской модели в такую же губительную карикатуру, до какой небезызвестный запутинец Фёдоров опошил (пусть временно, но опошил) идеологию империалистической оккупации страны.

Впрочем, это хотя и изматывающие, но в целом арьергардные бои. Интеллектуально-информационный "хребет" антисталинизма (он же антиленинизм и антимарксизм) в экономике мы с тобой, отзывчивый на голос разума читатель, уже переломили.

Сентябрь 2015г.

Секретарь-координатор
Большевистской платформы в КПСС,
член Исполкома Съезда граждан СССР
Т.ХАБАРОВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК СИСТЕМА (СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ)

**Выступление на Молодёжном семинаре
по национальной безопасности при Госдуме ФС РФ**

Москва, 21 мая 1997г.

СКАЖУ НЕСКОЛЬКО СЛОВ о себе, чтобы те в этой аудитории, кто меня не знает, представляли, с кем имеют дело.

Кандидат философских наук, по базовому образованию – инженер-теплоэнергетик. В советское время – с большим стажем (с начала 70-х годов) "красный диссидент", т.е. диссидент не традиционного для тех времён сахаровско-солженицынского толка, а наоборот, антисахаровского и антисолженицынского. Вы скажете, – но ведь быть в 70-е годы против Сахарова и Солженицына, это значило, наверное, попросту стоять на тогдашней официальной точке зрения? Нет, ничего подобного. На основании собственного более чем достаточно опыта я утверждаю, что в период, когда Ю.В.Андропов возглавлял Комитет госбезопасности СССР, никакой действительной борьбы с антисоветской и антикоммунистической заразой в стране не велось, а происходило искусно отрежиссированное расползание этой заразы, фактически поощряемое по крайней мере частью высшего партийно-государственного руководства.

Борьба – и очень жёсткая, без дураков, – велась как раз с теми, кто всё зловещее значение этого процесса видел и понимал, и пытался на свой страх и риск этому противостоять.

Летом 1989г. Н.А.Андреева пригласила меня вступить в созданное ею Всесоюзное общество "Единство", я это приглашение приняла и вскоре стала председателем идеологической комиссии этого неформального объединения, в своё время весьма активного и влиятельного.

В июле 1991г. на базе "Единства" была образована Большевистская платформа в КПСС – последняя из успевших возникнуть в рамках КПСС крупных внутрипартийных платформ, наряду с Демплатформой, Марксистской платформой и Движением коммунистической инициативы (ДКИ). Идея Большевистской платформы – это моя идея, и мне же принадлежит авторство документа "Большевистская платформа в КПСС", принятого в 1991г. на Всесоюзной конференции в Минске, в которой участвовало, вместе с приглашёнными, свыше восьмисот человек. Из ДКИ впоследствии образовались КП РСФСР, затем КПрФ, и в качестве побочного продукта – РКРП. Из Марксистской платформы вышли группа А.В. Бузгалина, РПК и партия "Союз коммунистов", ныне это

пригаринская РКП-КПСС. На основе Большевистской платформы Н.А.Андреева создала свою ВКПБ, но часть Большевистской платформы в КПСС, куда и я вхожу, донине продолжает существовать и действовать под этим названием. Так что по своей партийной принадлежности я член КПСС.

Участник Пленума ЦК КПСС 13 июня 1992г., в 1992–93 гг. член Оргкомитета ЦК КПСС по созыву XX Всесоюзной партконференции и XXIX съезда КПСС. Делегат обоих этих форумов; с февраля 1992г.– участник процесса воссоздания Московской городской парторганизации и делегат первого после распада КПСС и КП РСФСР Московского городского партактива 4 октября 1992г. После XXIX съезда КПСС, который состоялся в марте 1993г., – член Политисполкома и Совета партий СКП–КПСС.

В 1994-95 гг. из руководящих органов СКП-КПСС вышла, из-за разногласий с О.С.Шениным и его группировкой. Я всегда считала и считаю идею "союза компартий" для нашей страны в её нынешнем положении в корне неверной, и твёрдо стою на позициях воссоздания унитарной Коммунистической партии Советского Союза, на большевистской идейно-теоретической основе.

В 1995г. наша группа – Большевистская платформа в КПСС,– мы воплотили в жизнь ещё одну идею; это созыв Съезда граждан СССР, который и поимел место в октябре 1995г. Съезд принял Декларацию о единстве Советского народа, его праве на воссоединение и на осуществление всей полноты власти и государственного суверенитета на территории СССР. В этом документе, впервые после Мартовского референдума 1991г., ребром поставлен вопрос о факте существования Советского народа и о принадлежащих ему правах, прежде всего о праве на воссоединение, поскольку юридически он является в настоящий момент народом насильственно разделённым.

Съезд граждан СССР второго созыва планируется собрать, предположительно, в конце лета – начале осени нынешнего года. Съезду будет представлен проект новой редакции Конституции СССР, а Съезд,– по нашим намёткам,– вынесет проект на обсуждение советских людей. И вот здесь мы выходим на тему нашего с вами сегодняшнего собеседования, ибо в упомянутый проект новой редакции Советской Конституции будет заложена,– и уже, собственно, заложена,– сталинская экономическая схематика, о которой меня просили вам рассказать.

Несколько самых общих оценок нынешнего состояния дел.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, никому из мыслящих людей не следует сомневаться, что единственный реалистический вариант будущего нашей страны – это социализм. Почему,– да просто потому, что это наиболее совершенная в истории экономическая и политическая модель общественного устройства. Мы её исторически уже "ухватили", уже начали претворять её в жизнь, и она непременно вернётся, ибо ход истории необратим, и он направлен в сторону прогресса, а не регресса.

Почему же,— меня спросят,— если социалистическая модель была столь хороша, почему же мы оказались на таком пепелище? По довольно простой, в общем и целом, причине — по причине поражения в войне. Страна под названием СССР потерпела временное поражение в Третьей мировой войне, или в войне информационно-психологической, психополитической и т.д. Внутренних причин, достаточных для катастрофы подобного масштаба, у социализма в Советском Союзе не было. У него были определённые трудности и кризисные явления в развитии, но они не являлись фатальными, они поддавались упорядоченному преодолению и сами по себе не могли вызвать тот обвал, который реально произошёл. Сами по себе — не могли, а вот вкупе с информационно-психологической агрессией геополитического противника, которая продолжалась десятилетиями,— вот это уже другое дело.

Поэтому, чтобы адекватно понимать происходящее, нужно к словосочетанию "Третья мировая война" относиться не как к какой-то метафоре, а как к абсолютно точному и единственно правильному отражению реального положения вещей. И в этой системе координат действовать, если не хотим окончательно сгинуть с лица Земли,— поскольку война далеко ещё не окончена, и её последующие этапы сулят нам хорошего не больше, чем те, которые на нас уже обрушились.

Это второй важнейший момент.

Кстати, Исполком Съезда граждан СССР недавно официально обратился в ООН с требованием признать так называемую "информационно-психологическую", или "холодную" войну тем, чем она в действительности с самого начала и являлась,— т.е., вот именно, Третьей мировой войной, неспровоцированной агрессией США против Советского Союза, в ходе которой были поправлены все основополагающие документы, цели и принципы Организации Объединённых Наций. А стало быть, ООН обязана против этой агрессии принять, наконец, те меры, которые с непреложностью вытекают из её собственного Устава.

Третье. На Съезде граждан СССР в октябре 1995г. было сформулировано, что "сверхоружием" Третьей мировой войны выступила ИНСПИРИРОВАННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЗМЕНА; т.е., под влиянием длительных подрывных действий "пятой колонны" внутри СССР правящая партийно-государственная верхушка выродилась, в конечном итоге, в типичный коллаборационистский, квислинговский режим, выражающий и выполняющий интересы и волю не народа, а геополитического противника страны — транснационального капитала, средоточием которого и являются Соединённые Штаты.

Отсюда следует невозможность и непозволительность для мыслящего человека относиться к нынешним властям где бы то ни было не территории СССР, хотя бы в той же России, как к "правительству", и к действиям, совершаемым этими властями,— как к некоей национальной политике. Это не правительство и это не политика, а это шайка опаснейших государственных преступников, которая под диктовку фактического агрессора методично разрушает в стране её

промышленный, сельскохозяйственный, научно-технический, оборонный, культурный, институциональный и самое главное – человеческий потенциал.

Что это за "правительство", которое ведёт геноцид собственного народа, – в полном, так сказать, соответствии с Международной конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него? Необходимо всем хорошо открыть глаза на тот факт, что в стране, где население стабильно прирастало темпами около процента в год, добиться регулярной ежегодной УБЫЛИ населения практически теми же темпами – это крайне сложная задача! Это не может произойти "просто так", само собой, для этого нужно предпринять массу тщательно продуманных и целенаправленных усилий. Т.е., речь здесь должна идти только и единственно о ПРЕСТУПЛЕНИИ; точно так же, как если бы мы вчера оставили семью наших знакомых в прекрасном настроении и добром здравии, а сегодня приезжаем и видим в квартире трупы, то всякого, кто примется рассуждать, будто это получилось как-то само по себе, сочтут или круглым дураком, или сообщником бандитов. Вот и нам пора уже перестать строить из себя дураков перед зрелищем геноцида, который творится в государстве. И ввиду этого фундаментальнейшего факта, – что мы беспричинно теряем почти по миллиону соотечественников в год, – должна умолкнуть всякая болтовня о "реформах", "демократии", стабилизации, инфляции, каких-то там десятых долях процента якобы намечившегося "экономического роста" и т.д. Преднамеренное, заранее спланированное уничтожение людей нельзя оправдать ничем, это есть преступление против человечности, не подлежащее амнистии и не имеющее сроков давности, лица, его совершающие, суть военные преступники и должны нести ответственность за свои деяния по нормам Международного военного трибунала.

Ясно, что подобное состояние государства абсолютно ненормально и что его можно объяснить только в терминах фактической оккупации страны внешним врагом при посредстве откровенных, отпетых коллаборантов изнутри.

На этом мы пока обсуждение ненормального состояния государства закончим, и давайте теперь внимательней рассмотрим, как должно выглядеть для него – для нашего государства – состояние нормальное, т.е. социалистическое.

Социализм – естественное состояние людского сообщества.
Структурный "напарник" формы собственности –
– ФОРМА КОНСОЛИДАЦИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ЧИСТОГО ДОХОДА,
или МОДИФИКАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ СТОИМОСТИ.

ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ социализма – это строй, при котором ЧЕЛОВЕК ДОСТИГАЕТ ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ ПОЛНОТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРИ ПОМОЩИ ТОЛЬКО СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ДОБРОСОВЕСТНОГО ТРУДА, НО НЕ ПРИ ПОМОЩИ ПАРАЗИТИЧЕСКОГО ПРИСВОЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ТРУДА СВОИХ СОГРАЖДАН.

Стоит только вот так спокойно и здраво сформулировать, о чём вообще идёт речь, как делается очевидно, что не может мало-мальски думающий человек, обладающий элементарной врождённой культурой, быть всерьёз противником социализма. Ведь это просто естественное состояние людского сообщества – естественное не в смысле некоей первобытности, а в смысле закономерного и желаемого результата исторического развития.

Паразитическое присвоение чужого труда, или его ЭКСПЛУАТАЦИЯ, осуществляется через присвоение материальных условий процесса труда, т.е. через частную собственность на средства производства.

То, что частная собственность на материальные условия производительной деятельности – это есть зло, которое порождает неравенство, бесправие, нищету, жизненную беспросветность для огромного большинства нации, это человечеству было известно за много столетий до появления в России РСДРП и Маркса с Энгельсом в Западной Европе. Идея уничтожения частной собственности – это мощная социально-философская традиция, идущая ещё от древнейших времён, и изображать её как "тупик мировой цивилизации", выдуманный, – якобы, – российскими большевиками, это по меньшей мере невежественно.

Мало-помалу пришли к удовлетворительной степени согласия и относительно того, что коль скоро собственность должна стать общей, а ближайшим олицетворением и выразителем общих интересов является государство, то для начала она, по-видимому, должна сделаться государственной.

Что же оказалось, при осуществлении всех этих замыслов, главным подводным камнем; что образовало всю ту многоактную драму или эпопею экономического становления социализма в XX веке, незаконченность которой и послужила одной из причин происшедшего срыва?

Дело тут вот в чём.

Сказать об общественном устройстве, что ему присуща такая-то форма собственности, – это значит сказать не более половины того, что должно быть сказано. У формы собственности есть неотторжимый от неё структурный "напарник", единственно в сочетании с которым она и обретает работоспособность. Этот "напарник", – это ФОРМА КОНСОЛИДАЦИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИСТОГО ДОХОДА от производственной деятельности, т.е. той самой прибавочной стоимости, новой стоимости, из-за которой и горит обычно весь социально-экономический сыр-бор: откуда она берётся и кому должна принадлежать.

Откуда она берётся, об этом со времён создания трудовой теории стоимости тоже, вроде бы, в основном договорились, – что она вырабатывается, производится живым трудом. Но реально она проявляется в экономическом процессе – или (как это чаще всего называют) аккумулируется, консолидируется – весьма прихотливым образом, и её обусловленность живым трудом, её происхождение всецело из затрат живого труда не только не очевидны, а даже совсем наоборот.

В реальном экономическом процессе новая стоимость, или чистый доход, обладает свойством как бы "налипать" на тот производственный фактор, который выступает главным объектом частнособственнического присвоения. Если

при феодальном строе главным объектом присвоения является земля, то и прибавочный продукт "налипает на землю", принимает форму ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ, в двух её основных ипостасях – барщины и оброка, и только в этом виде он может "выпасть в осадок" из производственного процесса, только в этом виде он может быть из производственного процесса извлечён. "Налипание" чистого дохода на исторически доминирующий фактор производства, в данном случае на землю, и обеспечивает то, что чистый доход попадает в руки господствующему в обществе классу собственников, т.е. в данном случае землевладельцам-феодалам.

При капитализме главным объектом частнособственнического присвоения и в этом смысле доминирующим фактором становятся материально-технические средства производства, и чистый доход, соответственно, принимает форму ПРИБЫЛИ, которая складывается, как известно, пропорционально авансированному капиталу, стоимости средств производства, но опять-таки не живому труду. Т.е., как бы "налипает" на капитал.

С этим явлением, естественно, необходимо было разобраться, и классики дали ему такое объяснение, что стоимость – это отношение не какое-то абстрактно вневременное, неподвижное, а оно, как и все прочие, исторически видоизменяется, или модифицируется. И таким образом, каждому способу производства, кроме специфической для него формы собственности, присуща и своя специфическая МОДИФИКАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ СТОИМОСТИ. Производится новая стоимость всякий раз живым трудом, а вот проявляться на поверхности экономической действительности она может так, что её первичную зависимость от живого труда уловить очень непросто. Такова каждый раз её конкретно-историческая модификация.

Вот это фундаментально важный пункт.

Всякий новый способ производства достигает надлежащей исторической завершенности и приобретает черты целостного экономического организма лишь тогда, когда развились навстречу друг другу и вошли в определённое системное зацепление между собой не только доминирующая форма собственности, и не только то, что принято называть материально-технической базой, но и соответствующая данному экономическому строю модификация стоимости. Или, что то же самое, форма проявления, на данной ступени развития общества, ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Задача задач социалистического экономического строительства –
– отыскать "парную" к социалистической собственности
модификацию отношения стоимости,
или
выстроить социалистическую экономику как СИСТЕМУ.

В ПРЕДДВЕРИИ социалистической революции и на первоначальных стадиях становления нового строя у нас в стране бытовало убеждение, что с товарно-денежными отношениями будет покончено если не сразу после революции, то

во всяком случае довольно скоро. Политика так называемого военного коммунизма, она и явилась в значительной мере отражением этих настроений; а переход к нэпу – это было политическое признание того непреложного и быстро обнаружившегося факта, что дело тут обстоит не так просто и что без товарно-денежных отношений пока не обойтись, причём это "пока" может вылиться в весьма длительный исторический период.

В.И. Ленин писал в работе "К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции":

"Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие ... экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчёта – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку."¹

В другой ленинской работе тех же дней читаем:

"... новая экономическая политика, по сути её, в том и состоит, что мы в этом пункте потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление ..." "Новая экономическая политика означает ... переход к восстановлению капитализма ..." ²

Вся история с нэпом, если смотреть с высоты сегодняшнего понимания проблемы, заключалась в том, что большевики в России столкнулись с необходимостью, – кроме установления общественной (а ближайшим образом это значит – государственной) социалистической формы собственности, – найти, нащупать в реальной экономической действительности такую объективную закономерность, которая обслуживала бы общественную социалистическую собственность так же, как закон средней нормы прибыли обслуживает собственность частнокапиталистическую. Т.е., преемнику В.И. Ленина на посту руководителя Советского государства предстояло не только решить задачи индустриализации страны, коллективизации села и т.д., но ему предстояло ещё решить кардинальнейшую задачу, задачу задач – это отыскать "парную" к социалистической собственности модификацию отношения стоимости; иначе говоря, выстроить всю социалистическую экономику как СИСТЕМУ, как исторически конкурентоспособную целостность.

В период нэпа отступили к капитализму, но пользоваться сколь-либо длительное время капиталистической модификацией закона стоимости было нельзя: эффект тут мог получиться только самый скоротечный, а затем наступил бы кризис и произошла бы полнометражная капиталистическая реставрация в стране.

¹ В.И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 151.

² Там же, стр. 158, 159–160.

Надо прямо сказать, что в то время грандиозность этой задачи, да и самый факт её возникновения,— что это именно она встала в повестку дня,— не были адекватно осмыслены. На глубинном, концептуальном уровне развитие советской экономики на протяжении трёх послеленинских десятилетий определялось логикой решения именно этой проблемы — превратить социалистическую экономику в исторически самостоятельную, исторически суверенную целостность. И интуитивно работа велась в верном направлении, неумоимо и очень энергично. Однако, в официальных документах того периода, в выступлениях руководителей партии и государства и даже, к сожалению, в научной литературе — нигде вот такой чёткой формулировки проблемы и чётко выраженного понимания, что решается именно она, вы не встретите. Только когда задача выстраивания социалистического народного хозяйства как целостной системы уже была практически решена, на закате своей титанической деятельности по строительству Советской Державы И.В.Сталин а своём политическом завещании — в работе "Экономические проблемы социализма в СССР" — попытался дать обобщающую экономико-философскую картину этого поистине эпохального свершения, этого коллективного творения, можно сказать, всего Советского народа. И увы, лишь спустя несколько лет после смерти И.В.Сталина, в одной из забурливших тогда экономических дискуссий оказались, наконец, произнесены слова, что сталинская так называемая двухмасштабная система цен, это и есть не что иное, как социалистическая модификация стоимости.³ Но было уже поздно, уже подули другие ветры, набирала силу Третья мировая война, а наипервейшей головной болью для геополитического противника в этой войне являлся как раз сталинский экономический механизм.

И в результате, когда мы давно уже сидели на руинах этого механизма, то при попытках всерьёз и основательно заговорить обо всём этом, т.е. о социалистической модификации стоимости, на тебя смотрели так, как будто ты им рассказываешь об обратной стороне Луны,— а не об экономической системе, которая тут, у нас, на нашей земле существовала и действовала в полную мощь. И добро бы, если бы только Аганбегяны, Абалкины, Белкины, Райзберги, Отсасоны и иже с ними не желали этого слышать, воспринимать и печатать. Но ведь что самое удивительное,— и на страницы наших так называемых оппозиционных изданий, мало-мальски читаемых из них, ни одна, например, моя статья на эту тему с 1989г. так и не смогла пробиться; начиная с известного сборника 1990г. "Альтернатива", куда из всех деятелей левого движения, писавших и выступавших тогда по экономическим вопросам, только меня, кажется, и не пригласили, а вместо этого по товарно-денежным отношениям и закону стоимости при социализме опубликовали какую-то чушь.

Итак; а всё же,— вот эта задача нахождения адекватной социалистическому строю формы консолидации и распределения чистого дохода, была она действительно решена? Да, она была действительно и безусловно решена. Но решали и решили её методом проб и ошибок, скорее эмпирически чем исходя из чётких

³ См. Закон стоимости и его роль при социализме. Госпланиздат, М., 1959, стр. 255.

теоретических предпосылок. Поэтому реконструировать здесь этот процесс, как он шёл в природе, нет смысла, а давайте сразу встанем минимум на ту точку зрения, с которой И.В.Сталин, как бы полуобернувшись назад, смотрел в 1952 году.

**Социалистическая экономика, приведённая в систему,
как гигантский "всенародный синдикат".**

Средства производства

как ОБЩЕСТВЕННО-ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ

и потребительские товары

как ОБЩЕСТВЕННО-КОНЕЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ

"всенародного синдиката".

В "ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛИЗМА В СССР", прежде всего, расставлены точки над *i* по вопросу о сфере действия закона стоимости при социализме, или, что то же самое, о сфере действия при социализме товарно-денежных отношений, товарного производства, или, что то же самое, это вопрос о СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЫНКЕ.

Социалистическим рынком является только рынок товаров народного потребления. Рынка рабочей силы в социалистическом обществе нет, средства производства тоже перестали быть товарами, о земле и заикаться не приходится. По Сталину, если кто-либо полагает, будто мы должны восстановить у себя все экономические категории буржуазного строя, раз уж нами признано существование товарного производства при социализме,— эти люди глубоко заблуждаются. Наше товарное производство коренным образом отличается от капиталистического. Стоимость — категория историческая⁴, форма её проявления в наших условиях совсем иная, чем в условиях частнособственнического присвоения средств производства. Закон стоимости,— пишет Сталин,— у нас "ограничен и поставлен в рамки".⁵ Правда, И.В.Сталин не употребляет самого этого термина — "социалистическая модификация стоимости", но по существу, однозначно и бесспорно, им излагается именно этот подход.

А что такое есть, вообще говоря, товары народного потребления?

Потребительские товары, это есть средства воспроизводства рабочей силы; это непосредственные и ближайшие заместители или представители живого труда в системе стоимостных отношений. Ведь сам труд, как известно, ни стоимости, ни цены не имеет.

Из разграничения продукции народного хозяйства на товары и нетовары вытекает ряд важных следствий.

Первое, это то, что стоимость прибавочного продукта, или чистый доход может теперь консолидироваться вообще,— строго говоря,— только в ценах на

⁴ См. И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 22..

⁵ Там же, стр. 21.

товары народного потребления. Это получается просто потому, что только они экономически являются товарами и только у них имеется цена в собственном смысле слова, т.е. цена не как некая условно-расчётная, а как экономически значимая, критериальная, если можно так выразиться, величина. А ведь чистый доход и есть не что иное, как разница между ценой и себестоимостью. Где нет экономически значимой цены, там и дохода экономически обоснованного не будет.

Кстати, здесь хотелось бы предостеречь от расхожего предрассудка, будто на социалистическом рынке потребительских товаров никто никогда не руководствовался законом спроса и предложения, цены брались с потолка, и это, вроде бы, так и надо. Закон равновесия спроса и предложения на социалистическом товарном рынке действует неукоснительно, цены этого рынка носят объективный характер, и когда с этим считались, то имели полные прилавки при снижающихся ценах; а когда не считались, то и получался дисбаланс товарно-денежного оборота, отложенный спрос на сберкнижках, сверхнормативные запасы товарно-материальных ценностей на складах и прочие неприятности. Но виноват в этом был не социализм, а люди, которые упорно пёрли против его объективных закономерностей.

Второе следствие, это то, что между товарами и нетоварами в этом случае естественно возникает ещё одно различие, и они начинают различаться между собой как продукция общественно-конечная и общественно-промежуточная. Но иначе и быть не может; потому что, если в целостном экономическом организме общества ещё имеется рынок, в какой угодно форме, если общество без рынка ещё не в состоянии обойтись, то ЭКОНОМИЧЕСКИ нет никаких других вариантов, кроме как считать конечным общественным продуктом только и именно то, что реализуется посредством рынка, а то, что до рынка не доходит, реализуется по каким-то иным правилам,— это всё попадает в общественно-промежуточный продукт.

Итак, в принципе у нас вся продукция производственно-технического назначения,— за исключением небольшой её части, которая продаётся населению наравне с другими потребительскими товарами,— в остальном вся она ЭКОНОМИЧЕСКИ попадает в разряд общественно-промежуточной продукции, и критериальной величиной для неё становится себестоимость, а не цена.

И третье следствие. Хотя стоимость прибавочного продукта создаётся всеми работниками материального производства, но окончательно она "созревает" для общества и выпадает в осадок из экономического процесса, аккумулируется только на потребительском рынке; или, как раньше часто говорили, "не в сфере производства, а в сфере обращения". В производственных же ячейках по ходу, так сказать, следования созревающей новой стоимости через различные звенья общественно-технологической цепочки на рынок,— в производственных ячейках как таковых стоимость прибавочного продукта не формируется.

Конечно, это модель идеальная, и в действительности всё обстоит далеко не так прямолинейно. А теперь самое время вспомнить, что В.И. Ленин, поясняя сущность социализма, неоднократно обращался в своих трудах к аналогии ме-

жду целостностью социалистического народного хозяйства и различными формами крупнокапиталистических промышленных объединений. Так, в "Государстве и революции" он говорит о социалистической обобществлённой экономике как о едином "всенародном государственном синдикате".⁶ Широко известно и ленинское уподобление обобществлённого хозяйства "государственно-капиталистической монополии, обращённой на пользу всего народа".⁷

И вот, если мы теперь посмотрим, к чему мы пришли в поисках социалистической экономической системности, то мы увидим, что у нас, действительно, всё народное хозяйство "завязалось" в некое подобие гигантского многоотраслевого концерна, или "всенародного синдиката". Синдикат выходит на рынок с определённой конечной продукцией, и только в цене этой продукции содержится вся та прибыль, которую ему суждено из своей совокупной деятельности извлечь. Потом суммарная прибыль делится на всех участников технологической цепочки. Но никому там в голову не придёт формировать прибыль в цене промежуточного продукта, хотя бы полуфабрикат двадцать раз переходил внутри объединения от предприятия к предприятию и хотя бы предприятия были друг от друга отделены, как говорится, морями-океанами. Всё равно промежуточный продукт будет передаваться от звена к звену по "бесприбыльным" трансфертным ценам, приблизительно равным себестоимости.

Вот такой "всенародный синдикат" фактически и образовался у нас в экономике на протяжении 30-х – 40-х годов. В этом "синдикате", или едином народнохозяйственном комплексе, как промежуточную продукцию нужно было рассматривать продукцию производственно-технического назначения, а в роли конечной продукции фигурировали товары народного потребления.

Продукция производственно-технического назначения не продавалась, она фондировалась, т.е. распределялась по каналам материально-технического снабжения. Цены на неё устанавливались единообразно, чуть выше себестоимости, – себестоимость плюс так называемая минимальная прибыль, в пределах нескольких процентов от себестоимости. Снижение себестоимости выступало одним из главных планово-оценочных показателей, на основе снижения себестоимости снижались оптовые цены, и таким образом создаваемый в материальном производстве чистый доход как бы продавливался по общественно-технологической цепочке вплоть до рынка потребительских товаров, где он принимал форму налога с оборота в цене этих товаров и поступал в бюджет. Надо сказать, что государство проводило активную политику снижения оптовых цен, и именно эта перспектива неминуемого предстоящего снижения оптовой цены на продукцию побуждала любого хозяйственного руководителя энергично искать резервы снижения её себестоимости.

Далеко не весь общественный чистый доход реально аккумулировался на потребительском рынке. Часть его продолжала, как мы только что видели, формироваться в производственных ячейках по весьма уязвимой схеме – в про-

⁶ См. В.И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. 101.

⁷ В.И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 192.

центах к себестоимости, т.е., в основном, к затратам овеществлённого труда. Это служило, в числе прочего, причиной разных неблагоприятных явлений. Но всё же к концу сталинского правления, в 1952г., доля налога с оборота в доходах госбюджета достигла 69%.⁸

Следует подчеркнуть, что термин "налог с оборота" применительно к этому платежу в условиях социалистического хозяйствования абсолютно не отражает его действительной природы. Это не налог, а это именно консолидированный в ценах на общественно-конечную продукцию чистый доход общества. Видный советский экономист А.В.Бачурин предлагал называть его "общегосударственным доходом".⁹ Налог с оборота составлял основную часть платежа, который назывался "централизованный чистый доход государства".

Кстати, книгу А.В.Бачурина "Прибыль и налог с оборота в СССР", изданную в 1955г., я рекомендую почитать тем, кто хотел бы более детально ознакомиться с принципами функционирования советской экономики сталинского периода. Из того, что лично мне известно, это едва ли не лучшая работа на эту тему.

Консолидация общественного чистого дохода "по труду"
(в форме налога с оборота
на социалистическом потребительском рынке).
Распределение общественного чистого дохода "по труду"
(через регулярное снижение розничных цен
и наращивание фондов бесплатного общественного потребления).
Советское народное хозяйство, сталинского периода –
– не "мобилизационная экономика",
а СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ТАКОВАЯ.

СЕЙЧАС давайте сделаем небольшое обобщающее отступление, а потом закончим анализ модели.

Среди наших экономистов в предперестроечное время был весьма популярен такой мотив, что, – мол, – и с Запада надо брать всё лучшее, надо ассимилировать их достижения.

Так вот, никогда наша экономика не поднималась до столь блистательного, столь органичного, столь продуктивного и столь исторически оправданного освоения экономических достижений западной цивилизации, как в сталинскую эпоху. Причём, это была не просто ассимиляция, а это было подлинное диалектическое "снятие", т.е. творческая переработка, с экстрагированием всего наиболее значимого, и восхождение на качественно новую историческую ступень.

И особую ценность этой творческой переработке придаёт то, что она совершилась объективно, без явно выраженного сознательного намерения. Конечно, большевики-сталинцы помнили ленинский завет о необходимости усвоения

⁸ См. Методологические проблемы экономической науки. "Мысль", М., 1967, стр. 70.

⁹ А.В.Бачурин. Прибыль и налог с оборота в СССР. Госфиниздат, М., 1955, стр. 141.

всех накопленных человечеством интеллектуальных и организационно-практических богатств. Но наверняка никто из них, начиная с самого И.В.Сталина, не задавался сознательно целью – диалектически обобщать то полезное, чего сумела достичь буржуазия. Тем паче, что существенная часть этих достижений исторически вообще была ещё впереди, а наша первая пятилетка развёртывалась на фоне мирового кризиса 1929-33 гг.

И тем не менее, плодотворнейший принцип, который в капиталистическом хозяйстве смогли задействовать только в рамках промышленного объединения, – а это принцип НЕИЗВЛЕЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ ИЗ ЦЕНЫ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПРОДУКТА, – он у нас оказался вот именно объективно обобщён, распространён на уровень экономического организма в целом.

Вернёмся теперь к анализу модели и закончим его.

Выше уже говорилось, что стоимость прибавочного продукта, или чистый доход, обладает свойством "налипать" на тот фактор производства, который на данном историческом этапе является доминирующим, т.е. с ним связана, в нём коренится экономическая мощь господствующего класса.

Смотрим, на что же у нас в сталинской модели "налипает" общественный чистый доход, – учитывая, что линия на перенос доходобразующей функции в цены потребительского рынка хотя и не выдерживалась до конца, но всё же её стремились провести со всей возможной полнотой.

И мы видим, что, – поскольку потребительские товары суть прямые рыночные заместители и представители живого труда, то и общественный чистый доход здесь "липнет" не на что иное, как на живой труд; иначе говоря, объективно формируется ПРОПОРЦИОНАЛЬНО ЖИВОМУ ТРУДУ, его затратам. Т.е., тот производственный фактор, которому при нашем строе должна принадлежать экономическая и политическая гегемония, – он и в самой структуре, в материальном теле экономического организма поставлен на место, объективно обеспечивающее эту гегемонию: на нём "оседает" конечный результат общественно- производственного процесса, стоимость прибавочного продукта.

Здесь кончается аналогия с капиталистической корпорацией; и здесь совершается базисный, социоструктурный сдвиг формационного масштаба, разрешается то противоречие между общественным характером труда и частным присвоением его результатов, которое и призван, собственно, разрешить социализм. От частного присвоения мы переходим к общественному, от формирования и распределения новой стоимости через капитал, по капиталу – к её формированию и распределению по труду, от распределения в денежной форме на уровне производственных единиц – к распределению в натуральной форме на государственном уровне.

Всегда у нас много было, да и сейчас хватает, разговоров о "распределении по труду", но упорно люди не хотят понять двух простых вещей: первое, что распределить по труду можно только то, что и формируется в пропорции к труду, к его затратам; и второе, что распределение по труду может быть только ОБЩЕСТВЕННЫМ (в противоположность частному) и может осуществляться

только по общенародным, общегосударственным каналам. И ещё: оно принципиально неосуществимо в денежной форме.

А в какой же форме оно осуществляется в сталинской "двухмасштабной" модели? (Кстати, само это название – "двухмасштабная система цен" – произошло из разделения на фактически трансфертные цены средств производства и цены потребительского рынка с развитой доходобразующей компонентой.) В сталинской "двухмасштабной" модели распределение по труду осуществляется а/ в форме регулярно производимого государством, за счёт налога с оборота, массового снижения базовых розничных цен и б/ в форме непрерывного наращивания, расширения, качественного совершенствования фондов бесплатного общественного потребления. Никаких иных вариантов "распределения по труду" в природе не существует.

Советские граждане в массе своей совершенно не понимали, да никто и не старался довести до их понимания, что снижающиеся (или хотя бы длительно стабильные) розничные цены плюс развитые фонды бесплатного потребления – это реализация их ПРАВА НА ДОХОД, это та единственно возможная форма, в которой трудящийся при социализме получает, дополнительно к зарплате и различным премиальным выплатам по месту работы, свою долю дохода как совладелец обобществлённых (или, что то же, огосударствлённых) средств производства. Поэтому люди не оказали должного сопротивления пресловутому "разгосударствлению" и приватизации. Они думали, что им теперь, в дополнение к стабильным ценам и бесплатному здравоохранению с образованием и жильём, будут ещё выдавать некие "дивиденды". Но дивиденды достались другим, а своё кровное право на доход – в той форме, в какой единственно он мог им поступить, – рядовые труженики потеряли. Причём, потеряли "с мясом", т.е. с огромной частью зарплаты; а пенсии, так те вообще урезали в несколько раз.

В проект новой редакции Конституции СССР, – о чём упоминалось вначале, – право граждан на долю в чистом доходе общества вводится отдельной статьёй, со ссылкой на всю систему отношений социалистической государственной собственности и социалистического хозяйствования как на материальную гарантию этого права. Народ должен хорошо зарубить себе на носу, откуда берутся бесплатная операция в лучшей клинике страны, бесплатная квартира и во-время выдаваемая зарплата. И если кто-либо впредь запиликает, что, мол, государственная собственность – она "ничья", всякий должен уметь ответить: врётся, она самая что ни на есть моя, потому что она меня бесплатно учит, лечит, даёт работу, селит в прекрасную квартиру, за гроши возит по всей стране, хоть к Чёрному морю, хоть к Ледовитому океану, и кто на неё покушается, тот враг народа. Вот тогда никакая "пятая колонна" будет нам не страшна.

Критерием народнохозяйственной эффективности в сталинской модели выступает "лаг" ежегодного суммарного снижения розничных цен. Кстати, опять-таки просматривается явная системная аналогия между понижательным движением уровня базовых розничных цен при социализме и тенденцией нормы прибыли к понижению в условиях капиталистического хозяйства. Непрерывное снижение цен, увеличение объёма благ, предоставляемых трудящимся бесплат-

но, в меру развития у них культуры потребностей,— всё это выливается в своеобразное прогрессирующее "самоизживание" товарно-денежных, стоимостных отношений. Открывается перспектива закономерного эволюционного перехода к высшей фазе коммунизма, к полностью нетоварному производству, в котором трудящийся реализует себя уже не как обладатель "рабочей силы", а как творческая личность, и к коммунистическому распределению по законам разумного и культурного изобилия.

Вывод из всего сказанного такой, что сталинская конструкция социалистического народнохозяйственного процесса на базе механизма непрерывного снижения затрат и цен, это была не какая-то "мобилизационная экономика",— как написано в программных документах практически всех наших нынешних компартий,— а это была **СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ТАКОВАЯ**, в её аутентичном виде, впервые в истории "схваченная" в своих принципиальных очертаниях и в объективно присущей ей системности. В этой модели форма консолидации и распределения чистого дохода (т.е., модификация отношений стоимости) полностью соответствовала форме собственности и объективному существованию нового общественного строя. Разговоры о возвращении к социализму вне постановки вопроса о возвращении к этой экономической схеме тике всецело беспредметны.

Причём, надо всячески подчеркнуть, что это будет возвращение не назад, а вперёд; ибо, оказываясь в зоне действия сталинской экономической модели, мы оказываемся, если быть вполне точными, уже не в социализме, а на стадии развёрнутого строительства коммунизма,— как у нас в своё время совершенно правильно это формулировали. Т.е., мы оказываемся в таком социализме, который интенсивно и непрерывно, ежеминутно и ежечасно сам себя перерабатывает в коммунизм.

Как была разрушена советская экономика

во время "реформы" 1965-67 гг.

(путём разрушения системного соответствия между отношениями собственности и модификацией стоимости).

Как нужно было выйти из кризиса, порождённого "реформой"

(восстановить в экономике системообразующее соответствие

принципа консолидации дохода

социалистическим отношениям собственности).

ВООБЩЕ мне хотелось бы ещё кое-что сказать о "даухмасштабной" модели самой по себе, но невозможно не коснуться, хотя бы совсем коротко, вопроса о том, как она была разрушена.

А разрушена она была,— как говорится,— с толком и с умом, и удар был нанесён в самую её сердцевину: в сочленение между формой собственности и принципом доходообразования.

Тот, кто интересовался историей и предысторией косыгинской реформы 1965-67 гг., наверняка помнит, как излагалась суть этой реформы наиболее рья-

ными её адептами. А излагалась она так, что налог с оборота при формировании бюджета должен был быть вытеснен отчислениями от прибылей и платой предприятий за производственные фонды.

А с чего бы это наши реформаторы так возненавидели налог с оборота? Да по очень нехитрой причине, — потому что он представляет собой чистый доход общества, консолидируемый по-социалистически, пропорционально живому труду. Что касается прибыли предприятий, — в той мере, в какой она еще формируется при социализме, — и тем паче платы за фонды, то это есть разновидности чистого дохода, консолидируемые пропорционально труду овеществлённому; т.е., по аналогии с тем, как это имеет место в капиталистическом обществе.

Соответственно была поставлена главная цель реформы: покончить с так называемой двухканальной системой платежей в бюджет — в виде отчислений от прибылей и в виде налога с оборота — и перейти, в перспективе, к аккумуляции чистого дохода в народном хозяйстве полностью по типу "прибыли на капитал", т.е. пропорционально стоимости производственных основных фондов и материальных оборотных средств. Иначе говоря, целью реформы являлась замена социалистического принципа консолидации и распределения общественного чистого дохода "по труду" — неким суррогатом буржуазного принципа прибылеобразования и присвоения прибыли "по капиталу". Т.е., это с самого начала была не "реформа", а крупномасштабная экономическая диверсия, прямая предшественница гайдаро-чубайсовского погрома. Ибо невозможно представить себе такую степень человеческой дурости, чтобы тот же, например, А.Н.Косыгин на самом деле не понимал, что — реально — он в советской экономике творит. Во всяком случае, тот взрыв ликования, которым "реформа" была встречена на Западе, и тот радостный вой, который раздался оттуда по сему поводу, и те оценки, которые ей давались западными экономистами, — всё это самого беспробудного дурня должно было бы насторожить и заставить задуматься, то ли он делает, что надо. Так что дураков тут никаких, скорее всего, не было, как нет их и сейчас.

Как итог "реформы", социалистическая экономика лишилась адекватного ей принципа доходообразования, и в неё оказался насильственно, противоестественно имплантирован чуждый, не соответствующий общественной собственности, псевдокапиталистический механизм аккумуляции и присвоения общественного прибавочного продукта. Процесс доходообразования, — но вместе с тем и распределения дохода, — "сдёрнули" с народнохозяйственного уровня на уровень отдельных предприятий, т.е. общественное присвоение результатов общественного труда фактически заменили присвоением частногрупповым. Была сломана важнейшая в экономическом отношении "перегородка" между общественно-конечной и общественно-промежуточной продукцией, началось активное наращивание "дохода" повсюду в хозяйствующих ячейках, но теперь уже слово "доход" требуется взять в кавычки, поскольку обозначилась пагубная прямая зависимость этих новых реформаторских "доходов" от величины сделанных в процессе производства материальных затрат (а не от их экономии). Расцвёл весь букет негативных последствий "реформы", многократно описанных в на-

шей печати: падение темпов роста, резкое замедление научно-технического прогресса, удручающая динамика показателей эффективности, групповой эгоизм, несправедливость в распределении, а отсюда потеря стимулов к добросовестному труду, и т.д.

Двадцать лет мы от всего этого мучились, и в целом к середине 80-х годов в экономике, действительно, сложилась глубоко кризисная ситуация. Но вот вы теперь, после всего, что здесь сказано, ответьте мне: был ли этот кризис ограничен социализму, являлся ли он внутренним, имманентным кризисом самой социалистической системы? Нет и ещё раз нет; это был результат,— повторяю,— мощнейшей экономической диверсии, результат того, что социалистическая экономика минимум два с лишним десятилетия работала в искусственно созданном для неё аварийном режиме, с разрушенными важнейшими жизненными узлами. И я вас уверяю, что с такими разрушениями любая другая экономика, начиная с американской, загнулась бы даже не в годы, а в считанные месяцы, а наш народнохозяйственный комплекс, именно КАК СИСТЕМА, показал живучесть совершенно феноменальную: с такой ужасающей травмой, истекая, можно сказать, кровью, причём эту рану всё время ковыряли, не давая ей затянуться, и он нас кормил-поил, одевал-обувал, держал паритет с геополитическим противником, запускал уникальную технику в космос, устраивал олимпиады и конкурсы имени Чайковского... и ещё до сих пор жив. Это, знаете, не экономика, а это восьмое чудо света, вот уж поистине русское чудо, советское чудо не только XX века, а всего, наверное, второго тысячелетия нашей эры. И если мы это наше чудо не спасём, не отстоим, наконец, от врага,— то просто потеряем право называться на исторической арене Народом.

Ну, а что касается того, как нужно было выйти из кризиса, порождённого хрущёвско-косыгинским "реформаторством", или,— что то же самое,— вредительством, то ответ на этот вопрос, я думаю, из вышеизложенного также достаточно ясен: надо было, вот именно, вредительство это прекратить и восстановить в экономике системообразующее соответствие между формой собственности и модификацией стоимости, блистательно найденное в сталинскую эпоху.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ мне несколько беглых замечаний хотелось бы сделать, как говорится, по пункту "разное", в том числе и по поводу некоторых мифов, до сих пор связываемых со сталинской экономической системой.

Была ли "двухмасштабная" модель "затратной", экстенсивной, малоэффективной, дотационной и т.п.?

Всё это принадлежит к области досужего сочинительства. С самого зарождения социалистической экономики в ней был взят курс на извлечение чистого дохода (или, что то же самое, создание накоплений) не путём денежных накруток на цену продукции, а посредством экономии затрат. Эта линия жёстко проводилась уже с конца 20-х годов. В резолюции февральского (1927г.) пленума ЦК ВКП(б) "О снижении отпускных и розничных цен" говорилось: "В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства." "Абсолютно ошибочным и не-

состоятельным является положение, что интересы накопления и темпа индустриализации диктуют политику высоких промышленных цен." "В нашей хозяйственной системе политика снижения цен и есть то средство, с помощью коего рабочий класс воздействует на снижение себестоимости, ... подталкивает к рационализации производства и тем самым создаёт действительно здоровые источники социалистического накопления ..." "... именно высокие цены служат источником чрезмерного обрастания и бюрократических извращений производственных и в особенности торговых аппаратов." "Поэтому прямой обязанностью органов промышленности перед партией, рабочим классом и страной является понижение себестоимости."¹⁰

Даже после всех хрущёвско-косыгинских выкрутас, после того как снижение себестоимости одно время вообще изъяли из числа ведущих планово-оценочных показателей, всё же себестоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции в СССР в массе своей была в 5-10 раз ниже, чем в странах Запада.

Так, при доперестроечном курсе американского доллара примерно в 90 коп. (а это был, как мы теперь убедились, его резонный, вполне справедливый курс), себестоимость тонны угля в СССР составляла 6-10 руб. при мировой цене 30-40 долл.; себестоимость тонны нефти – 15-20 руб. при мировой цене 120 долл.; себестоимость метра проходки нефтяной скважины – 500 руб., в США – 1000 долл.; себестоимость 1 квтч электроэнергии – 1 коп., в США потребительская цена электроэнергии 9 центов, но она дотационная; себестоимость тонны зерна в колхозах с 1985 по 1989 год в среднем – 95 руб., в фермерских хозяйствах Финляндии – 482 долл.; цена поездки в метро – 5 коп. при себестоимости 5,1 коп., в США в оба конца – 2 долл. 30 центов; цена билета в кино – не свыше 70 коп., в США – 7 долл.; уют у нас стоил 5 руб., на Западе – 30 долл.; наши холодильники ценой в 300-320 руб. в Африке продавались по 2-2,5 тыс. долл., и их там нехватало.¹¹ И т.д.

Откуда такая дешевизна? Известный публицист С.Г.Кара-Мурза пишет, что экономисты на Западе усматривают во всём этом какую-то мистику. Но мистики никакой здесь нет, это – результат блокирования, на государственном уровне, процессов прибылеобразования в ценах на общественно-промежуточную продукцию, а также результат хорошей восприимчивости экономики к научно-техническому прогрессу. Так, за счёт внедрения в производство поточного метода Артиллерийский завод им. Сталина за время войны снизил себестоимость пушек в 6 раз.¹²

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. Госполитиздат, М., 1954, стр. 345, 348.

¹¹ См.: А.Портнов. Нас пугают словом "монополия". "Советская Россия" от 7 мая 1997г., стр.1; С.Кара-Мурза. Обман для нас и наших детей. "Правда" от 22 января 1994г., стр. 2; В.Линник. За морем живут не худо... "Правда" от 29 октября 1991г., стр. 5; А.Виноградов. Кто кого кормит? "Советская Россия" от 23 апреля 1992г., стр. 1.

¹² См. П.И.Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III. Госполитиздат, М., 1956, стр.548.

Военная экономика СССР вообще представляла собой уникальный во всей мировой истории феномен. Производя электроэнергию почти в два раза меньше, чем гитлеровская Германия с её сателлитами, добывая почти в 5 раз меньше угля и выплавляя в три раза меньше стали, Советский Союз выпустил в два раза больше вооружений. Себестоимость всех видов боевой техники за годы войны снизилась в целом в 2-3 раза, а сумма оптовых цен на неё – на 40 млрд. руб. Снижение оптовых цен на оружие в воюющей стране – это вообще небывалая в истории вещь. Такая экономия затрат общественного труда позволила Советскому государству удержать стабильный уровень цен на средства производства, а также розничных цен на основные предметы народного потребления. К концу войны значительно снизились цены на колхозных рынках.¹³

В послевоенной IV пятилетке (1946-50гг.) годовые темпы роста валовой продукции промышленности превышали 20%, темпы роста производительности труда составляли 12-13%.¹⁴ К концу пятилетки сельское хозяйство вышло на довоенный уровень, а промышленность оставила его далеко позади. Уже в 1947г., несмотря на страшнейшую засуху 1946г., была отменена карточная система, проведена денежная реформа и начались массовые ежегодные снижения розничных цен на основные потребительские товары. За немногие годы проведения этой политики, – которая, к сожалению, фактически была прекращена сразу же после смерти И.В.Сталина, – жизненный уровень населения вырос примерно вдвое.

В общем, тут говорить можно буквально без конца, но когда сегодня в оппозиционной прессе читаешь, что нам надо у Рузвельта поучиться, как организовать хозяйство, или у каких-то испанских кооперативов и т.п., то не устаёшь поражаться вот этой аберрации исторического зрения. Где угодно видят что угодно, только не там, где надо, и не то, что надо. Я надеюсь, что моё сегодняшнее сообщение какому-то лепту всё же внесёт в прояснение всех этих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы планирования. "Плановое хозяйство", 1973, №10.
2. Д.А.Аллахвердян. Финансы и социалистическое воспроизводство. "Финансы", М., 1971.
3. А.И.Анчишкин. Налог с оборота – конкретная форма прибавочного продукта социалистического производства. "Высшая школа", М., 1962.

¹³ См.: Экономика СССР – арсенал Победы. "Правда" от 25 марта 1985г., стр. 3; В.Панов. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны. "Вопросы экономики", 1985, №5, стр. 13; Л.Гатовский. Экономические основы победы СССР в Великой Отечественной войне. "Вопросы экономики", 1985, №5, стр. 20.

¹⁴ См. П.И.Лященко, ук. соч., стр. 584, 589.

4. И.Анчишкин. О товарном производстве и законе стоимости при социализме. В кн.: Вопросы политической экономии. Научные труды МГЭИ, вып. 10. М., 1957.
5. А.Бачурин. О действии закона стоимости и ценообразовании в СССР. "Вопросы экономики", 1957, № 2.
6. А.Бачурин. Прибыль и налог с оборота – формы распределения национального дохода СССР. "Финансы и кредит СССР", 1952, № 1.
7. А.В.Бачурин. Прибыль и налог с оборота в СССР. Госфиниздат, М., 1955.
8. В.Белкин, В.Ивантер. Товарно-денежная сбалансированность. "Вопросы экономики", 1982, № 6.
9. Р.Белоусов. Закон экономии времени при социализме. "Вопросы экономики", 1981, № 4.
10. Большевицкая платформа в КПСС. "Единство" /газета, г. Орёл/, май 1991г., № 18.
11. К.Вальтух. Может ли рентабельность служить решающим критерием эффективности использования фондов? "Вопросы экономики", 1959, № 12.
12. И.Васильев. Дефицит общности. "Правда" от 7 декабря 1986г., стр.2.
13. Л.Васютина. Буржуазные экономисты о народнохозяйственном оптимуме и эффективности планового производства. "Вопросы экономики", 1968, № 5.
14. А.А.Вознесенский. Предмет политической экономии. В кн.: Учёный-коммунист. К 75-летию со дня рождения А.А.Вознесенского. Изд-во Ленинградского ун-та, 1973.
15. Н.Глушков. Плановое ценообразование. "Вопросы экономики", 1984, №1.
16. С.Губанов, Ю.Перевошиков, В.Сиськов. От затратности к потребностям. "Плановое хозяйство", 1989, № 1.
17. Дискуссия об оптимальном планировании. "Экономика", М., 1968.
18. Н.Егиазаров. Цель производства и показатели. "Правда" от 20 сентября 1977г., стр. 2.
19. А.Ерёмин. Субъективный фактор в политической экономии социализма. "Вопросы экономики", 1981, № 10.
20. Закон для каждого. "Правда" от 12 июля 1978г., стр. 3.
21. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Госполитиздат, М., 1959.
22. Закон стоимости и его роль при социализме. Госпланиздат, М., 1959.
23. В.Затван. За готовый объект. "Правда" от 1 октября 1976г., стр. 2.
24. П.Игнатовский. О политическом подходе к экономике. "Коммунист", 1983, №12.
25. А.Кац. Запоздалые признания и бесплодные заимствования. "Плановое хозяйство", 1972, № 7; № 9; № 10.
26. А.И.Кац. Динамический экономический оптимум. "Экономика", М., 1970.
27. Ф.Ковалёв. Стоимостные показатели продукции и производительности труда. "Вопросы экономики", 1977, № 8.

28. А.Корягин. О некоторых трактовках оптимизации социалистической экономики. "Вопросы экономики", 1983, № 7.
29. Н.Краско. Вернулся в колхоз трудодень. "Правда" от 5 апреля 1986г., стр. 2.
30. Критика ревизионизма в экономической теории. "Прогресс", М., 1974.
31. Г.Д.Кузнецов. Ценообразование в цветной металлургии. "Металлургия", М., 1977.
32. В.Куликов. Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений социализма. "Вопросы экономики", 1986, № 9.
33. Н.Лобачёв. План и договор. "Правда" от 19 сентября 1976г., стр. 2.
34. Р.Лынёв. Хозрасчёт и госприёмка. "Известия" от 26 ноября 1986г., стр.3.
35. Л.Майзенберг. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. Госполитиздат, 1953.
36. Л.И.Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. "Экономика", М., 1976.
37. Л.И.Майзенберг. Теория планового ценообразования и политика цен в развитом социалистическом обществе. В кн.: Теоретические проблемы ценообразования в условиях развитого социализма. Прейскурантиздат, М., 1977.
38. А.Матлин. Закон стоимости и плановое ценообразование. "Вопросы экономики", 1985, №11.
39. А.Матлин. К вопросу о развитии теории и практики планового ценообразования. "Коммунист", 1984, № 5.
40. М.Махлин. Потерянная прибыль. "Московская правда" от 4 сентября 1987г., стр. 2.
41. А.Мелков, В.Перламутров. Банк – это не собес. "Правда" от 30 октября 1986г., стр. 2.
42. Ю.Мунтян. Совершенствование системы показателей продукции. "Вопросы экономики", 1976, № 6.
43. Научные основы планового ценообразования. "Наука", М., 1968.
44. А.Никитин. Финансы. "Правда" от 8 октября 1985г., стр. 2.
45. Нищета псевдодемократического парламентаризма. Заявление Всесоюзного общества "Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы" по итогам IV Съезда народных депутатов СССР. "Интердвижение Литвы" /газета, г.Вильнюс/, № 4(20), февраль 1991.
46. О снижении отпускных и розничных цен. Резолюция февральского (1927г.) пленума ЦК ВКП(б). В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. Госполитиздат, М., 1954.
47. О хозяйственном положении страны. Резолюция XV конференции ВКП(б). Там же.
48. Об оппозиционном блоке в ВКП(б). Резолюция XV конференции ВКП(б). Там же.
49. И.Олейник. В кольце двойной экономики. "Московская правда" от 29 сентября 1987г., стр. 1-2.
50. В.Перламутров. Лишние деньги. "Известия" от 17 июня 1985г., стр.2.

51. Политическая экономия. Учебник. Госполитиздат, М., 1955.
52. Г.Л.Рабинович. Экономическая природа налога с оборота и пути его совершенствования. "Финансы", М., 1965.
53. Г.Л.Рабинович, М.А.Иваньков. Налог с оборота и его роль в финансовом механизме. "Финансы и статистика", М., 1982.
54. В.Радаев. Конечные результаты деятельности социалистического предприятия. "Вопросы экономики", 1982, № 1.
55. А.Рогов. Дисциплина плана. "Правда" от 31 октября 1980г., стр.2–3.
56. Г.Саркисян. Экономическая стратегия и тактика КПСС в условиях развитого социализма. "Вопросы экономики", 1977, № 11.
57. А.Сергеев. Из сегодня в завтра или позавчера? "Экономические науки", 1989, № 1.
58. А.Сергеев. Хозяйственный механизм ускорения социально-экономического развития. "Вопросы экономики", 1986, № 1.
59. С.А.Ситарян. Распределительные отношения и эффективность производства. "Финансы", М., 1980.
60. Скажем "нет" рыночной авантюре! Заявление Всесоюзного общества "Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы" в связи с программой "перехода к рыночной экономике". "Интердвижение Литвы" /газета, г. Вильнюс/, № 2(11), октябрь 1990; "Единство" /информ-бюллетень, г. Рига/, №38(63), 5 ноября – 11 ноября 1990г.; № 39(64), 12 ноября – 18 ноября 1990г.
61. А.Смирнов. Экономическое содержание налога с оборота. Соцэкгиз, М., 1963.
62. И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
63. С.Струмилин. К определению стоимости и её применений в условиях социализма. "Вопросы экономики", 1959, № 8.
64. С.Сусликов. Авария. "Известия" от 9 сентября 1987г., стр. 6.
65. В.Г.Усенко. Политическая экономия и управление производством. Изд-во Ленинградского ун-та, 1975.
66. Финансовые проблемы в свете решений XXIV съезда КПСС. "Финансы", М., 1972,
67. Ю.Фокин. Методология построения антиинфляционного механизма. "Плановое хозяйство", 1989, № 7.
68. Т.Хабарова. О социалистической модификации стоимости. "Коммунист", 1988, №1.
69. Т.Хабарова. Социализм и государственный капитализм. "Интердвижение Литвы" /газета, г. Вильнюс/, № 5(21), февраль 1991.
70. Т.М.Хабарова. Рынок!!! Рынок!? Рынок??? "Товарищ" /газета, г. Москва, МВПСШ/, №14(32), 8 октября 1990г.
71. Т.М.Хабарова. Хозяйственный механизм. "Борьба" /газета, г. Москва/, №6, 1992г.
72. Цены и ценообразование в СССР, "Финансы", М., 1979.
73. И.Шаров. Успеть за ветром... "Правда" от 20 января 1985г., стр. 3.

74. В.Шаститко. Монополия государства на внешнеэкономическую деятельность. "Правда" от 22 мая 1987г., стр. 3.

75. Д.Швуим. О порядке уплаты налога с оборота. "Деньги и кредит", 1962, № 3.

76. Экономисты и математики за круглым столом. "Экономика", М., 1965.

77. Ю.Яковец. Цены и совершенствование планирования и хозяйственного механизма. "Вопросы экономики", 1980, № 6.

78. Ю.В.Яковец. Цена в экономике развитого социализма. В кн.: Теоретические проблемы ценообразования в условиях развитого социализма. Прейскурантиздат, М., 1977.

Опубл.: информбюллетень "Светоч" №41, март 1999г. – октябрь 2000г.; "Советы граждан СССР" /г. Ростов-на-Дону/ №10, октябрь 2008г.; Т.Хабарова. Социалистическая экономика как система. Хабаровск, ЗАО "Колорит", 2011; <http://cccp-kpss.narod.ru/bpk/IB41-16.htm>.

Москва, 1 мая 1998г.

Канд. филос. наук
Т. ХАБАРОВА

СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ – ЭКОНОМИКА ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА

Выступление на Рабочем университете при МГК КПС
Москва, 23 марта 2002г.

Обобществление совокупного прибавочного продукта – – интегральная экономическая задача пролетарской революции и социализма.

ЧТОБЫ ОЦЕНИТЬ значимость созданной под руководством И.В.Сталина экономической системы, надо прежде всего чётко ответить на вопрос: а в чём вообще состоит интегральная экономическая задача и пролетарской революции, и социализма как первой фазы коммунистической общественно-экономической формации?

Скажут: в уничтожении частной собственности, в обобществлении средств производства.

Это правильно, но ведь это скорее путь к достижению цели, инструмент достижения цели, но ещё не цель сама по себе. Цель же социалистических преобразований в экономике – это не столько обобществление средств производства как таковых, сколько **ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА**, вырабатываемого с их помощью.

Современные теоретики-марксисты очень облегчили бы себе жизнь, если бы вот эту несложную вещь прочно затвердили и ставили бы её неизменно во главу угла: интегральная экономическая задача пролетарской революции и социализма – это **ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ СОВОКУПНОГО ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА**, вырабатываемого обобществлённым производственным аппаратом.

Ведь если вдуматься, средства производства сами по себе никому, как говорится, не нужны. Для чего нужна земля в собственности, если она не заселена подневольными крестьянами, которые бы её обрабатывали, платили бы оброк и гнули спину на барщине? Для чего нужны в собственности фабрики и заводы, если они не заполнены наёмными рабочими, которые выпускают продукцию, имеющую спрос на рынке и приносящую прибыль? Весь, так сказать, сыр-бор с собственностью на средства производства горит не из-за них самих, а из-за прибавочного продукта, который на них вырабатывается и поступает в распоряжение их собственника.

И поэтому лозунг общественной собственности на средства производства, он при его более внимательном прочтении означает: мы хотим, чтобы вырабатываемый в общественном производстве совокупный прибавочный продукт по-

ступал именно обществу, народу, а не частным лицам, и справедливо распределялся бы между всеми нами, служил всецело и исключительно общему благу.

Хочу всячески подчеркнуть, что застревать на лозунге общественной собственности как таковой никоим образом нельзя, потому что, если она не снабжена механизмом обобществления совокупного прибавочного продукта, то её всё равно что нет; поскольку цель, ради которой средства производства обобществлялись, не достигнута.

В продолжение ряда лет эта мысль в моих выступлениях несколько иначе подавалась, а именно: у любой формы собственности есть неотъемлемый структурный, если так можно выразиться, напарник, в отсутствие которого она практически нежизненна, – это СПОСОБ АККУМУЛЯЦИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СОВОКУПНОГО ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА, ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЧИСТОГО ДОХОДА.

Принцип доходообразования и распределения дохода – это одна из важнейших составных частей экономического базиса общества, это мощный и чрезвычайно сложный узел объективных общественных отношений. В любом обществе, где труд в той или иной мере носит ещё несамоцельный, отчуждённый характер, там существует стоимость, и там разделением продукта труда на необходимый и прибавочный ведают стоимостные, или товарно-денежные, или они же рыночные отношения. И постольку всю эту структурную связку отношений по поводу аккумуляции и распределения чистого дохода можно называть ещё и так: это соответствующая данному способу производства конкретно-историческая МОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ (или отношения стоимости).

Способ производства достигает социально-экономической зрелости, превращается в СИСТЕМУ, когда соответствующая ему форма собственности начинает уверенно, бесперебойно функционировать в паре с адекватным ей комплексом отношений по консолидации и распределению чистого дохода. Или, что то же самое, в паре с адекватным ей принципом доходообразования, или, – что опять-таки то же самое, – в паре с адекватной данному способу производства модификацией стоимости.

Принцип доходообразования не есть нечто, устанавливаемое декретом правительства. Это фрагмент объективной, материальной экономической действительности, и он должен откристаллизироваться в толще этой действительности вот именно объективно, – как откристаллизовался некогда закон средней нормы прибыли, который как раз и представляет собой механизм доходообразования, адекватный капиталистической общественно-экономической формации. На это требуется время, причём немалое, плюс целый исторический слой хозяйственного опыта человечества.

И вот то грандиознейшее социально-инженерное открытие, которое мы сделали в экономике в сталинскую эпоху, это и было нахождение адекватного социалистической общественной собственности на средства производства принципа аккумуляции и распределения совокупного прибавочного продукта. К социалистической общественной собственности оказался присоединён, подмон-

тирован органичный ей социалистический принцип доходообразования, или – что то же самое – органичная социализму модификация закона стоимости.

Иными словами, была в основных её чертах решена определяющая задача социалистической фазы: обобществить не только средства производства, но и совокупный прибавочный продукт. Причём, сделано это было в исторически, можно сказать, молниеносный срок.

С этой точки зрения, – которая, вообще-то, единственно отвечает исторической правде, – сразу отпадает целый ворох псевдопроблем, не дающих марксистской науке в нашей стране развиваться теми темпами, каких требует современная экстремальная обстановка.

Был ли построен в СССР социализм? Ну конечно же, был, – если он свою объективно-историческую формационную задачу сумел решить.

Какой вид должен иметь социалистический строй, чтобы его можно было признать принципиально состоявшимся? Если принципиально, то такой, как при Сталине, и это в особенности относится к экономической сфере. На уровне надстройки, там были недоработки, – впрочем, вполне устранимые. Но что касается экономики, то надо ясно себе представлять, что никакая другая из предлагавшихся и предлагаемых моделей, кроме сталинской, задачи обобществления прибавочного продукта не решает. И следовательно, в экономическом разрезе сталинский социализм – это и есть, однозначно, **СОЦИАЛИЗМ КАК ТАКОВОЙ**; т.е., тот единственный плацдарм, с которого может быть успешно возобновлено и продолжено строительство коммунистического общества. Туда, на эти социоструктурные рубежи нам и предстоит вернуться по окончательном освобождении страны от её нынешней фактической оккупации транснациональным капиталом.

Ещё одна псевдопроблема: это социализм и товарно-денежные отношения. И это мочало давно бы уже следовало перестать жевать. Стоимостные отношения – это феномен конкретно-исторический, для каждого способа производства они принимают свою особую форму, или модификацию. Между их полным отрицанием при коммунизме и той формой, в какой они существуют при капиталистическом строе, лежит их социалистическая модификация. Отличительным признаком социалистической модификации стоимости как раз и служит обеспечение плавного, постепенного самоистребления всего круга явлений, связанных со стоимостью и товарностью. Социалистическая модификация стоимости так же органична обобществлённой экономике, как закон средней нормы прибыли органичен экономике буржуазной или закон извлечения максимальной прибыли – экономике современного империализма. Не считаться с требованиями закона стоимости в социалистическом народном хозяйстве – это то же самое, как в хозяйстве частнокапиталистическом "переть" против объективно присущих ему закономерностей складывания прибыли, и результаты будут столь же плачевные.

Социализм и товарно-денежные отношения.
Дезориентирующий характер апологетики НЭПа.

ДАВАЙТЕ ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИМ, как,— конкретно,— социалистическая модификация стоимости должна выглядеть и реально выглядела у нас в стране.

Чтобы избежать путаницы, которую "экономисты" определённого толка искусственно насаивали тут десятилетиями, нужно хотя бы вкратце коснуться вопроса о разделении труда и продукта на необходимый и прибавочный. Вопрос о труде нам придётся, по всей видимости, отложить "на потом", а о продукте поговорим плотнее.

Избыточный, или прибавочный продукт — это явление целиком общественное. Он возникает лишь тогда и постольку, когда и поскольку работник начинает, стихийно или осознанно, применять в своём труде результаты трудового опыта других людей, в том числе и других поколений. Возникнув, прибавочный продукт провоцирует,— так сказать,— известную часть общества на то, чтобы попытаться изъять его у работника и присвоить. Это осуществляется через установление частной собственности, сначала — в древности — на самого работника, затем на те условия, или факторы производительной деятельности, без которых работник создать прибавочный продукт не может — на землю, материально-технические средства производства и т.д.

Развёртывается многотысячелетний процесс ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА, т.е. отъёма у трудящейся массы населения прибавочного продукта и использования его частично по назначению — на различные общественные нужды, но большей частью не по назначению — на паразитическое потребление собственников средств производства. Естественно, это сопровождается и предваряется появлением и отлаживанием целой системы мер принуждения к труду.

Однако, вся несправедливость эксплуатации состоит не в том, что прибавочный продукт вообще отчуждается от непосредственного производителя. Прибавочный продукт непосредственному производителю по месту своего производства принадлежать не может и не должен. Он есть ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ. Вся беда и несправедливость в том, что будучи изъят, прибавочный продукт в подавляющем своём объёме используется не как достояние всего общества, а как некая добыча, трофей класса частных собственников.

Отсюда лишний раз можно видеть, насколько важна, фундаментальна формулировка целей и задач социалистической революции именно как задачи обобществления совокупного прибавочного продукта.

Ведь можно обобществить (т.е., национализировать) средства производства — и пребывать в совершеннейшем тупике относительно того, как в этом национализированном хозяйстве сформировать и распределить прибавочный продукт. Именно в такой ситуации очутились российские большевики накануне введения НЭПа. Собственно, НЭП и был ответом на вопрос, что делать, если адекватная новому строю модификация товарно-денежных отношений ещё не найдена, объективно не сложилась? Что делать,— возвращаться к прежней модификации, дореволюционной, как бы это ни было рискованно в социально-

политическом плане, иначе вообще с места не сдвинешься. Возвращаться, но одновременно бросить все силы на то, чтобы новый, общественный способ присвоения средств производства оказался по возможности скорей оснащён новым, также общественным принципом аккумуляции и распределения чистого дохода. И это при Сталине было осуществлено, – повторяю, – в исторически сверхрекордные сроки, уже где-то к середине 30-х годов.

И вот тут также хорошо виден полностью дезориентирующий характер ещё одной мифологемы наших нынешних лжекоммунистов: это будто НЭП представлял собой как раз ту модель хозяйственной системы, которая требуется социалистическому обществу. При НЭПе имевшаяся социалистическая собственность вынуждена была функционировать в паре со старым, частнособственническим, чужеродным ей принципом доходаобразования. Экономика страны, – таким образом, – вообще не имела целостной, системной природы, это была подсобная, искусственная конструкция, которую следовало демонтировать при первой же к тому возможности. И Сталин её демонтировал, как только под этой временной оснасткой запульсировала, заработала наша, социалистическая модификация закона стоимости. Призывать сегодня вернуться в НЭП – в это сугубо конъюнктурное, внутренне неравновесное и чреватое всякими социально-политическими опасностями сооружение, – это значит или совершенно не понимать сути системных связей в экономике, или сознательно вредить нашему делу.

Существует версия о какой-то феноменальной, – якобы, – экономической эффективности НЭПа. Если брать по большому счёту, то версия эта не соответствует действительности.

В декабре 1925г. состоялся XIV съезд ВКП(б), взявший курс на социалистическую индустриализацию. Это было уже абсолютно не НЭПовское решение. Поэтому о НЭПе как таковом имеет смысл говорить до рубежа 1925/26гг.

Свои специфические задачи, – а задачи эти были чисто восстановительные, – НЭП к этому времени в общих чертах выполнил. Промышленность вышла на уровень 75,5% от довоенного, сельское хозяйство – на уровень 95,3%.¹ Сколь-либо серьёзного технического перевооружения не происходило, выпуск продукции наращивался главным образом за счёт расширения производства на старых предприятиях, которые продолжали функционировать, а также за счёт расконсервирования тех, которые по разным причинам оказались остановлены. Мало того, на всём протяжении НЭПа наблюдалось такое пагубное явление, как выбытие основных фондов промышленности, – которое и так в результате разрухи, военных действий на территории страны и пр. достигло к 1920/21гг. 30% от уровня 1917г. К 1923/24гг. сюда "добавили", по разным данным, ещё до 12%. Этот процесс удалось переломить лишь в 1926/27гг., с началом социалистической индустриализации.²

¹ См. Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., "Высшая школа", 1978, стр. 312; П.И.Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III. Госполитиздат, М., 1956, стр. 136.

² См. П.И.Лященко, ук. соч., стр. 210-211, 214.

Советская деревня по ходу НЭПа "осереднячивалась", увеличивалось потребление хлеба середняком и бедняком. Но за этой вроде бы благоприятной, на первый взгляд, тенденцией скрывалась общая парцелляризация крестьянского землевладения и соответствующее падение товарности сельскохозяйственного производства. В 1926/27гг. середняки и бедняки давали около трёх четвертей товарного хлеба (74%). Но товарность по зерну в этой группе составляла всего 11,2%, а с учётом более производительных кулацких хозяйств – 13,3%; т.е., вдвое ниже довоенного уровня, который исчислялся в 26%. Урожайность зерновых вплоть до самой коллективизации продолжала оставаться ниже довоенной (7,9 центн. с гектара против довоенных 8,5 центн.).³

Следует сказать, что утверждения, будто в эти годы частник-нэпман "одел, обул и накормил" страну, в решающей своей части принадлежат также к области мифологии. Страну обули, одели и накормили государственная промышленность и покровительствуемая государством кооперация, быстро развивавшиеся на почве "реабилитации" товарно-денежных отношений. К 1926/27гг. государственные предприятия давали 91% всей промышленной продукции, их доля в общем торговом обороте достигла 40%. Максимум частноторгового оборота приходится на 1922/23гг., когда он составлял 43,9% общего объёма торговли. В дальнейшем он от года к году резко сокращался, в 1924/25гг. упал до 25% и продолжал снижаться.⁴

Бросается в глаза, что для НЭПа в целом общехозяйственный уровень 1913г. по всем статьям выступает как некий эталон. А был ли он, этот уровень, на самом деле таким уж "эталонным" и мог ли он на том историческом этапе хоть в малейшей степени служить ориентиром для эффективной экономической политики?

Вот это ещё очередной миф наших "перестройщиков", псевдореформаторов и их подпевал в левом движении – миф о царской России как об экономически высокоразвитой стране.

Действительно, после крестьянской реформы 1861г., – которая представляла собой наш, отечественный вариант буржуазно-демократической революции, – в России, как тому и надлежало быть, происходил промышленный подъём, наблюдались высокие темпы экономического роста. Содержание этого процесса составлял массовый переход от ручного труда к труду машинному, фабрично-заводскому. Но на дворе-то стоял конец уже не восемнадцатого, а девятнадцатого века. И то, что являлось мощным прорывом в будущее для второй половины XVIII в., для эпохи промышленного переворота в Англии, – сто лет спустя это было просто и только навёрстывание уже пройденного ведущими буржуазными государствами. Выйти в число стран – лидеров мирового индустриального развития царской России не удалось. Все поставленные ею за пореформенный период рекорды по темпам роста падают в основном на такие отрасли, как нефтедобыча (которой ранее практически не существовало), добыча угля и ру-

³ См. там же, стр. 242-243, 257.

⁴ Там же, стр. 194, 179.

ды, выплавка чугуна и стали, распространение паровых (т.е. механических) двигателей и т.п. Тогда как в США и Германии, например, в те же десятилетия промышленность переходила уже на силовую базу паровых и гидротурбин, электродвигателей, двигателей внутреннего сгорания, дизелей, а это открывало широкий путь к развитию автомобилестроения и самолётостроения, электротехнической, алюминиевой, химической промышленности. По всем этим позициям Россия была практически неконкурентоспособна с ведущими капитальными странами.

В 1913г. на долю России в мировом промышленном производстве приходилось всего 2,5%, – против 38,2% у США, 12,1% у Англии и 13,3% у Германии (ещё на рубеже XIX-XX вв.). По производству всех видов промышленной продукции на душу населения Россия отставала от США в 11 раз, по производительности труда – в 10 раз.⁵

За годы Советской власти этот разрыв сократился более чем в 5 раз. В 1986г. производительность труда в промышленности составляла у нас 55% американской. СССР давал пятую часть всей мировой промышленной продукции, социалистическое содружество в целом – более 40%.⁶

Добавлю ещё, что зависимость России от импорта промышленного оборудования в 1913г. оценивалась в 63,8%, а это попросту не позволяло говорить о её технико-экономической самостоятельности.⁷ Технико-экономическая самостоятельность страны была достигнута лишь по результатам выполнения второй сталинской пятилетки (1932—1937 гг.), когда массовый импорт машин и оборудования прекратился полностью и из-за рубежа ввозились только, так сказать, в познавательных целях отдельные образцы новой техники.⁸

Иногда приходится слышать, что вот-де зловердные большевики прервали небывалый взлёт и расцвет России в последние десятилетия царизма. Но ведь разруху в стране организовали отнюдь не большевики, они тут воистину были совершенно ни при чём. Дело не в кознях большевиков, а в том, что где-то к началу Первой мировой войны возможности КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ индустриализации России оказались объективно исчерпаны.

Российский капитал стремительно концентрировался и монополизировался, а возникавшие монополистические объединения в своих шкурных интересах тормозили развитие производства, чтобы удержать цены на достаточно высоком уровне. Накануне Первой мировой войны в стране образовался промышленный голод по топливу и металлу. Вот тебе и фантастические темпы... Судить-то надо всё-таки по конечному результату, а не по тому, что было вначале и в середине. Во время войны металлический голод повлёк за собой, во-первых, свёртывание производства в гражданских отраслях, что привело уже к голоду товарному, к бешеному росту цен, спекуляции и пр. Во-вторых, царское правительство вынуждено было размещать за границей огромные заказы на воору-

⁵ См. Экономическая история СССР и зарубежных стран, стр. соотв. 282, 99, 272.

⁶ См. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., "Финансы и статистика", 1987, стр. 13–14.

⁷ Экономическая история СССР..., стр. 325.

⁸ Там же, стр. 338.

жение и прочие армейские потребности, вплоть до конской сбруи, а это означало низкое качество оружия и снаряжения, их нехватку и беззащитное ограбление страны зарубежными поставщиками.

В годы войны практически рухнул транспорт. В одних местах голодали и замерзали, в других – скапливались горы невывезенного угля, продовольствия и т.п. Так что не надо валить с больной головы на здоровую. Большевистскую революцию российский царизм и сменившее его безрукое Временное правительство организовали себе сами.

В порядке лирического отступления приведу любопытное наблюдение, которым поделился директор одного из заводов, подлежавших эвакуации в 1941г.

Если бы не общий драматизм момента, – пишет он в своих воспоминаниях (я пересказываю своими словами), – можно было бы залюбоваться тем, что происходило в то время на наших железных дорогах. Днём и ночью, непрерывно и нескончаемо, с запада на восток и с востока на запад шли и шли поезда, гружённые разнообразнейшей техникой, несметными материальными богатствами народа, созданными за годы сталинских пятилеток. В глубь страны уходили составы с оборудованием эвакуируемых заводов. Навстречу им проносились воинские эшелоны, стояли конвойные на платформах, по очертаниям под брезентом угадывались орудия, танки, части самолётов.⁹

Вот такой символический контраст.

И теперь, – поскольку, как я полагаю, вы на всей вышеприведённой цифири достаточно отдохнули от теоретического текста, – возвращаемся к разговору о социалистической модификации стоимости.

Социалистическая модификация стоимости: процесс её складывания.

Налоговая реформа 1930 г.

Первая генеральная реформа оптовых цен 1936-40 гг.

ИТАК, коль скоро прибавочный продукт – он же чистый доход – представляет собой общественное достояние, то в обобществлённой экономике на него уже при самом его формировании должно прочно "наложить лапу" государство. Самый процесс его формирования, аккумуляции должен протекать так, чтобы к объективно "созревшему", "выпавшему в осадок" прибавочному продукту никто, кроме государства, реального доступа не имел.

Отсюда следует вывод, что чистый доход при социализме не может в сколь-либо значительных размерах формироваться непосредственно в хозяйствующих ячейках. И государство у нас уже с конца 20-х годов повело решительнейшую борьбу против завышения отпускных цен предприятий, – поскольку чистый доход "гнездится" не где иначе, как в цене. Но сам объективно накапливающийся в цене прибавочный продукт не должен был при этом страдать. Фактически, он в результате давления, оказываемого на цены, переводился в безденежную форму экономии затрат, или снижения себестоимости продукции. В

⁹ См. Кузница Победы. Политиздат, М., 1974, стр. 99.

этой форме,– которая является его ОБЩЕСТВЕННО РАЦИОНАЛЬНОЙ формой,– он становился недостижим для данной хозяйственной единицы, ни для её руководства, ни для трудового коллектива, и передавался следующим по порядку звеньям общественно-технологической цепочки.

В дальнейшем неукоснительно проводимая государством **ПОЛИТИКА ПЛАНОМЕРНОГО СНИЖЕНИЯ ОТПУСКНЫХ ЦЕН,– что практически равнозначно планомерному снижению себестоимости,– стала в советской экономике системным аналогом КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ**. Она так же нацеливала производителя на сокращение затрат, на развитие изобретательства и рационализаторства, стимулировала восприимчивость к достижениям научно-технического прогресса, блокировала тенденции к бюрократизации.

"В нашей хозяйственной системе,– говорилось в резолюции февральского (1927г.) Пленума ЦК ВКП(б) "О снижении отпускных и розничных цен",– политика снижения цен и есть то средство, с помощью коего рабочий класс воздействует на снижение себестоимости, ... подталкивает к рационализации производства и тем самым создаёт действительно здоровые источники социалистического накопления, столь необходимого для продвижения дела индустриализации страны.

Действительная борьба с бюрократизмом и упорядочение промышленного хозяйства теснейшим образом связаны с проблемой снижения цен, потому что именно высокие цены служат источником чрезмерного обрастания и бюрократических извращений производственных и в особенности торговых аппаратов."¹⁰

Хорошо, государство предотвратило делёж чистого дохода на локальном уровне, и сделало это совершенно правильно, но как оно само становится обладателем совокупного прибавочного продукта? Ведь в хозяйстве, где продолжают иметь место товарно-денежные отношения, объективно оправданное, "здоровое" накопление можно извлечь только ИЗ ЦЕНЫ ТОВАРА, только при продаже товара на равновесном, сбалансированном рынке.

Структура социалистического рынка обобщённо раскрыта И.В.Сталиным в его знаменитых "Экономических проблемах социализма в СССР". Этот сталинский труд обнародован в 1952г., но Сталин описывал в нём уже сложившуюся экономическую реальность, а складывание её,– как было сказано,– шло полным ходом со второй половины 20-х годов. Постольку спокойно пользуемся этим описанием.

На социалистическом рынке не являются товарами и не подлежат купле-продаже земля, материально-технические средства производства (как и любые их заместители, так называемые "ценные бумаги"), а также рабочая сила. Товарами продолжают оставаться лишь средства воспроизводства рабочей силы, или предметы народного потребления. Стало быть, только там – на потреби-

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. Госполитиздат, М., 1954, стр. 348.

тельском рынке – государство при социализме, как выразитель интересов всего общества, может законно извлечь полновесный, "здоровый", объективно созревший общественный чистый доход.

Собственно, государство так и делало, но в условиях НЭПовской многоукладности, когда недостаточно было развито плановое начало и методы социалистического хозяйствования как таковые только ещё нащупывались, – в этих условиях государство могло воздействовать на процессы доходуобразования и распределения дохода в народном хозяйстве в основном лишь эмпирически: т.е., оно по тому или иному поводу устанавливало соответствующий платёж целевого назначения. Но это отнюдь не было повальное беспорядочное налогообложение; просто шли поиски наиболее адекватных и результативных путей формирования финансов социалистического общества.

Тем не менее, количество таких платежей довольно скоро стало измеряться десятками, и **в 1930г. была проведена налоговая реформа**. Множественность платежей была ликвидирована, их унифицировали в единый налог с оборота (к слову, 54 платежа он в себя вобрал).¹¹

В последующие годы все эти нововведения подвергались уточнениям и корректировке, и в итоге, – как констатировалось в советской экономической литературе, – "с 1 января 1934г. основная масса чистого дохода общества в форме налога с оборота перемещается из сферы материального производства, т.е. от промышленных предприятий, в сферу обращения".¹²

Иными словами, произошло массовое и повсеместное подавление процессов доходуобразования там, где им при социализме и не надо совершаться: в ценах на общественно-промежуточную продукцию – продукцию производственно-технического назначения, которая в социалистическом хозяйстве не является товаром, не продаётся и не покупается, а следовательно, объективно не может аккумулировать в своей цене чистый доход.

Чистый доход в форме экономии затрат как бы выдавливался отовсюду, по разным общественно-технологическим цепочкам, на рынок общественно-конечной для нас продукции – товаров народного потребления. Здесь он принимал денежную форму налога с оборота и поступал целиком в госбюджет. Стоимость прибавочного продукта, она же чистый доход общества, в определяющей её части аккумулировалась, – таким образом, – не на локальном уровне, не на предприятиях, но на уровне общегосударственном – на общесоюзном, общенациональном потребительском рынке. Но этот перенос доходуобразования с локального этажа на общегосударственный – это и есть то ключевое звено, которым если овладели, то можно с полным основанием утверждать, что задача обобществления совокупного прибавочного продукта в принципе решена.

Кстати, ведь и результаты не заставляли себя ждать. С 1 января 1935г. было отменено нормированное карточное снабжение по хлебу и хлебопродуктам, –

¹¹ См. Д.А.Аллахвердян. Финансы и социалистическое воспроизводство. "Финансы", М., 1971, стр. 137.

¹² Г.Л.Рабинович. Экономическая природа налога с оборота и пути его совершенствования. "Финансы", М., 1965, стр. 84.

введённое в 1929г., "под занавес" НЭПа (горячие поклонники НЭПа обычно склонны забывать, что именно таков оказался его финал). Отмене хлебных карточек способствовало и то, что с созданием в СССР отечественного машиностроения отпала нужда в массивном импорте зарубежной техники, а постольку – и во встречном экспорте хлеба и другого продовольствия.¹³ С 1 октября 1935г. отменили нормированное снабжение по остальным продуктам питания, а с 1 января 1936г. – по промышленному ширпотребу.¹⁴ При переходе от карточного снабжения к торговле по твёрдым государственным ценам общий уровень розничных цен несколько повысился, при одновременном увеличении зарплаты всех категорий трудящихся. Но уже к концу 1935г. цены на продукты питания снизились почти наполовину. По промтоварам также, начиная с 1935г., неоднократно проводилось снижение цен.¹⁵

Едва завершилась налоговая реформа, со всеми её благотворными последствиями, как началась – с 1936г. – первая в истории социалистического хозяйствования в СССР генеральная реформа оптовых цен.

В предыдущем изложении акцент был сделан на том, что центр тяжести доходообразовательных процессов в нашей экономике устойчиво сместился от предприятий на потребительский рынок. Но это, конечно, нельзя представлять себе излишне упрощённо. С одной стороны, какая-то доля чистого дохода – хотя и не чрезмерная – в распоряжении предприятий всё же должна была оставаться. С другой стороны, необходимо было исключить и обратное явление – нерентабельность предприятий, их нахождение на дотации у государства.

Вокруг дотационности в нашей госпромышленности особенно много было наворочено всякого вздора: что – дескать – в период так называемой командно-административной экономики никто не заботился о прибыльности, о рентабельности, план выполняли, не считаясь с затратами, государство из политических соображений покрывало любые убытки, и т.д., и т.п. Действительно, в конце 20-х – первой половине 30-х годов бюджетное дотирование предприятий, по преимуществу в тяжёлой промышленности, было достаточно широко распространено. В нашей экономической литературе справедливо отмечалось, что в условиях коренной ломки старых народнохозяйственных пропорций и создания новых пропорций, отвечающих социалистическому производству, режим бюджетных дотаций – это была неизбежная и вполне оправданная форма финансовой помощи предприятиям тяжёлой промышленности, а также своеобразный метод ограничения воздействия закона стоимости на ход социалистической индустриализации.¹⁶

Но на определённом этапе дотационность стала тормозом в развитии производства, и **уже в 1936г. оптовая цена предприятия по всем отраслям промышленности была установлена на уровне, превышающем плановую себе-**

¹³ См. Экономическая история СССР..., стр. 342.

¹⁴ См. П.И.Лященко, ук. соч., стр. 425.

¹⁵ Там же, стр. 425-426

¹⁶ См. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Госполитиздат, М., 1959, стр. 396-397. (Ш.Я.Турецкий.)

стоимость по единой для всего народного хозяйства норме в 4% от себестоимости.¹⁷

По результатам реформы оптовых цен 1936-1940гг. вся советская промышленность, как тяжёлая, так и лёгкая, вплоть до начала Великой Отечественной войны работала, за редким исключением, рентабельно, получала прибыль и обходилась без государственных дотаций.¹⁸

Социалистическая модификация стоимости
(двухмасштабная ценовая модель) –
– системный аналог "цены производства" при капитализме.
Её конкретный вид ("оптовая цена предприятия"
плюс "оптовая цена промышленности").
Вторая генеральная реформа оптовых цен 1949 г.

СТРОИТЕЛЬСТВО нового общества в СССР в 20-х – 30-х годах, когда о нём говорят, то обычно слышишь: индустриализация, коллективизация, культурно-кадровая революция, подготовка к войне.

Но давайте вспомним марксистское определение производственных, или базисных отношений как "структуры общества".¹⁹ Если нет вот этой базисной структуры, то ведь и всё прочее не состоится: не будет никакой индустриализации и коллективизации, как не бывает готового здания без фундамента и каркаса. А у нас в 20-х годах вот этот базисный каркас наличествовал лишь наполовину: социалистическая государственная собственность исторически вынужденно работала в паре с неадекватным ей, временно взятым из предыдущей формации механизмом аккумуляции и распределения стоимости прибавочного продукта. По существу, половина основной экономической задачи пролетарского переворота не получила ещё должного разрешения; причём, классиками марксизма это серьезнейшее затруднение вообще не было предвосхищено и предусмотрено.

И вот эту всемирноисторическую по своим масштабам и сложности задачу надо было решать не просто на ходу, но ещё и в опережающем темпе по сравнению со всеми остальными, поскольку без неё и эти остальные упирались в тупик. Не зря в цитированной выше партийной резолюции 1927г. подчеркивалось: "В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства".²⁰ И перекрещивались они так, что не оставляли права даже на малейшую оплошность, поскольку моментально оказывались затронуты насущные жизненные интересы

¹⁷ См. там же, стр. 398-399; Л.И.Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. "Экономика", М., 1976, стр. 91; Л.Майзенберг. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. Госполитиздат, 1953, стр. 224.

¹⁸ См. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР, стр. 399.

¹⁹ В.И.Ленин. ПСС, т. 1, стр. 137.

²⁰ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 345.

огромных масс людей, а с этими вещами шутки вообще плохие и могут плохо кончиться.

И однако, проблема достраивания социалистического базиса до его полной системно-формационной целостности решалась; и хотя решалась она, на первый взгляд, чисто эмпирически, тем не менее, глубинный КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ смысл происходящего, он не только присутствовал, но он отслеживался, схватывался, выявлялся и воплощался в различных институциональных установлениях с совершенно поразительной быстротой, цепкостью и безошибочностью. Но всё же подлинных масштабов решаемой задачи, из-за её грандиозности, никто из тогдашних участников событий, не исключая и самого И.В.Сталина, со всей очевидностью, не улавливал. Наверняка все они чрезвычайно удивились бы, если бы им сказали, что они, – кроме всего прочего и даже прежде всего прочего, – в ударном порядке выковывают и доводят до нужных кондиций социалистическую модификацию закона стоимости: т.е., вторую половину базиса социалистической экономики, если первой считать принцип общественной собственности на средства производства.

Между тем, работа в этом направлении с середины 20-х годов велась непрерывная, кропотливая и предельно напряжённая. Налоговая реформа, генеральная реформа оптовых цен – это мероприятия в высшей степени ответственные, по своему воздействию на самый тип, характер экономики они сопоставимы с силой воздействия прямой политической революции или контрреволюции. Как политическая революция качественно меняет отношения собственности, так ценовая реформа дополняет новые отношения собственности качественно новым принципом доходообразования. Но она может и "выпрячь" из этой упряжки адекватный, уже найденный механизм доходообразования, а тем самым, – по сути, – структурно дезорганизовать весь способ производства; как это и сделала третья по счёту генеральная реформа оптовых цен в СССР – косыгинская "реформа" 1965-67гг., которая целенаправленно разрушила социалистическую модификацию стоимости и фактически сыграла мощнейшую контрреволюционную роль.

Однако, если в нашей левой прессе достаточно можно прочесть о контрреформе Косыгина, разрушившей, – как было сказано, – механизм обобществления совокупного прибавочного продукта, то о двух сталинских реформах, благодаря которым этот механизм был создан, и тем наипаче о самом факте его создания, вообще, – насколько мне известно, – никто, кроме меня, не говорит. Да и то ещё вдогонку несётся, что вот, мол, – такая-сякая Хабарова по сей день упорно поддерживает сталинские заблуждения.

Скажу на это так: нравится кому Хабарова или не нравится, но без учения о социалистической модификации стоимости, без теории обобществления прибавочного продукта и без истории его практического обобществления в Советском Союзе в правление И.В.Сталина никакой марксистской политэкономии в XXI веке быть не может и не будет, это я кому угодно гарантирую однозначно. Да её, политэкономии марксизма, без всего этого давно уже и нет; потому что, только будучи оснащена всем вышеочерченным арсеналом, она в состоянии

нынче дать ответ на наиболее мучающие нас вопросы, и реально такие ответы даёт.

Итак, сегодня пришло уже время восстановить историческую справедливость и к признанным нашим свершениям эпохи 30-х – 40-х годов добавить вот это, едва ли не коронное: **НАХОЖДЕНИЕ ФОРМЫ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА**, создаваемого трудом работников социалистического общественного производства. Или, нахождение "парного" к социалистической общественной собственности принципа доходообразования; или, нахождение конкретно-исторически свойственной социализму модификации товарно-денежных отношений, она же модификация закона стоимости. Или, – суммируя всё вышесказанное, – **ВЫСТРАИВАНИЕ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА КАК СИСТЕМЫ**.

Социалистическая модификация стоимости сложилась уже по итогам первой генеральной реформы оптовых цен 1936-40гг. Она получила название "ДВУХМАСШТАБНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕН", и это логично, поскольку цена, её структура – это ключевая категория для любой модификации стоимостных отношений. Для капиталистической модификации стоимости характерна так называемая "цена производства" – это себестоимость плюс средняя прибыль, образующаяся пропорционально вложенному капиталу.

Системным аналогом цены производства в социалистической экономике служит своеобразный комплект из двух цен: цены не-товара, общественно-промежуточной продукции, не поступающей на рынок, – и цены товара, продукции общественно-конечной.

Цена не-товара носила название: **ОПТОВАЯ ЦЕНА ПРЕДПРИЯТИЯ** и представляла собой сумму себестоимости и **ЧИСТОГО ДОХОДА ПРЕДПРИЯТИЯ**, или **ПРИБЫЛИ**. Уточняю, что все приводимые здесь термины – это наша официальная терминология соответствующей эпохи, а не какие-то мои измышления. С этой конкретикой можно ознакомиться хотя бы по учебнику "Политическая экономия", изданному в 1955г. Чистый доход предприятия был единообразен по всему народному хозяйству и колебался в пределах нескольких процентов от себестоимости. Часть чистого дохода предприятия производственная единица использовала на свои нужды, включая сюда улучшение культурно-бытовых условий работников; часть же его изымалась в госбюджет в виде **ОТЧИСЛЕНИЙ ОТ ПРИБЫЛЕЙ**.

Выше уже упоминалось, что нетоварная, общественно-промежуточная продукция – это у нас была в основном продукция группы "А" отраслей общественного производства, или продукция производственно-технического назначения.

Что касается общественно-конечной продукции, то это была продукция группы "Б" отраслей общественного производства, она же реализуемый через торговую сеть потребительский товар.

Отпускная цена на эту продукцию называлась **ОПТОВАЯ ЦЕНА ПРОМЫШЛЕННОСТИ**. Оптовая цена промышленности – это себестоимость плюс прибыль (т.е. оптовая цена предприятия), плюс ещё одна доходообразующая

составляющая, НАЛОГ С ОБОРОТА. Налог с оборота,— повторю ещё раз,— в распоряжение предприятий не поступал, он целиком направлялся в госбюджет. В сумме с отчислениями от прибылей предприятий он образовывал **ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ ЧИСТЫЙ ДОХОД ГОСУДАРСТВА**.

И наконец, государственные розничные цены на товары личного потребления. Они, плюс к оптовой цене промышленности, включали в себя ещё издержки обращения и прибыль оптовой и розничной торговли.²¹

И вот, **та ценовая конструкция, которая в нашей, обобществлённой экономике системно аналогична ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА в экономике частнокапиталистической, это связка:**

ОПТОВАЯ ЦЕНА ПРЕДПРИЯТИЯ

ПЛЮС

ОПТОВАЯ ЦЕНА ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Собственно, **это и есть социалистическая модификация закона стоимости:**

цена на продукцию производственно-технического назначения с минимальной доходобразующей составляющей в ней, в форме прибыли предприятия,

ПЛЮС цена на потребительский товар, до отказа загруженная доходобразующей составляющей в форме налога с оборота.

Если средняя прибыль в цене производства складывается ПО КАПИТАЛУ, пропорционально его затратам, то главная доходобразующая составляющая социалистической модификации стоимости – налог с оборота складывается ПО ТРУДУ, пропорционально затратам в народном хозяйстве живого труда. Ведь налог с оборота извлекается из цены средств воспроизводства рабочей силы, но совершенно очевидно, что живого труда в обществе как раз столько и затрачено, сколько пошло средств на его воспроизводство.

И на сей раз термины "налог с оборота", "прибыль предприятия" вообще-то уже можно брать в кавычки, поскольку по своей экономической природе эти платежи – никакая не прибыль и никакой не налог, а это именно специфические конкретно-исторические формы, в которых при социализме аккумулируется общественный чистый доход. Видный советский экономист А.В.Бачурин писал в своей монографии 1955г.: "... налог с оборота имеет характер неналогового дохода и его название не отвечает содержанию этой важнейшей части централизованного чистого дохода государства ..." "... налог с оборота в СССР не имеет ничего общего с налогами на население, ибо является одной из форм чистого дохода социалистического общества... Всё это указывает на необходимость отказаться от названия "налог с оборота"..." "...наиболее правильно было бы эту форму централизованного чистого дохода государства называть **общегосударственным доходом.**"²²

²¹ См. А.В.Бачурин. Прибыль и налог с оборота в СССР. Госфиниздат, М., 1955, стр.39.

²² Там же, стр. 132-133, 140, 141.

Скажу ещё в двух словах **о второй, послевоенной генеральной реформе оптовых цен 1949г.**

Дело в том, что в период Великой Отечественной войны в ряде отраслей тяжёлой промышленности возникла дотационность, как и в конце 20-х – начале 30-х годов. Ну, а чего вы хотите от предприятия, которое, – к примеру, – вынуждено было эвакуироваться, на новом месте, подчас буквально в чистом поле, развёртывать от нуля производство, потом возвращаться по прежнему адресу? Чтобы оно вам прибыль ещё давало? Естественно, его надо было дотировать, – или, в противном случае, резко повышать отпускные цены на его продукцию.

Советское правительство пошло по пути жёсткого удержания оптовых цен на продукцию тяжёлой промышленности на довоенном уровне. Стабильными оставались также цены на сырьё и топливо. Там, где возникала плановая убыточность, она гасилась дотациями. Это позволило на всём протяжении войны сохранять стабильными розничные цены в системе нормированной торговли. Нормированное снабжение предметами первой необходимости действовало повсюду на территории страны бесперебойно и безотказно. Причитания о какой-то уж очень голодной жизни в СССР во время войны – это в основном беллетристика позднейшего сочинения. На оккупированных землях, где успели похозяйничать фашисты и по которым дважды, а то и четырежды проходила линия фронта, – там после их освобождения положение, конечно, было порой удручающее. Но на территориях, которые под оккупацию не попали и не пострадали непосредственно от боёв, никто с голоду не умирал, это попросту досужие вымыслы.

С самого начала **дотации промышленности и транспорту** трактовались как временная мера и **с 1 января 1949г. были прекращены. Цены на всю промышленную продукцию вернулись на уровень среднеотраслевой себестоимости плюс прибыль по нормативу до 5% от себестоимости.** Спора нет, они несколько повысились, как и тарифы на грузоперевозки. На розничных ценах это не отразилось. По отраслям лёгкой и пищевой промышленности все удорожания были компенсированы государством за счёт налога с оборота.

А затем традиционная установка на снижение оптовых цен опять вступила в свои права. Оптовые цены снижались ежегодно и уже на 1 июля 1950г. сделались ниже, чем на старте генеральной реформы, а в 1953г. – ниже довоенных. Это было достигнуто в условиях полной отмены государственных дотаций и при обеспечении по всему народному хозяйству достаточного уровня рентабельности.²³

²³ См. об этом Л.Майзенберг. Ценообразование в народном хозяйстве СССР, стр. 225, 228-229, 241-242, 246-250; Г.Л.Рабинович, М.А.Иваньков. Налог с оборота и его роль в финансовом механизме. М., "Финансы и статистика", 1982, стр. 123.

**Распределение обобществлённого прибавочного продукта ПО ТРУДУ –
– регулярное снижение розничных цен**

**плюс систематическое наращивание фондов
неоплачиваемого общественного потребления.
Аграрная ценовая политика в сталинской модели.**

ИТАК, совокупный прибавочный продукт сосредоточился в руках государства в виде централизованного чистого дохода государства (ЦЧДГ) – т.е., налога с оборота плюс отчисления от прибылей. Он аккумулировался на общехозяйственном, общенародном уровне, и это один из важнейших ОБЪЕКТИВНЫХ процессов в социалистической экономике.

Теперь его надо распределить. И вот второе, что мы должны по этой проблеме затвердить, – как говорится, – железно, это что распределение чистого дохода, или стоимости прибавочного продукта при социализме может совершаться, равным образом, только по ОБЩЕХОЗЯЙСТВЕННЫМ, ОБЩЕНАРОДНЫМ, ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМ КАНАЛАМ. Такими каналами являются проводимое государством в плановом порядке РЕГУЛЯРНОЕ СНИЖЕНИЕ БАЗОВЫХ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ ФОНДОВ БЕСПЛАТНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ. Как не может, ОБЪЕКТИВНО не может чистый доход в нормально функционирующем социалистическом народном хозяйстве аккумулироваться в сколь-либо значительных размерах в рамках отдельной производственной единицы, так не может быть при социализме и никакого дележа основной массы прибавочного продукта в денежном выражении на данном предприятии, внутри данного трудового коллектива. Всё это попросту троцкистская демагогия, с которой чем скорей и решительней мы покончим, тем будет лучше для дела.

Снижение розничных цен и наращивание фондов бесплатного общественного потребления – это наш системный аналог ПРИСВОЕНИЯ ПРИБЫЛИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ИЛИ ГРУППОВЫМ КАПИТАЛИСТОМ КАК СОБСТВЕННИКОМ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. Как при капитализме прибавочный продукт присваивается частным владельцем средств производства в виде денежной прибыли, так мы – совладельцы обобществлённых средств производства – присваиваем наш совокупный, обобществлённый прибавочный продукт в виде регулярного снижения потребительских цен и постоянно растущего объема бесплатных или символически оплачиваемых социальных благ и услуг.

То, что происходит в данном случае у нас, в социалистическом обществе, – это есть РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТРУДУ. Никаких других способов распределить прибавочный продукт ПО ТРУДУ не существует в природе, – как мною было, наверное, уже сотни раз повторено по каждому сколь-либо уместному поводу.

То, что происходит в данном случае в частнособственническом обществе, – это есть РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КАПИТАЛУ, или, как иногда его называют, распределение по стоимости.

Эти два принципа распределения прибавочного продукта – они из разных общественно-экономических формаций, они классово противоположны и не могут быть совмещены. И это надо было нашим людям своевременно, ещё глубоко при Советской власти, даже не то что довести до их сознания, а буквально дубинкой вколотить им в головы. Ведь среди трудящихся абсолютно никто не понял, что когда им стали навязывать приватизационные чеки на общенародную собственность и посулили в будущем мифические "дивиденды", – тем самым их не "хозяевами" этой собственности сделали, а наоборот, отняли её у них, вместе со всеми доходами, благами и гарантиями от её функционирования. И принцип распределения, классово присущий человеку труда, заменили на принцип распределения, классово присущий паразиту, угнетателю и эксплуататору. Опять-таки, со всеми вытекающими отсюда последствиями по расстановке социально-политических сил в обществе.

С проблемой распределения у нас длительное время связана путаница, от которой давно бы уже пора избавиться, поскольку она крайне мешала – и до сего дня мешает – правильно во всей этой проблематике разобраться. В чём эта путаница заключается? Теоретики наши никак не могут для самих себя и для других уяснить, что "распределяется по труду" никоим образом не заработная плата, но только прибавочный продукт, или чистый доход.

Экономическая функция заработной платы – это возмещение затрат рабочей силы, и в этом качестве заработная плата является составной частью себестоимости продукции. Возмещению подлежат как капитальные, так и текущие затраты по воспроизводству рабочей силы. Капитальные затраты пошли в основном на предыдущую подготовку работника, на его обучение и пр., т.е. на то, чтобы он достиг той степени профессионализма, той квалификации, мастерства, опытности, которыми он реально располагает. А также на то, чтобы эта его профессиональная ценность постоянно поддерживалась на должном уровне. Возмещение капитальных затрат на воспроизводство рабочей силы – это основное экономическое содержание тарифной ставки или должностного оклада, равно как различных квалификационных категорий и т.п. Это, так сказать, строка в штатном расписании.

А текущие затраты, они в большей мере указывают на то, как работник этим своим профессиональным потенциалом распорядился на том конкретном месте, где он в данный момент трудится: как он справляется с плановым заданием, какое место занял, – допустим, – в социалистическом соревновании, насколько вообще добросовестен и прилежен в труде и т.д. Это система различных поощрительных надбавок к ставке и окладу, премиальных выплат и т.п., – которые могут быть частично предусмотрены в фонде заработной платы, частично осуществляются из прибыли предприятия. Но это, строго говоря, опять-таки не имеет ещё отношения к распределению по труду.

Распределяется же по труду при социализме основная масса вновь произведённой стоимости, которая приняла форму централизованного чистого дохода государства. Напомню, что в правильно функционирующей социалистической экономике, т.е. в сталинской экономической модели централизованный чистый

доход государства – это, фактически, денежное выражение накопленной за данный период экономии от повышения эффективности хозяйствования. Часть этой экономии государство и передаёт трудящимся в виде очередного снижения розничных цен. Конкретно это делается за счёт налога с оборота. Значительная доля накоплений уходит по другому каналу – на расширение сферы бесплатного общественного потребления. Существуют подсчёты, согласно которым на каждую семью при Советской власти приходилось по этой линии 12–15 тыс. долл. в год.²⁴

При снижении потребительских цен государство должно сохранить их равновесный характер, – что при Сталине и выполнялось безукоризненно. Старшее поколение помнит, что сталинские снижения цен никогда не влекли за собой вспышек ажиотажного спроса, прилавки не только не пустели, но становились ещё изобильней, а народ ещё более спокойно относился к этому изобилию.

Сохранение равновесного характера цен при их систематическом массовом снижении возможно исключительно лишь в том случае, если в народном хозяйстве действительно имеет место экономия затрат по всем общественно-технологическим цепочкам, повышается производительность труда и растёт выпуск товаров. Поэтому при правильной, марксистски обоснованной ценовой политике социалистического государства **УРОВЕНЬ БАЗОВЫХ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН выступает в социалистическом обществе как системный аналог СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ при капитализме. Тенденция к неуклонному понижению потребительского ценового уровня в сталинской модели аналогична Понижательной тенденции нормы прибыли в буржуазном хозяйстве.**

Для капиталиста удостоверением того, что он грамотно и эффективно вёл своё дело, служит получение им нормальной средней прибыли. Для хозяйственных органов социалистического государства таким удостоверением служит то, что они смогли завершить плановый период массовым снижением потребительских цен без потери равновесия на товарном рынке. **Уровень равновесных розничных цен для нас такая же КРИТЕРИАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА, как норма прибыли в так называемой рыночной (частнособственнической) экономике.**

Иногда можно слышать, будто снижение розничных цен в сталинскую эпоху достигалось благодаря одновременному срезанию расценок на производстве. Надо прямо сказать, – помимо того, что это попросту не соответствует действительности, это и вообще махровая чушь. Любая попытка снизить цены подобным способом, без реального наращивания выпуска товаров и их реального удешевления, т.е. без соответствующего снижения их себестоимости, вызвала бы волну ажиотажного спроса и мгновенное опустошение прилавков, плюс недополучение дохода госбюджетом. Стоит ли уточнять, что ничего похожего при действии сталинской экономической модели никогда не наблюдалось.

Что нам ещё осталось обговорить.

²⁴ См. Л.Б.Бутовская, Г.А.Климентов. От Ленина до Ельцина. СПб., 1998, стр.32.

Нам осталось ещё зафиксировать, что **СУММАРНЫЙ ГОДОВОЙ ОБЪЁМ – или, если угодно, "лаг" – СНИЖЕНИЯ БАЗОВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН, это для наших условий НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ. Он может рассматриваться как системный аналог ПРИРОСТА НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА в капиталистических странах.**

Вне всяких сомнений, чрезмерно увлекаться этими аналогиями не следует, они не буквальные; но всё же проведём ещё одну.

ЛОКАЛЬНЫМ КРИТЕРИЕМ ЭФФЕКТИВНОСТИ – т.е., показателем эффективности хозяйствования в рамках отдельно взятой производственной единицы – **для нас должно служить СНИЖЕНИЕ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ данного производственного звена.** Но при одном обязательном условии, – что у потребителя данной продукции, или "соседа справа", за счёт удешевления этих поставок себестоимость также снижается, а не растёт. Это требование в нашей экономике, даже в её лучшие времена, далеко не всегда соблюдалось. Но если его возвести в норму хозяйственного законодательства, – что, кстати, предлагается в нашем проекте новой редакции Конституции СССР 1997г., – то оно поставит прочный заслон попыткам снижать себестоимость посредством ухудшения качества изделия.

СНИЖЕНИЕ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ и динамика этой величины при социалистическом хозяйствовании примерно аналогичны динамике ЧИСТОЙ ПРИБЫЛИ частного владельца средств производства при капитализме. Снова повторяю, однако, что аналогии эти – именно системные, а не буквальные, и излишне увлекаться ими не стоит.

И ещё один важнейший вопрос, который нельзя обойти молчанием, – это аграрная ценовая политика социалистического государства.

В сталинской экономической модели предполагалось, что техническое обслуживание колхозов осуществляется посредством машинно-тракторных станций – МТС. МТС, это были государственные предприятия, где текущий производственный процесс подчинялся соответствующей хозяйственной дисциплине, а крупномасштабное расширенное воспроизводство технической базы финансировалось из госбюджета. Конечно, колхозы оплачивали работу МТС, но любой прокат техники всегда обходится намного дешевле, чем её полное содержание.

Таким образом, из себестоимости сельскохозяйственной продукции как бы изымалась весьма существенная доля общих затрат, их фактически брало на себя государство. С экономической стороны тут не было никаких натяжек: всё делалось очень хитро, в хорошем смысле слова, и изящно. Эта экономическая хитрость позволяла держать стабильно низкими заготовительные цены на сельхозпродукцию. А это, в свою очередь, выступало одной из решающих предпосылок, обеспечивавших периодические массовые снижения розничных цен.

Разрушение сталинской экономической модели

(социалистической модификации стоимости):

третья – "косыгинская" – генеральная контрреформа

оптовых цен 1965-67 гг.

Неискоренённость антисталинизма в левом движении –
– главная причина его сегодняшней неэффективности.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ несколько слов о реформе оптовых цен 1965-67гг.

Сразу после смерти И.В.Сталина резко активизировались нападки на двухмасштабную экономическую модель, посыпались "доказательства", будто в двухмасштабной модели закон стоимости "нарушен", цены на средства производства "скошены от стоимости вниз" и т. п. К середине 60-х годов экономическим диверсантам удалось добиться от высшего партийно-государственного руководства страны решения о том, что впредь цены на всю продукцию, без разделения её на товар и не-товар, должны строиться, фактически, по схеме "цены производства" в капиталистическом хозяйстве. В ценах любой продукции доходобразующая составляющая должна была теперь формироваться пропорционально затратам овеществлённого, а не живого труда: т.е., пропорционально стоимости пошедших на изготовление продукции производственных основных фондов и материальных оборотных средств.

А поскольку затраты овеществлённого труда могут быть измерены и учтены лишь непосредственно в производственной ячейке, то тем самым весь процесс доходобразования "сдёргивался" с народнохозяйственного уровня опять на локальный. Т.е., целенаправленно разрушалась, – как было уже сказано, – сама базисная конструкция обобществления совокупного прибавочного продукта. Этот диверсантский удар был столь катастрофически точен, что лично я не верю, будто всё это произошло непреднамеренно, по ошибке или недомыслию. Какая-то из работавших над этим паскуд, – причём, паскуда крупная, – прекрасно понимала, что творит.

Получился своего рода "НЭП наоборот"; но если в начале 20-х годов возврат к капиталистическому цено- и доходобразованию был оправдан тем, что соответствующего социалистического принципа просто ещё не существовало, то теперь вполне сложившийся СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ механизм доходобразования оказался варварски разрушен, – неизвестно, во имя чего. Социалистическая общественная собственность опять осталась без адекватного ей принципа аккумуляции чистого дохода, но если в 20-х годах мы имели исторически логичную, хотя и не очень приятную временную стадию нашего развития, то теперь это была уже стопроцентная информационно-интеллектуальная диверсия.

Изменив принцип доходобразования, "реформаторы", – естественно, – даже и не вспомнили о том, что схема "цены производства" эффективна только в условиях капиталистической конкуренции, т.е. свободного перелива капиталовложений. Но у нас-то ведь этого не было. И в то же время установка на снижение оптовых цен, – которая, как мы уже разбирали, при социализме системно замещает конкуренцию, – также оказалась сдана в архив. Иначе говоря, практи-

чески отключились все разумные рычаги принуждения хозяйствующей ячейки к добросовестной и высокопроизводительной работе.

При таком раскладе быстро обозначилась зависимость извлекаемого, – как будто бы, – "дохода" попросту от голого объёма сделанных в производстве материальных затрат. Выгодной для производителя сплошь и рядом становилась продукция материалоёмкая, консервативная и даже регрессивная по заложенным в неё технико-технологическим решениям. По существу, эта система подталкивала изготовителя продукции к бесхозяйственности и поощряла эту бесхозяйственность. Вот исток **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО**, а вовсе не надуманного кризиса, который охватил советскую экономику в предперестроечные десятилетия.

И вот почему ответ на вопрос, куда нам возвращаться, в какую точку нашей предыдущей эволюции, может быть только один: возвращаться придётся к Сталину. Конечно, не цитатно, конечно, не ностальгически, конечно, с учётом всего накопленного огромного опыта, как положительного, так и отрицательного; но в базисном, структурном плане мы выше, чем при нём, не поднимались за всю историю нашего народа и нашего государства. Полвека мы с тех высот ползли в нынешнюю яму, и на сей день, – к великому сожалению, – есть с чем сравнивать. Остаётся лишь надеяться, что назад карабкаться не полвека будем. Но это зависит уже от того, как скоро движение созреет до окончательного и бесповоротного разрыва с любыми разновидностями антисталинизма – и явными, и замаскированными.

У нас ведь проблема не в том, что нет – якобы – ценных, продуктивных идей и концепций; проблема в том, что движение в целом, как таковое, к этим идеям и концепциям абсолютно невосприимчиво. Вот весь этот материал я в полностью разработанном виде излагала пять лет назад на Молодёжном семинаре при Госдуме. Сколько же ещё пятилеток потребуется, чтобы была взята на вооружение теория социалистической экономики, против которой нормальному человеку возразить нечего, при изложении которой нормальный советский человек радоваться должен и преисполняться чувством гордости за свою страну, а не злобствовать и брюзжать?

Вот это и есть антисталинизм в действии. И если это его действие будет невозбранно продолжаться, – судите сами, какие перспективы могут нас ожидать.

Опубл.: "Советы граждан СССР" /г. Ростов-на-Дону/, №11, февраль 2009г.;
<http://cccp-kpss.narod.ru/drugie/Smodele1.htm>.

Интервью Т.Хабаровой ресурсу "Русская планета"

Июль 2014г. – февраль 2015г.

В июле 2014г. портал "Русская планета" обратился к нам с просьбой об интервью; в силу сложившихся обстоятельств придётся вкратце осветить "историю вопроса".

Добрый день!

Я журналист издания "Русская планета" (<http://rusplt.ru/>), мы делаем серию интервью с людьми, которые во времена СССР имели свой взгляд на развитие страны, отличный от центрального курса.

Я хотел узнать, можно ли взять интервью с Татьяной Михайловной Хабаровой о создании Большевистской платформы в КПСС и вообще сторонников [о сторонниках?] большевизма в КПСС?

Алексей Сочнев 24.07.2014

Мы готовились тогда к чрезвычайно важному для нас мероприятию – Расширенному пленуму Исполкома СГ СССР в честь 10-летия Съезда граждан СССР третьего созыва. Да к тому же между "текущим моментом" и Пленумом нам предстоял ещё плановый митинг в День Конституции СССР, 7 октября. Это не считая повседневной "круговерти".

Тем не менее, время было выкроено и интервью А.Сочневу 19 августа дано.

Над текстом была проделана изрядная работа, как с той, так и с другой стороны; в результате, уже к концу года всё, как будто бы, утрясли.

Алексей,

мною в тексте что-то убрано, что-то, достаточно информативное, добавлено, – во всяком случае, более информативное, нежели то, что изъято.

Если текст в этом новом варианте Вас устроит, то моя заключительная (и настоящая) просьба, это отказаться от навязчивой "американизации" в обозначениях персоналий.

В русской культурной традиции называть взрослых, тем паче пожилых людей по имени без отчества вообще не принято, – иначе как в дружеском кругу.

Но какие мне "друзья" все эти Бестужевы-Лада, Кедровы, Гвишиани и т.д.? Я этим людям ничего, как говорится, не забыла и не простила. И не прошу. Ну, не существует для меня "Игоря" Бестужева-Лады, "Бонифатия" Кедрова и пр. Или официально – инициалами, или вообще никак – одна фамилия. Где человека нужно назвать по имени или даже полностью по имени-отчеству, там мною это сделано; где нет – значит, нет. Убедительно прошу Вас эти "нюансы" соблюсти. В конце концов, ведь основная часть изложения ведётся от моего лица.

С наилучшими новогодними пожеланиями –

– Т.Х.

21 декабря 2014г.

Здравствуйте!

Согласен. Ваш вариант принял.

Алексей 24 декабря 2014

И что же?.. Материал на сайт "Русской планеты" так и не вышел, без какого-либо объяснения причин. "Заказчики" погрузились в молчание. Кого уж они там отыскивали, кто бы более, нежели Хабарова, "отличался от центрального курса" в предперестроечные времена? Опять тех же Лигачёвых с Косолаповыми, что ли...

Суммируя; поскольку не годится, чтобы добросовестно выполненная работа пропадала, мы публикуем интервью на cccp-kpss.narod.ru. При этом вопросы, заданные А.Сочневым, их численность и порядок оставлены без изменений. Ни малейших изменений не внесено и в ответы Хабаровой, в том варианте, с которым А.Сочнев согласился в письме от 24 декабря.

Информбюро Исполкома СГ СССР

Москва, 7 февраля 2015г.

<http://cccp-kpss.narod.ru/drugie/2015/interv-2014.htm>

Председатель исполкома Съезда граждан СССР, кандидат философских наук Татьяна Хабарова рассказала «Русской планете», как она создавала Большевистскую платформу в КПСС и на протяжении 20 лет была «красным диссидентом».

– Про Большевистскую платформу в КПСС известно благодаря Нине Андреевой, чья биография хорошо известна, но автором всей идеологической составляющей, всех программных документов этого объединения являетесь вы. При этом такое ощущение, что вы находились в тени Андреевой и о вас не так много известно – расскажите о себе.

Инженер–теплоэнергетик по базовому образованию, в 1960г. окончила МЭИ.

В 50-х годах было решено ввести преподавание философии в технических вузах, МЭИ был одним из тех, где этот проект проходил "обкатку". Преподавание велось на самом высоком профессиональном уровне, в итоге я в том же 1960г. поступила на заочное отделение философского факультета МГУ. Естественно, работала и инженером по распределению.

На третьем курсе вокруг моей курсовой работы "О происхождении и сущности мышления" разразился страшный скандал, вплоть до декана факультета. В работе проводилась та идея, что мышление есть результат вхождения человеческого индивида (в отличие от животного организма) в прямой "мозговой" контакт с нашим Родовым Полем. Сегодня это называют "тонкими мирами" и т.п., и этим вряд ли кого так уж поразишь. Но полвека назад это воспринималось как неслыханная ересь; я поняла, что закончить факультет мне не дадут, и подала документы в аспирантуру Института истории естествознания и техники АН СССР.

Работа эта, – кстати, – сохранилась; я посмотрю, и мы, возможно, опубликуем её в Интернете.

– С антисоветчиками вы впервые столкнулись в институте?

В ИИЕсТех'е откровенной антисоветчины не было, но вот антисталинизм поистине свирепствовал. Да это и не удивительно: директор института (Б.М.Кедров) – сын репрессированного/реабилитированного троцкиста, зав. сектором – сам репрессированный/реабилитированный троцкист, то же – ведущий научный сотрудник, то же – дама, которую мне навязывали в научные руководители, и т.д. по всей цепочке. Дай понять в этом окружении, что ты против бушевавшей тогда вакханалии "разоблачения культа личности" – и на тебя обрушится такое, что не обрадуешься.

Вот и на меня обрушилось. Диссертацию пришлось защищать в Институте философии. По распределению, как молодого специалиста, меня направили в Институт международного рабочего движения АН СССР. Замечу, что всё это происходило далеко не так гладко, как выглядит на бумаге, и в ИМРД планировалось на мне с моими взглядами "поставить крест", – чего не сумел сделать Кедров.

Итак, в ИМРД я оказалась в секторе, которым руководил небезызвестный Бестужев-Лада, впоследствии ярый "перестройщик". *(Я не могу и не буду эту, извините, тварь называть "Игорем" и прошу от моего имени этого не делать.)* Занимались они там в тот момент сочинением "новой марксистско-ленинской науки прогностики". Т.е., выполнением одного из диверсионных "заказов" западных спецслужб, через которые велась с нами информационно-психологическая война.

– Чем, по-вашему, была опасна "прогностика" для СССР?

Психоинформационная диверсия заключалась в том, что на Западе выдумывалась та или иная обманка, нацеленная на развал какого-то участка работы в СССР и предназначенная к внедрению у нас в стране. Но чтобы "внедрить" явное – по существу – вредительство, его надо было хорошо закамуфлировать. И вот стандартной формой такого камуфляжа стало изобретение так называемых "новых марксистско-ленинских наук", – в том числе и "прогностики".

Что касается "прогностики", её целью было разрушение социалистической системы директивного планирования, через попытку – для начала – заменить его западным "индикативным" планированием. Т.е., какая-то исследовательская организация предлагает ориентировочные параметры будущего экономического развития, а бизнес приглашается, так сказать, этими ориентирами руководствоваться.

Но ведь у нас в СССР, в условиях общенародной собственности на крупные средства производства, плановая деятельность строилась на ином, качественно

высшем уровне: постановка цели, аккумуляция ресурсов, создание научно-промышленных конгломератов – и в итоге решение задачи.

Однако, частному собственнику государство целей задавать не может, у него одна цель – прибыль. Соответственно, и "заглядывать в будущее" там лучше всего лишь настолько, насколько это не противоречит интересам крупного капитала, – т.е., по сути, экстраполировать наличный статус кво. Вот такое экстраполяционное прогнозирование на Западе и культивируется. У него, бесспорно, есть свои плюсы, но в целом это вчерашний, более низкий уровень научной мысли. Тащить его к нам категорически нельзя, ибо у нас оно может работать только на разрушение нашей собственной, исторически более совершенной плановой системы. Да они и у себя-то ни одного экономического кризиса спрогнозировать толком не смогли, хотя кризисы у них – регулярное явление.

– Вы это сказали Бестужеву-Ладе?

Бестужеву-Ладе, как руководителю сектора, мною была представлена статья "Логика социального предвидения".

Вопрос в ней ставился так, что прежде всего надо определиться, в рамках какого объективного процесса мы находимся. Мы, – очевидно, – находимся в рамках, в "теле" далеко ещё не завершившегося процесса строительства, или становления коммунистической общественно-экономической формации. Широко говоря, мы находимся в процессе не завершившейся коммунистической (социалистической) революции. Вот логика нашей продолжающейся революции и должна служить нам путеводной нитью, её и надо изучать, а не смотреть на Запад, что там прогнозируют. Каково наше нынешнее местоположение в этой объективно-исторической конструкции? На чём мы споткнулись? Что нужно предпринять, чтобы двигаться дальше?

Казалось бы, может ли быть для марксистов более естественный, более обоснованный подход? Но в ответ я услышала, что, – дескать, – революция, это стихийное явление, никакой логики у неё нет; если бы в XIX веке "умели считать", никакая революция не была бы нужна. Ленин ничего не предвидел и ничем не руководил, сидел в Швейцарии, ел манную кашу, и без него тут всё совершилось, чему суждено было совершиться. Да и вообще, марксизм – это не наука. И т.д. в том же роде.

При этом меня "успокаивали": не пугайтесь, здесь все свои.

– Что значит "все свои"?

"Все свои" – это те, кто на тёплые места попал благодаря хрущёвскому антисталинизму.

"Мы потерпели поражение не в 1991 году, а в 1956-м, когда не дали отпора тому бреду, который нёс Хрущёв на XX съезде", – сказала на одном из наших политклубов известный сталинист Кира Алексеевна Корнеевкова. К сожалению, после её кончины в 1996г. её совершенно забыли.

И с ней нельзя не согласиться. Хрущёв начал подрывную работу ещё до XX съезда. Посмотрите, кто оказался "амнистирован" в 1955г., в честь 10-летия Победы в Великой Отечественной войне: лица, осуждённые за пособничество врагу, за службу в немецкой армии, полиции и спецформированиях. Причём, их не просто выпустили из мест заключения, вернули из ссылки и высылки, но сняли судимость и поражение в правах, т.е. ещё и по головке погладили. Освобождалась от ответственности,— я дословно цитирую,— мразь, занимавшая во время войны "руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды", а затем удравшая вместе с немцами за границу и окопавшаяся в зарубежных антисоветских организациях. Совету Министров поручалось принять меры по облегчению въезда этой мрази в страну и по их трудоустройству здесь, а также по обеспечению жилплощадью.

– Реабилитировали только врагов?

По указу об амнистии от 17 сентября 1955г.— думаю, что да. А кто же они, простите,— осуждённые за службу в полициях, сидевшие на руководящих должностях в оккупантских органах жандармерии и пропаганды?

По существу, это была массированная реанимация пятой колонны, уничтоженной в своё время Сталиным. При фашистах занимался пропагандой, куда же прикажете его трудоустроить? Не иначе, как в академический институт, в престижный вуз, в редакцию центральной газеты, в идеологический отдел горкома, обкома или ЦК.

В результате повсюду и образовывались вот эти очаги злобствующего антисоветизма, с которыми впоследствии столкнулись коммунистические "идеалисты", вроде меня.

– Бестужев-Лада был возмущен, а остальные?

Из всего сектора открыто в мою поддержку выступил лишь один товарищ, который после попытки разговора с директором института (Т.Т.Тимофеевым)¹ на эту тему понял (по его словам), что ничего не добьётся, только сам подвергнется той же травле, какая забурлила вокруг меня. Надо сказать, что семена, посеянные хрущёвщиной, амнистией 1955 года, XX съездом и прочими мероприятиями того же рода, к тому времени дали обильные всходы. У антисоветчиков типа Бестужева-Лады повсюду,— действительно,— были "все свои": в руководстве Академии, в партийных и советских органах, в прокуратуре, в КГБ, в редакциях журналов и газет и где угодно. И потом, пятиколонники ведь не ограничивались идеологией. Они внедрялись непосредственно управленческие структуры, в том числе в экономические, и там "воплощали на практике" свои

¹ Сей Тимур Тимофеев, кстати, — сын известного американского коммуниста Юджина Денниса, преследовавшегося в США за свои убеждения. Интересно, что сказал бы Ю.Деннис, узнавши, что его сынок усердно помогает душить марксизм и марксистов в обласкавшем его Советском Союзе?

вредительские "теории". Так что не "враз" рухнула Советская власть. Против неё десятилетиями велась, вот именно, диверсионная война.

С теми, кто возмущался и протестовал против происходящего, расправлялись, вот как со мной. В начале 1970г. меня уволили с работы путём обманного трюка: "в связи с переводом на другую работу", по каковому "переводу" никакой работы, как и следовало ожидать, не оказалось. Не говорю уже, что "перевод" был без моего ведома и согласия, что являлось грубейшим нарушением само по себе, а не только по отношению к молодому специалисту, – которого по советскому КЗОТу три года вообще нельзя было, что называется, пальцем тронуть. Академик (академик!) М.Б.Митин, заправлявший заведением, куда меня "переводили", заявил, что он-де согласия на мой "перевод" к нему не давал. Но и на законном месте работы меня не восстановили. Распоряжение об издевательском "переводе" подписал зам. председателя ГКНТ СССР (Госкомитета по науке и технике) Д.М.Гвишиани – ярый проповедник "новой науки прогностики" и "до кучи" зять Косыгина. Вот такая "птица" понадобилась, чтобы разделаться с рядовым научным сотрудником. А если вдуматься, то какое отношение имел ГКНТ СССР к кадровым вопросам в Академии? Академия при Советской власти была, как известно, автономна.

– Вас это не сломало?

Война, она и есть война. Я продолжала работу над начатой ещё в ИМРД монографией "Социализм и проблема качественной общественно-исторической новизны". Но это как раз та проблема, вокруг которой всё у нас, как говорится, завертелось: как социализму справляться с качественными – революционными, если угодно, – сдвигами в объективном общественно-историческом процессе. Т.е., там, где "обычно" требуется революция. Но при социализме революция должна быть мирной – если хотите, институциональной. Общество должно научиться преодолевать качественные, эпохальные рубежи безразрывно.

Между тем, мы ведь и застряли как раз на таком революционизирующем рубеже – на переходе от первой фазы коммунистической формации ко второй. В.И.Ленин предупреждал, что изменения здесь прдстоят громадные, и с ними нужно суметь справиться, не ввергая общество в хаос.

Вокруг этой гигантской, центральной проблемы наслοилась масса проблемных ответвлений, на которых лихорадочно спекулировала агентура психоинформационной войны, – стремясь утопить в них и социализм, и его научную основу – марксизм.

Считаю, что в упомянутой монографии и в последующих работах мне удалось с этим "змеиным клубком" совладать. Марксизм вышел из противоборства с ревизионистским гадюшником не только не поколебленным, но ещё более властно утвердившимся в интеллектуальном пространстве. Со временем это будет признано, у всякого замалчивания есть предел, любые войны рано или поздно кончаются.

– Вы искали людей, которые разделяют ваши убеждения, пытались организовать кружок?

В то время найти в учёном мире людей, которые разделяли бы взгляды, столь радикально отличавшиеся от общепринятых, как мои, и в ту же сторону, что мои, да ещё и организовывать из них какие-то кружки, было практически невозможно. Тем более, если они видели, что ты сам за эти взгляды уже пострадал. Люди боялись остаться без работы по той же схеме, какую им наглядно демонстрировали на твоём примере, они избегали общения с тобой, отшатались от твоих материалов. Единомышленники стали появляться только ближе к концу 80-х, в разгар "гласности".

Часто можно слышать, что в послесталинский период никого за убеждения, тем паче за коммунистические, не репрессировали. Это не соответствует действительности. Человека выгоняли с работы с негласным "волчьим билетом", после чего никакой суд, никакая прокуратура тебя не восстановят, хоть ты будь по закону трижды прав, и ни на какую другую работу по специальности нигде не возьмут. По существу, тебе всю твою жизнь перечёркивают, и защиты от произвола искать негде; это что, не репрессии? Ведь известно, что трёх лет отлучения от работы по специальности достаточно для безвозвратной потери квалификации.

Впрочем, последнее мне не грозило, поскольку все эти годы я "не вылезала" из Ленинской библиотеки. Это днём, а по ночам зарабатывала на жизнь сторожем.

– Вы работали сторожем? А что вы охраняли?

Извините, мне неприятно об этом вспоминать.

– Вы как "красный диссидент" были против Сахарова и Солженицына, но и государство их не поддерживало. Выходит, ваши позиции были близки.

Ничего подобного. На основании собственного более чем достаточного опыта я утверждаю, что когда Ю.В. Андропов возглавлял Комитет госбезопасности СССР, никакой действительной борьбы с антисоветской и антикоммунистической заразой не велось, а происходило искусно срежиссированное расползание этой заразы, фактически поощряемое как минимум частью высшего партийно-государственного руководства.

Борьба – и очень жёсткая, без дураков – велась как раз с теми, кто всё злое значение этого процесса видел, понимал и пытался на свой страх и риск этому противостоять.

И хотя эти люди между собой сконтактировать не могли, но их было очень и очень немало. В 1978г. при Политбюро ЦК была образована специальная комиссия для работы с письмами граждан по идеологическим вопросам. Представляете, какая лавина шла этих писем, если для работы с ними пришлось комиссию на высшем уровне создавать.

О характере же этой почты можно судить хотя бы по моим письмам в адрес ЦК КПСС, Суслова, Андропова, в "Правду", "Коммунист" и т.д. Часть из них обнаружена на нашем сайте.

– В письмах вы обвиняете Брежнева, Косыгина и Суслова в отступлении от марксизма-ленинизма и требуете вернуться к сталинской модели. Вам повезло, что вас не отправили в психушку.

Отправили не меня, а мою маму, – когда она, потеряв всякое терпение, сама начала писать в разные инстанции, в попытке выяснить, что происходит и почему человека в Советской стране травят, чуть ли не как бродячую собаку, за его глубоко советские, марксистские убеждения. Её обвинили в клевете, завели уголовное дело(!) и уехали в больницу Кащенко. Всё это сопровождалось безобразными издевательствами, после которых пусть никто мне не вякает, якобы "не было репрессий".

Но у "психиатров" КГБшных ничего не получилось. Мама – в то время единственный мой приверженец – была человек умный и смелый. Кончилось всё тем, что в психушку приехали зам. директора завода, где мама работала, главный инженер, секретарь парткома и председатель профкома. (Это был завод "Тизприбор", ныне уже не существующий, как и бóльшая часть московской промышленности.) Делегация выразила, мягко говоря, недоумение по поводу происходящего и посоветовала "психиатрам", если проблемы у дочери в Академии, то и разбираться с дочерью и с Академией, а не с "Тизприбором". Естественно, после такого конфуза маму тут же выпустили.

Похожим конфузом завершилась и попытка привлечь меня к ответственности за "тунеядство". Нет, это надо же: вытолкать на улицу молодого специалиста, в нарушение всего, что только можно было в данном случае нарушить, и на него же побежать жаловаться в милицию. Ознакомившись с документами, начальник отделения милиции... возмутился и принялся сам писать в Академию, требуя прекратить беззаконие. Вскоре, правда, ему где-то – по всей видимости – разъяснили ситуацию, и он свою правозащитную деятельность оставил, но и меня они больше не беспокоили.

Кстати, эти примеры показывают, что перестроечная гниль шла у нас в основном сверху, а "внизу" было достаточно порядочных людей.

– А на письма была реакция?

На письма никакой реакции не было, кроме формальных, "отфутболивающих" отписок и столь же формальных звонков.

Но по мере того, как мои оценки подтверждались самим развёртыванием событий, они беззастенчиво заимствовались, – естественно, без каких-либо ссылок на "первоисточник". Это подробно показано, например, в моей работе 1982г. "Сущностное противоречие социализма /к истории вопроса/". Это письмо главному редактору "Вопросов философии" В.С.Семёнову, оно имеется у нас на сайте и опубликовано в микротиражной печати.

И ведь до сих пор совесть так и не проснулась!.. Мы неоднократно обращались к руководству КПРФ с предложением провести хотя бы партийную, товарищескую реабилитацию людей, которые в предперестроечный период преследовались именно за то, что своевременно подняли голос против набиравшей силу агентуры влияния. Нет, об этом и слышать не хотят. Между тем, в нашем коммунистическом, – прости господи, – движении полно таких, которые и тогда занимали высокие и сверхвысокие посты. Тот же Зюганов являлся заместителем А.Н.Яковлева в Идеологическом отделе ЦК. Е.Лигачёв, из которого старательно делают чуть ли не какого-то коммунистического святого, в своё время курировал Общий отдел ЦК, – как раз и ведавший письмами и обращениями граждан. Уж не оттуда ли исходили "указания" заводить уголовные дела на неугодных жалобщиков? Р.Косолапов, бывший главный редактор "Коммуниста", – прямой адресат моей статьи 1981 года. Вышел бы, вместе со своим тогдашним "консультантом по научному коммунизму", а ныне членом редколлегии "Советской России" А.Фроловым, – вышли бы да рассказали, по-честному, какие материалы получал журнал накануне горбачёвщины. И как они на эти материалы реагировали. Нет, молчат... Этот перечень, – как нетрудно догадаться, – можно продолжать и продолжать.

– КГБ вами интересовалось? Что вам сказали в КГБ?

По моим письмам Андропову 1978–79 годов меня вызывали и на Лубянку, и в районное управление КГБ. Здесь, правда, напрямую не восхваляли антисоветчиков, – как в Отделе науки ЦК КПСС, где некто В.Н.Кашин уверял меня: это хорошие ребята, и мы их поддерживаем. Но и положительных результатов эти собеседования не давали, кроме уклончивых обещаний "разобраться".

На Лубянке меня спросили: а почему вы сразу не пришли? Простите, но почему я сразу-то должна была бежать с доносом в КГБ? Я обращалась, как законопослушный гражданин, по инстанциям. Разве дирекция ИМРД, партком института, Президиум Академии, Отдел науки ЦК и т.д. не обязаны были вмешаться и поставить вещи на свои места? К Андропову я обратилась, когда стало исчерпывающе ясно, что здесь не просто гонения на меня лично, а идеологическое вредительство против партии и Советского государства. Причём, вредительство такого масштаба, что если его не пресечь немедленно и самым бескомпромиссным образом, оно приведёт к обрушению социалистического строя в стране. Об этом открытым текстом сказано в письме Андропову от 5 апреля 1979г. (имеется на сайте).

Впрочем, пока у власти был Л.И.Брежнев, они меня, можно считать, не трогали. Но когда Андропов стал Генеральным секретарём, вот тут-то и решили, видимо, со мной сквитаться за все предыдущие обвинения и предупреждения в их адрес. Во всяком случае, "операцию" с возбуждением уголовного дела против моей мамы организовали точно они.

– Так что же, по-вашему, нужно было делать в 70-80 годах, чтобы вернуться на путь развития?

Нужно было дезавуировать хрущёвский доклад на XX съезде, в 1956 году, и вернуться к Сталину, но не выдёргивая его из общего контекста коммунистической доктрины и никому не противопоставляя. Т.е., вернуться к целостному учению Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, которое и вывело нас на позиции второй сверхдержавы мира. Но для этого требовался лидер, конгениальный Сталину или Ленину, а у нас в тот момент, увы, такого не было.

– А что вы имеете в виду под проблемами и их решением по-сталински?

Я имею в виду, прежде всего, возвращение к сталинской экономической модели (двухмасштабной системе цен), т.е. к одному из наших величайших социоинженерных открытий. В сталинской модели обобществлены не только средства производства, но и найден способ обобществить прибавочный продукт, – иначе говоря, в максимально возможной мере передать его трудящимся. Прибавочный продукт (общественный доход) передаётся трудящимся через регулярное снижение базовых розничных цен и непрерывное наращивание фондов бесплатного общественного потребления.

Старшее поколение помнит, что с 1947 по 1953 год, когда на полную мощность заработала сталинская модель, прилавки магазинов и колхозных рынков ломились от изобилия продуктов, – которое от нынешнего суррогатного "изобилия" отличалось лишь тем, что продукты, даже самые дешёвые, были все натуральные и превосходнейшего качества.

Каждый год в начале марта в газетах появлялся разворот не на одну полосу, где подробно перечислялось, что и насколько подешевело. Причём, дешевела не какая-то заваль, как это сейчас пытаются изобразить, а основные продукты народного потребления: хлеб, мясо, масло, яйца, молоко и молочные изделия, сахар, крупы, овощи и т.д. Несколько дней в магазинах не убирали старые ценники, а рядом с ними красовались новые, и люди специально шли полюбоваться на эту картину. Поистине, эти дни становились днями всенародного ликования, – так люди откликались на действительную, а не мнимую заботу о них Советского правительства. Цены снижались обычно на 10–15%, благосостояние народа стремительно росло. Да к тому же ещё расширилось и предоставление бесплатных социальных благ.

Иными словами, если бы мы следовали сталинской экономической политике, то к 1980 году, действительно, жили бы при коммунизме. Но наши экономические успехи приводили Запад в панику и в бешенство, и неудивительно, что слом сталинского экономического механизма сделался для империалистов всего мира геополитической задачей номер один. Это и было осуществлено через предателя, врага народа Хрущёва.

Хрущёв начал с ликвидации машинно-тракторных станций (МТС) и продажи их техники колхозам. Дело в том, что при Сталине всё техническое обслу-

живание сельского хозяйства осуществлялось – через систему МТС – практически за счёт госбюджета. МТС были бюджетные организации, т.е. всю заботу о технике, её обслуживании, ремонте, обновлении и пр. брало на себя государство. Эти гигантские затраты не ложились на себестоимость сельскохозяйственной продукции, – чем и объяснялись её изобилие и дешевизна.

Но когда техника и все хлопоты о ней оказались принудительно навязаны колхозам, то все соответствующие суммы сразу влезли в себестоимость конечного продукта, – в то время как раньше туда входила только оплата живого труда колхозников. Ни о каких снижениях потребительских цен дальше нечего было и думать, и они тут же прекратились. Мало того, даже и удерживать розничные цены на каком-то стабильном уровне превратилось в проблему. Их пришлось дотировать, на стыке розничных и закупочных цен образовался чудовищный дотационный "волдырь". Т.е., если при Сталине бюджетные дотации шли, в конечном счёте, на снижение цен в интересах населения, то теперь государство вынуждалось дотировать головоуны и вредительство прозападных реваншистов в управленческих структурах.

О необходимости и объективной неизбежности возвращения к сталинской модели я писала ещё в 70-х годах в Госплан. (См. на нашем сайте, хотя бы, моё письмо начальнику отдела по внедрению новых методов планирования Н.Е.Дрогичинскому, сентябрь 1979г.) Уже не говоря о последующих десятилетиях, об экономических программах общества "Единство" и Большевицкой платформы. Сегодня некоторые наши теоретики тоже начали протирать глаза после тридцатилетней спячки и повторять потихоньку мои доводы и выводы (напр., В.Ю.Катасонов в "Уликах" от 30 января 2014г.). Но при этом по-прежнему, по старой привычке изображается, будто тому же Катасонову это за 30 лет первому в голову пришло...²

– Вы сказали, что у вас появились сторонники в 80-х...

Да, в 1988г. "Коммунист" опубликовал одну из моих статей по сталинской экономике, хотя и в тенденциозно "отредактированном" виде и с огромным ругательным послесловием.

Тем не менее, мне пошли письма и начали приезжать заинтересовавшиеся читатели – из Ленинграда, Казани, Ленинска (это космодром Байконур), Армавира и т.д.

– В это же время как раз вышла знаменитая статья Андреевой "Не могу поступиться принципами" с осуждением критики Сталина и социализма деятелями перестройки.

Статью Андреевой сделало "знаменитой" бессовестное многолетнее замалчивание той необозримости "писем граждан по идеологическим вопросам", о

² См. Приложение в конце данного материала.

которой у нас шла речь выше и по которой была создана специальная комиссия в 1978г., за 10 лет до "знаменитой статьи".

Выступление Андреевой, это была блестяще инсценированная А.Н.Яковлевым и главным редактором "Советской России" Чикиным имитация массовой встревоженности советских граждан очевидным идейно-политическим неблагополучием в стране и столь же очевидным, для многих и многих, предательством правящей верхушки (как мне, например, было очевидно предательство Андропова ещё в конце 70-х годов).

Эту встревоженность нельзя было далее удерживать под спудом, она могла в любую минуту непредсказуемо прорваться, почему и потребовалось её проимитировать – "возглавить и увести в сторону".

Впрочем, я вначале склонна была принять Андрееву всерьёз: возможно, – дескать, – ей просто больше повезло с публикацией, чем мне. Один из читателей моей статьи в "Коммунисте", Вячеслав Волков побывал у Андреевой в Ленинграде, после чего я получила, летом 1989г., письмо от неё с предложением вступить в организованное ею общество "Единство". Причин отказываться у меня не было, наоборот, меня обрадовало появление в моей жизни какого-то коллектива.

Для "Единства" мною была сделана экономическая программа "Скажем НЕТ рыночной авантюре!", она и сегодня представляет несомненный интерес, и отнюдь не только исторический. Мне же общество "Единство" обязано и тем, что от его имени появилась первая в истории "перестройки" официально предложенная и принятая резолюция о политическом недоверии Горбачёву. Всё это есть на сайте <http://ccsr-kpss.narod.ru>. Резолюция впервые была озвучена 2 декабря 1989г. на конференции ОФТ (Объединённого фронта трудящихся) в Д/к им. Зюева в Москве, – где вызвала двухчасовую бурную полемику и панику среди имитаторов – А.А.Сергеева, В.М.Якушева, В.И.Анпилова и др.³

Полностью по моей инициативе, при поддержке Б.М.Гунько, было организовано 13 ноября 1989г. пикетирование Колонного зала Дома союзов, где проходила Всесоюзная экономическая конференция с участием Горбачёва. Пикет оказался совершенной неожиданностью для властей, в результате чего А.А.Сергеев – один из лидеров тогдашней "неформалки" – получил возможность выступить на пленарном заседании конференции, и вся страна узнала о существовании серьёзной научной оппозиции Горбачёву, – что до тех пор замалчивалось.⁴ Пикет был показан по телевидению, – что в те времена являлось ещё редкостью.

³ Аудиозапись этой конференции имелась в Ленинском РК КПСС у А.А.Куваева, но сохранилась ли она у него, неизвестно. У меня её, к сожалению, не было.

⁴ Возможность выступить на конференции была предоставлена целому ряду участников (да и не-участников) пикета, в том числе и мне. Правда, не на пленарном заседании, а на секционных. Моё выступление на секции "Соотношение плана и рынка" публикуется в настоящем сборнике. Сам А.А.Сергеев никакого отношения к организации пикета не имел. Один из деятелей движения, Р.Манюров, заметил по данному поводу: "великого экономиста" из Сергеева сделало Московское "Единство" своим пикетом у Колонного зала в 1989 году.

Что касается Большевистской платформы, то специального решения об её образовании не принималось, а на пленуме Политисполкома "Единства" в январе 1991г. в Ленинграде было решено "активизировать кампанию по созыву Чрезвычайного XXIX съезда КПСС на большевистской платформе", написать же документ "Большевистская платформа в КПСС" поручили мне. Вообще говоря, идея Большевистской платформы витала тогда в воздухе, вся проблема заключалась лишь в том, что надо было знать, как должен выглядеть обновлённый большевизм. Вот тут и пригодились двадцать лет моего "революционного подполья", ибо я эти годы не чем иным, собственно, и занималась, как новым обликом марксистского учения, очищенным от ревизионизма послесталинской эпохи.

Короче, к марту 1991г. документ был готов, отксерен, размножен и в коробке из-под ксероксной бумаги препровождён – при помощи Вячеслава Сачкова, транспортировавшего эту коробку, – Андреевой в Ленинград. В том же виде, вынутый из пресловутой коробки, он фигурировал и на учредительной конференции Платформы в Минске в июле 1991г. Ни сама Андреева и никто из прочих её соратников ни малейшего участия в составлении документа "Большевистская платформа в КПСС" не принимали.

Естественно, документ был опубликован в газете и разослан членам "Единства" по стране. Отклики шли в основном положительные и даже восторженные. Единичные отрицательные отзывы принадлежали откровенным троцкистам.

– Сколько человек было в Большевистской платформе?

На Всесоюзной конференции сторонников Большевистской платформы в Минске 13–14 июля 1991г. присутствовало около тысячи делегатов.

Н.Андрееву провозгласили лидером Большевистской платформы в КПСС. В качестве руководящего органа Платформы был избран, – обратите внимание, – Оргкомитет по созыву Чрезвычайного XXIX съезда КПСС, под председательством той же Андреевой.

Через полтора месяца грянул злополучный "путч", и Андреева изменила курс на 180°. Вместо большевизации КПСС, – в чём клялись на Минской конференции, – было объявлено о создании некоей новой партии, ВКПБ, КПСС же оказалась "разлагающимся трупом", подлежащим уборке с пути нашего общества в коммунизм.

– Это Нина Андреева говорила?

Господи, и говорила со всех трибун, и писала, и клеймила всячески тех, кто остался верен "разлагающемуся трупу" и не желал идти в "новую чистую" ВКПБ. Стало очевидно, что она – ложный лидер, выпущенный на политическую арену с целью канализировать протестные, главным образом сталинистские настроения и в нужный момент "увести в сторону", Для этого и понадо-

бился в Минске обманной, надувательской "Оргкомитет по созыву Чрезвычайного съезда КПСС".

В этой ситуации моей задачей было сохранить, что можно, от Большевистской платформы: т.е., самый этот бренд, идейно-теоретическую наработку и тот контингент, пусть малый, который устоит перед тлетворным влиянием самой Андреевой и мощнейшим пиаром вокруг неё.

Это в определённой мере удалось; Большевистская платформа удержалась на политической сцене и в последующем вполне достойно себя проявила.

– Ельцин вообще запретил КПСС, как вы отнеслись к этому его решению?

20 ноября 1991г. мы в Москве приняли заявление, в котором подтвердили, что продолжаем считать себя Большевистской платформой в КПСС, указ Ельцина от 6 ноября охарактеризовали как "акт внутренней агрессии против народа", а сам ельцинский режим – как нелегитимный и преступный, прислуживающий интересам транснационального капитала. Мы также призвали коммунистов сохранять первичные парторганизации (которых, кстати, никто и не запрещал!) и "продолжать свою деятельность в качестве членов Коммунистической партии Советского Союза". Это Заявление даже проскочило на каком-то из каналов телевидения, сейчас уже не помню, на каком.

– Большевистскую платформу поддерживал кто-то из партийных "шишек" или только рядовые партийцы?

Какие-то "шишки" вели, безусловно, Андрееву, но нас – никто. Вскоре после Минской конференции меня в числе ещё некоторых деятелей комдвижения пригласили в ЦК уже не КПСС, а КП РСФСР (если не ошибаюсь), и там речь шла о предполагаемом нашем участии в составлении новой программы партии. Но после "путча" всё это, понятно, уже не имело продолжения.

– Что по вашему мнению представлял из себя путч?

Это была провокация, нацеленная на окончательный разгром партии и Советской власти. ГКЧПисты проявили себя или как ненормально доверчивые, лопоухие люди, или как сознательные провокаторы. Зачем было вводить танки без боекомплекта? Почему, фактически объявив Ельцина преступником, его не арестовали? Почему не пообрывали, хотя бы, ельцинские прокламации, которыми был обклеен весь город? Почему к народу, к рядовым коммунистам не обратились, – это принесло бы куда больше пользы, чем бутафорские танки. И т.д.

– А ГКЧП отказались от помощи?

Руководитель Московского "Единства" Б.М.Гунько уверял, что он пытался пробиться к членам ГКЧП именно с таким предложением – вывести народ на

улицы, вместо "Лебединого озера" передать по телевидению призыв к советским людям о поддержке ГКЧП, но натолкнулся на какую-то глухую стену. И это весьма жаль, поскольку Гунько обладал бесспорным даром уличного организатора и к нему стоило прислушаться.

– Настроение как у членов ГКЧП...

К сожалению, дурной пример заразителен, и бесхребетность ГКЧП разлагающим образом подействовала на людей.

Когда мы 30 августа собрали нашу московскую ячейку, раздались панические голоса – вроде того что уничтожить архив, сменить название и вообще самораспуститься. Мне лишь с большим трудом удалось эту панику остановить, – хотя я понимала, по своему собственному драматическому опыту, что опасения людей не лишены оснований. Ведь и на меня во времена моего "диссидентства" совершались нападения, однажды чуть не задушили насмерть, я 40 минут пролежала без сознания в каких-то кустах, куда меня затащили.

Но постепенно все пришли в себя, и снова послышались разумные речи. Один из молодых наших товарищей, Юрий Суслин заявил: что это такое, собственно, – Горбачёв "распустил" партию? Партию может распустить только съезд, а съезд может быть созван только пленумом ЦК. Надо найти не перетрусивших членов ЦК, пусть они проведут пленум, а пленум пусть созовёт съезд, а съезд пусть мне скажет, что партии "больше нет". Вот тогда я, может быть, и выложу партбилет, да и то ещё посмотрю.

Эта позиция стала нашей программой действий на ближайшее время.

Мы связались с членом ЦК КПСС А.А.Пригариним, и нам удалось убедить его составить инициативную группу по проведению пленума ЦК. Это было 4 января 1992г. Пленум ЦК КПСС, – вполне легитимный, насколько это было возможно в тех условиях, – собрался 13 июня 1992г. Был образован Оргкомитет по созыву XX Всесоюзной партконференции и XXIX съезда КПСС, – уже не "палёный", как у Андреевой, а настоящий, нацеленный на то, ради чего он создавался. Меня также пригласили войти в Оргкомитет, – хотя я тогда не являлась не только членом ЦК, но даже и членом КПСС. Мы расценили это как признание неоспоримой заслуги Большевистской платформы во всём этом процессе.

XX Всесоюзная партконференция состоялась 10 октября 1992г., XXIX съезд – в конце марта 1993г. Но на пути возрождения КПСС, – как, в общем-то, нетрудно было предвидеть, – встали имитаторы, во главе с О.С.Шениным, сменившим К.А.Николаева на посту председателя Оргкомитета где-то в январе 1993г. Стала эксплуатироваться "теория", будто в сложившейся обстановке КПСС как унитарная партия уже невозможна и должна быть заменена "союзом компартий". Эта гнилая идея в своё время была отвергнута даже прогорбачёвским XXVIII съездом.

Тем не менее, Шенин настоял на своём, и КПСС на XXIX съезде была "временно преобразована" в некую "международную организацию" – союз республиканских компартий, СКП–КПСС. Сия "международная организация" не име-

ет низовых структур, а стало быть, лишена всякой возможности вести реальную работу в массах. Вся её деятельность свелась к посиделкам, дважды в год, глав республиканских компартий в Горках Ленинских. Сколько могла, я этому отчаянно сопротивлялась, и в Оргкомитете съезда, а после съезда в Политисполкоме СКП–КПСС. Но увы, я оказывалась неизменно в меньшинстве, а под конец и вовсе в одиночестве. Когда додумались отменить индивидуальное членство в КПСС, терпению моему настал предел, в январе 1994г. я подала Шенину заявление о выходе из состава Политисполкома, а в 1995г. Большевистская платформа ушла и вообще из СКП–КПСС.

Со временем КПСС как унитарная всесоюзная партия несомненно восстановится, но вышеописанная попытка, будучи перехвачена имитаторами, оказалась безрезультатной.

– Какое у вас отношение к событиям 1993 года?

Всю эту катавасию на Красной Пресне я никакой "революцией" не считаю. Это была провокация того же рода, что и ГКЧП. С балкона Дома Советов вещали имитаторы, на которых мы успели уже насмотреться в нашем "комдвижении". Внизу на улице – да, собирались люди, готовые сражаться за Советскую власть, но руководящего-то начала никакого не было. Вот их потом в основном и поубивали. Кричат: "расстрел парламента". Да вы мне назовите хоть одного "расстрелянного" или пусть раненного депутата. Не было таких. Погибли "совки", которые возле Дома Советов строили "баррикады" из картонных коробок. Крикуны с балкона благополучно и беспрепятственно из Дома Советов ушли в ночь перед штурмом – та же Сажи Умалатова.

А провокация с "походом на Останкино"? Привезли и привели безоружных людей под пули, толкнули их на действия, которые однозначно должны были вызвать в ответ стрельбу, – и бросили их там, спасайся, мол, кто может, а сами все слиняли.

Революционные массы людей, настроенных на борьбу за СССР, остывали, раз за разом натываясь на имитаторов, их становится всё труднее и труднее поднять. Я не знаю, кто сейчас всерьёз верит Зюганову и КПрФ. Не зря иронизируют, что это не коммунистическая партия, а ЗАО по добыванию депутатских мандатов.

– Вы утверждаете, что СССР до сих пор существует. Объясните, что вы имеете в виду.

Во-первых, он существует де-юре, поскольку беловежский сговор, якобы его "распустивший", юридически не имеет силы, представляет собой не акт "ропуска" СССР, а уголовное преступление по ст.64 УК РСФСР "Измена Родине". Думаю, что "про себя" это знает любой грамотный юрист на планете.

Далее, СССР – это вершина развёртывания мирового революционного процесса, и его на сей день так же невозможно уничтожить, как не может быть

уничтожена сама мировая социально-освободительная революция. В данный момент СССР – временно оккупированная страна. По международному праву носителями его временно пограничного суверенитета являются советские люди – граждане СССР, не отрёкшиеся от своего гражданства. Их решения, – если они сумели самоорганизоваться и что-то решить, – обладают безусловной юридической силой.

Давайте вспомним, как использовали эту общеизвестную юридическую схему при переходе Прибалтики на буржуазные рельсы. Провели конгрессы граждан бывших буржуазных Литвы, Латвии и Эстонии и воссоздали буржуазные государства.

Совершенно непонятно, почему мы не можем воспользоваться этим механизмом для воссоздания СССР? Это одна из ключевых идей Большевицкой платформы, но она более двадцати лет, с 1993г., вязнет в предательской имитаторской "вате".

В октябре 1995г. мы провели Съезд граждан СССР первого созыва, принявший **Декларацию о единстве Советского народа, его праве на воссоединение и на осуществление всей полноты власти и государственного суверенитета на территории СССР**. В этом документе, впервые после Мартовского референдума 1991 года, ребром поставлен вопрос о продолжающемся существовании Советского народа и обо всех по-прежнему принадлежащих ему правах. Прежде всего – о праве на воссоединение, поскольку юридически он является в настоящий момент народом насильственно разделённым.

С тех пор прошло ещё несколько съездов. Если мы сумеем объединить наших людей на советской основе, как граждан СССР, то страна будет освобождена и возрождена, в этом у меня нет никаких сомнений. В 90-е годы нам все крутили пальцем у виска, а сейчас кто только об этом не говорит, – даже в "Единой России" заговорили о Советском народе (напр., Антон Романов).

– Всё меняется...

И не всегда в худшую сторону. Сколько наших идей уже взято на вооружение! Оккупация стала своего рода общим местом, а ведь ещё несколько лет назад нам говорили, что мы сумасшедшие.

– Вы постоянно говорите об оккупации, а кто оккупировал СССР?

Транснациональный капитал, при помощи таких его структур, как МВФ, Всемирный банк и т.д. Ведь до сих пор годовые бюджеты за нас составляет Международный валютный фонд, – о чём непрерывно пишет, к примеру, Юзеф Ковальчук.

В США давно уже опубликованы документы Совбеза 50-х – 60-х годов прошлого века, в них открытым текстом говорится, что Штаты находятся в состоянии войны с Советским Союзом, что их цель – свержение Советской власти и ликвидация социалистического строя у нас в стране, что послевоенная окку-

пация СССР должна быть осуществлена руками коллаборационистских режимов и т.д.

В 1979г. на прилавках книжных магазинов по стране свободно лежала книга Н.Н.Яковлева "ЦРУ против СССР", где выдержки из директив Совбеза цитируются целыми страницами. А когда ты приводишь те же выдержки в своей работе (причём, со ссылками на первоисточник!), тебе заявляют, что ты не в своём уме. Что же, никто не читал этого, что ли? Ведь всё было известно задолго до всякого Горбачёва.

– Наверное, уже не было доверия к этим книгам и пропаганде.

Но было же сколько угодно таких, кто по долгу службы обязан был всё это знать.

Сегодня ситуация у нас такова, что доктрина освобождения и возрождения СССР, дальнейшего его развития на коммунистических началах по факту разработана. Это сделано в материалах Большевистской платформы и Съезда граждан СССР. Т.е., интеллектуальная сторона Советской национально-освободительной борьбы, можно сказать, обеспечена.

Нет Вожака, который бы практически эту борьбу возглавил. Но это дело, как говорится, наживное, и он непременно появится. В конце концов, ведь и Маркс не увидел революции 1917 года. Будем надеяться, что нам нашего Вожака не придётся ждать столько же, сколько марксизм ждал Ленина и Сталина. И мы воочию увидим нашу страну возрождённой, как социалистическая сверхдержава, на принципах марксизма-ленинизма, на сталинских "трёх моделях" – экономической, демократической и национальной.

– Под демократической моделью вы что имеете в виду?

Я имею в виду его программу развёртывания самокритики и массовой критики снизу. Это был "мозговой штурм" грандиознейшей проблемы – поиск механизма оппозиционности в социалистическом обществе. Ведь без оппозиции, в широком смысле слова, без обратной связи никакое общество существовать не может. В то же время традиционный буржуазный механизм оппозиционности – многопартийность – нам уже не годится, ведь многопартийность, это попросту рынок власти. Он не только нам не годится, он вообще исторически уже изжит. Взгляните на нынешнюю Россию: партий прорва, а обратной связи как не было, так и нет. И это не только у нас.

Гениальное открытие Сталина в области демократического строительства состояло в том, что при социализме оппозиционным фактором должна стать **ЛИЧНОСТЬ**: абсолютно любой человек, если он руководствуется сознанием общественного долга, свободно высказывается о ходе дел в обществе, критикует имеющиеся недостатки, предлагает пути их устранения и сам активно включается в работу по их устранению. При этом во всех проявлениях своей **критически-творческой инициативы** гражданин должен быть нерушимо защищён

законом. А не так, что покритиковал – и с работы вылетел или угодил в психушку.

"Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, – говорил Сталин ещё в 1928г., – улучшать нашу работу и двигать её вперёд, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране..."

– Вы развиваете идею оккупации СССР, политических имитаторов и психоинформационной войны. То же самое, только заменяя слово "СССР" на Россию говорит депутат Евгений Федоров, это совпадение?

Никаких совпадений тут нет. Это не совпадение, а давно отработанный приём психоинформационной агрессии – перехват у противостоящей стороны идеи, для восприятия которой общество в основном созрело. В этот момент и возникает (вбрасывается на политическую арену) перехватчик, или имитатор, – называйте как хотите. Мы, Большевицкая платформа, затем Съезд граждан СССР, твердим о войне, об оккупации, временно оккупированной стране и т.п. с 1993 года. С тех пор каждый год появлялись десятки, наверное, материалов, в которых на разные лады разъяснялся, развивался, пропагандировался этот сюжет. Это звучало с разных трибун, куда мне удавалось прорваться (напр., на радио "Резонанс"), публиковалось (напр., в газете "За СССР", которая много лет распространялась в Госдуме), размещалось в Интернете. Так что возможностей ознакомиться с нашим подходом было более чем достаточно, – другой вопрос, что этого не желали замечать. Пока не пришла пора выпустить на арену очередную "Нину Андрееву", – каковою и стал в данном случае Фёдоров. Я могу продемонстрировать ему одно из моих выступлений 1996г., с которым "совпадения" в его нынешних сочинениях прямо-таки текстуальные.

В чём тут состоит имитация? Имитация, подмена понятий состоит в том, что вместо оккупированного СССР говорят об оккупации РФ. Вот она, имитационная ловушка. Это именно ловушка, а не какая-то "иная точка зрения" у Фёдорова. Ельцинско-путинскую Эрефию никто не оккупировал, она сама представляет собой специально сконструированный механизм оккупации транснациональным капиталом, расчленения и разграбления СССР и РСФСР, превращения их в колониальные задворки "цивилизованного мира", – как и предусматривалось ещё приснопамятной директивой СНБ 20/1. Освободить Эрефию не от кого, – кроме как от режима, самим же Путиным и олицетворяемого. Но вместо этого он стараниями имитаторов типа Фёдорова и Кургиняна осенён нимбом "лидера национально-освободительной борьбы". Хотя ни тот, ни другой перехватчик не могут толком назвать ни одного "агента влияния" или объяснить, в чём, конкретно, заключается оккупация и их "национально-освободительная борьба".

– Что бы вы посоветовали молодежи, которая сейчас ищет себя в жизни, настроена оппозиционно к нынешней власти?

Вы знаете, морально-политический облик и менталитет нынешней молодежи, в её массе, не могут не удивлять. Посмотрите, повсюду в мире, где надо дать отпор контрреволюции и реакции, в первых рядах всегда молодёжь, а у нас – старики, пенсионеры.

И при этом какая-то странная незащитность перед имитацией любого правого дела. Даже на Донбассе, куда устремились многие молодые, верховодили имитаторы. Ну, кто такие Стрелков и Бородай? В рассылках с Донбасса сообщалось, что как только прибыла эта парочка, левых начали безосновательно вытеснять из депутатского корпуса, сменили советскую символику, пошла мракобесная, монархически-клерикальная пропаганда.

– Теперь их убрали.

Видимо, кому-то стало ясно, что с таким подходом ряды ополчения не очень-то пополнишь. Они же открыто заявляли, что им "не нужны совки, нужны русские". Но тут же сами и признавались, что ударную силу ополчения составляют люди, получившие военную подготовку и боевой опыт в СССР (в Афганистане), – т.е., вот именно "совки". Я сама человек глубоко русский, у меня родители из Рязанской и Владимирской губерний, но я этот русский национализм не признаю. Мы в СССР всё это уже переросли, мы стали единым Советским народом. Съезд граждан СССР рассматривает великий русский народ как этническое ядро Советского народа, но шовинизм, хотя бы и в "русском" варианте, мы отвергаем.

– Может, все-таки дадите совет молодежи?

Совет... Пусть читают материалы Съезда граждан СССР и Большевицкой платформы, тогда они будут знать, как ведут себя в сложнейшей жизненной обстановке порядочные советские люди и настоящие коммунисты. Читайте и изучайте. Ситуация в стране сложная, стабильность призрачная – всё может радикально измениться в любой момент.

Опубл.: "Ленинский путь" /СПб./ №4–6(21), 2015г.; <http://cccp-kpss.narod.ru/drugie/2015/interview-2014.htm>.

Самое главное – во-время подсуетиться...

Из нашей почты

От Ст. ВЛАДОВА

из Харькова

28 апреля 2015г.

Где-то я читал у Хабаровой или это она говорила в каком-то своём выступлении, что у Катасонова вышла новая книжка о сталинской экономике, в которой он фактически занимается плагиатом её научного анализа сталинской модели экономики. Не подскажете точно, где она это говорила или писала? Причём, это было сравнительно недавно. Мне нужно привести этот пример для парирования одной поклонницы "великого оппозиционного профессора", каким она его считает.

Т.Хабарова – Ст.Владову

2 мая 2015г.

Станислав, здравствуйте.

В.Катасонов упоминается в моём Интервью "Русской планете" (август 2014г.), которое после всех "согласований и увязаний" всё же не было "Планетой" опубликовано, и мы его где-то в феврале с.г. разместили на нашем сайте. <http://cccp-kpss.narod.ru/drugie/2015/interview-2014.htm>.

Выпишу соответствующий абзац целиком, чтобы потом не повторяться.

"О необходимости и объективной неизбежности возвращения к сталинской модели я писала ещё в 70-х годах в Госплан. (См. на нашем сайте, хотя бы, моё письмо начальнику отдела по внедрению новых методов планирования Н.Е.Дрогичинскому, сентябрь 1979г.) Уже не говоря о последующих десятилетиях, об экономических программах общества "Единство" и Большевицкой платформы. Сегодня некоторые наши теоретики тоже начали протирать глаза после тридцатилетней спячки и повторять потихоньку мои доводы и выводы (напр., В.Ю.Катасонов в "Уликах" от 30 января 2014г.). Но при этом по-прежнему, по старой привычке изображается, будто тому же Катасонову это за 30 лет первому в голову пришло..."

В августе 2013г. в Сеть вышел наш видеоролик [Сталинская экономическая модель: что это было, как её разрушили, есть ли у неё место в нашем будущем](https://disk.yandex.ru/client/yavideo/0%7Cslider/yavideo/0/5). <https://disk.yandex.ru/client/yavideo/0%7Cslider/yavideo/0/5>. То, что Катасонов с этим роликом ознакомился, стопроцентно очевидно из содержания его статьи. Мало того, на 99% очевидно и то, что он не поленился ознакомиться и с политэкономическим разделом нашего сайта, где работ по сталинской модели – десятки, начиная с вышеупомянутых 70-х годов.

Но тогда, тем паче, любой добросовестный учёный на его месте просто не имел права умолчать, что сталинская модель во всех подробностях не только освещена в моих выступлениях 1990-х – двухтысячных годов⁵, но и прописана в программных документах достаточно авторитетных левых объединений – Всесоюзного общества "Единство" и Большевистской платформы в КПСС⁶, причём документы эти были приняты, в конце 80-х – начале 90-х годов, на представительных и многолюдных, даже по тем временам, конференциях.

А в [Проекте новой редакции Конституции СССР](#), вынесенном на обсуждение советских людей Съездом граждан СССР второго созыва в 2001г., сталинская модель изложена вообще уже на юридическом языке.⁷

Однако, наш профессор и доктор наук, не моргнув глазом, заявляет, будто "в сообщениях, статьях и книгах нет подробного описания сталинской модели".

Что ж, это очень удобный приём для последующих бессмысленных заимствований, как и для приписывания самому себе лавров некоего "первооткрывателя".

К числу таких заимствований принадлежит, прежде всего, сама исходная аналогия между сталинской моделью и гигантской корпорацией с её внутренними бесприбыльными (трансфертными) ценами. Это уподобление было мной приведено, к примеру, ещё в 1990г., на встрече общественности с редакцией газеты "Экономика и жизнь" в МВПС.⁸ Впоследствии множество раз повторялось в других наших работах.

Далее, бессмысленно позаимствован и важнейший вывод, что в качестве обобщённого конечного продукта в сталинской модели фигурирует вся масса товаров народного потребления.

То же самое и с не менее важным выводом, что в сталинской экономике общественный чистый доход не формируется и не распределяется в промежуточных звеньях общественно-технологической цепочки. (Только вместо общественного дохода сказано "общественный продукт", но в данном контексте это уже мелочи.)

Практически дословно (и опять-таки бессмысленно) переписана наша давнишняя программная формулировка, что при сталинском социализме общественный чистый доход передаётся трудящимся через регулярное снижение базовых

⁵ См., к примеру: Т.Хабарова. [Социалистическая экономика как система \(сталинская модель\)](#), 1997г. <http://www.cccp-kpss.narod.ru/bpk/IB41-16.htm>. Т.Хабарова. [Сталинская модель – экономика обобществления прибавочного продукта](#), 2002г. <http://www.cccp-kpss.narod.ru/drugie/Smodele1.htm>. И то, и другое неоднократно публиковалось в микротиражной прессе.

⁶ [Скажем НЕТ рыночной авантюре!](#) Заявление Всесоюзного общества "Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы" в связи с программой перехода к "рыночной экономике", 1989г. <http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobe/eko/net.htm>. [Большевистская платформа в КПСС](#), 1991г. <http://www.cccp-kpss.narod.ru/bpk/konf1/BP1.htm>.

⁷ <http://www.cccp-kpss.narod.ru/sjezdy/KONST.htm>.

⁸ Опубл. в газетах "Товарищ" (Москва) от 8 октября 1990г., №14(32); "Советский патриот" (МО, г.Ногинск) от 26 декабря 1990г.

розничных цен, плюс неуклонное наращивание фондов бесплатного общественного потребления.

Словом, потрудился профессор над материалами Съезда граждан СССР и Большевистской платформы, поистине, на славу. Не меньше, чем до него другой именитый "первопроходец" на этом поприще – Е.Фёдоров; оставляя уже за скобками разную плагиаторскую мелкоту, хотя и она вредит презрительно нашему, – как считается, – общему делу.

Но какие уж тут общие дела, когда одни работают, – причём, подчас под многолетнее улюлюканье и оплёвывание их работы, – а другие "в нужный момент" пенки и сливки с наработанного снимают.

Мы не только можем, – пафосно возглашает Катасонов в заключение, – мы обязаны вернуться к сталинской экономике.

Интересно, где профессор был добрую четверть века, пока Всесоюзное общество "Единство", затем Большевистская платформа, затем Съезд граждан СССР (а до них ещё "просто кандидат наук Хабарова") со всех доступных им трибун, пусть и не столь престижных, как "Советская Россия", на все лады твердили, что сталинская двухмасштабная система цен – единственно представимый облик экономики возрождённого социализма?

Вот и в ролике 2013г. ведущий спрашивает: А какие у сталинской модели перспективы на будущее? Вообще, есть у неё будущее? Можем мы утверждать, что после восстановления социализма в стране народное хозяйство окажется снова организовано на сталинских началах?

И ответ Хабаровой: Мы можем и даже должны так утверждать, поскольку никаких других вариантов тут попросту и нет. ... И так будет везде, не просто к нам вернётся, а распространится по всей планете, поскольку это объективно-историческая, объективно-логическая неизбежность.

Таково истинное положение вещей. Но, – к сожалению, – вряд ли следует сомневаться, что в очередных своих опусах В.Катасонов продолжит позиционировать себя в качестве того, кто – якобы – первый заговорил о возвращении к сталинской модели. А что тем самым фальсифицируется история современной политэкономической мысли в СССР и льётся грязь на её сегодняшнее состояние, – ну о чём вы, этим господам такое и в голову-то никогда не приходит...

<http://www.cccp-kpss.narod.ru/post/2015/o-katasonov.htm>

Канд. филос. наук
Т.ХАБАРОВА
Москва, 14 ноября 1989 г.

Конкретно-историческая обусловленность рыночных (товарно-денежных) отношений: к проблеме "создания социалистического рынка"

**Выступление
на Всесоюзной научно-практической конференции
по проблемам радикальной экономической реформы,
секция "Соотношение плана и рынка"
Москва, 13–15 ноября 1989г.**

На конференции Т.Хабарова представляла Московский Объединённый фронт трудящихся.

При решении вопроса, который сегодня обычно формулируется как "соотношение плана и рынка", следует принимать во внимание такой важнейший методологический принцип марксизма, как исторический подход.

Мы легко соглашаемся, что исторически изменчивы структуры государственной власти, формы собственности. Но почему-то до сих пор остаёмся, словно перед каким-то непреодолимым барьером, перед мыслью о точно такой же изменчивости системы товарно-денежных отношений.

Между тем, суть стоящей перед нами проблемы не в том, чтобы найти некое "правильное" сочетание "плана и рынка", но скорее в том, чтобы определить ту форму (модификацию) отношения стоимости, которая исторически адекватна социалистической форме собственности и, стаю быть, наиболее работоспособна "в паре" с этой последней.

Точно так же, как на разных ступенях развития человеческой цивилизации мы наблюдаем различные формы общественной планомерности, от сооружения ирригационных систем древности до высокоорганизованной планомерности капитализма и затем социализма,— точно так же разным общественным укладам соответствуют и исторически усложняющиеся конструкции "рынка", стоимостных взаимосвязей.

Чтобы понять, как должен выглядеть "социалистический рынок", нужно вкратце обрисовать, что такое социализм. Для этого, опять-таки, полезно вспомнить то указание основоположников марксизма, что всякий класс, приходя к власти, делает становым хребтом всей институционально-правовой структуры общества, институционализирует определённое характерное для него

отношение. Так, класс феодалов институционализирует земельную собственность, класс буржуазии – частную собственность на материально-технические предпосылки производства. Рабочий класс, утверждаясь у власти, институционализирует единственное и наиглавнейшее своё достояние – **способность к труду**, т.е. стержнем институционально-правовой системы становится **право на труд**.

Это значит, что рабочая сила "уводится" с рынка, поступает под охрану и защиту государства, вопросы применения труда становятся предметом **государственно-правового регулирования**. В принципе создаются условия для прекращения "товарного", вещного, грубо утилитарного отношения к трудящемуся человеку, для замены "ресурсного" подхода к работнику отношением к нему как к самоценной **личности**. Открывающаяся перспектива воплощения этого антиэксплуататорского принципа в жизнь представляет собой огромное, всемирноисторическое достижение, которое не может быть перечёркнуто переходящими несовершенствами реально возникшего социализма, его "болезнями роста".

Итак, с социалистического рынка "ушёл" товар "рабочая сила". Но следом за рабочей силой с рынка должны "уйти" и средства производства, поскольку при невозможности прикупить к ним рабочую силу, им тоже на рынке оставаться незачем. Мы хотим всячески обратить внимание на данное обстоятельство, – что государственная собственность на средства производства при социализме, это в общем-то не исходный пункт, как обычно у нас полагают, но скорее **следствие** разобранной выше "институционализации труда".

Стало быть, на социалистическом рынке нет товара "рабочая сила", отсутствует развитая товарная форма средств производства. Единственным полноценным и полнокровным видом **товаров** для социалистического рынка являются предметы народного потребления. Необходимо подчеркнуть, что такая модель рыночных отношений является не "ущербной", не "усечённой", но как раз исторически наиболее совершенной, **сущностной** их моделью, по достижении которой прогрессирующее развитие товарно-денежных взаимосвязей упирается в свой "потолок" и начинается их постепенное "самоизживание".

В самом деле, потеря средствами производства развитой товарной формы означает, что их цена определяется в большей мере не прибылью, которую можно выручить при их продаже, а себестоимостью. Основная масса чистого дохода общества, таким образом, перемещается в цены на товары народного потребления. Но товары народного потребления являются прямым и единственно мыслимым стоимостным "заместителем" живого труда. Очевидно, что именно живой труд оказывается в этой схеме главным доходобразующим фактором экономического процесса. Но тем самым выходит на поверхность экономической действительности и институционально закрепляется та глубинная, основополагающая истина, – затемнённая во всех предыдущих формациях, – что только живой труд является создателем стоимости прибавочного продукта и внутренним "мотором" экономического развития.

Зависимость цен на средства производства в большей степени от себестоимости, чем от прибыли ("тяготение" их как бы к нижнему пределу, задаваемому себестоимостью, а не к верхнему, задаваемому возможной величиной прибыли), позволяет правильно наметить, в целом, **политику оптовых цен** в социалистическом плановом хозяйстве. Если могут быть разные мнения по поводу того, "что делать" с прибылью, то относительно себестоимости мнение может быть только одно: она должна снижаться, снижаться и ещё раз снижаться. Установка на низкие, постоянно и неуклонно снижающиеся оптовые цены "давит" в нужном направлении на производителя, побуждая его отыскивать новые и новые резервы и пути снижения себестоимости, и выступает, – следовательно, – как аналог **рыночной конкуренции капиталовложений** в буржуазной экономике.

Показатель **снижения себестоимости** должен быть, таким образом, одним из главных планово-оценочных показателей при социалистическом хозяйствовании. Важно отметить при этом, что экономисты противозатратной школы (взгляды которых разделяет и автор настоящего сообщения) предлагают учитывать снижение себестоимости не только и не просто "у себя", но также и у потребителя выпускаемой продукции – "соседа справа".

Политика низких оптовых цен на средства производства позволила бы нам кардинально оздоровить и экономическую ситуацию в сельском хозяйстве. Ведь никому не секрет, что именно непрерывное, сплошь и рядом неоправданное удорожание техники и различных материальных средств, поставляемых селу, ведёт к росту себестоимости сельскохозяйственной продукции, к убыточности или малорентабельности значительного числа сельскохозяйственных предприятий. Это, в свою очередь, заставляет повышать закупочные цены, вводить всевозможные "надбавки" к ним, в результате возникает "перехлест" закупочных цен над розничными и такое экономически нежелательное явление, как дотации. Избавляться от дотирования цен на основные продовольственные товары следует, по нашему убеждению, никак не по пути их повышения, но по пути обратного "отвода" закупочных цен за линию розничных, а это возможно только через резкое снижение себестоимости продукции сельского хозяйства на базе удешевления сельскохозяйственной техники и самого решительного усовершенствования её рабочих характеристик.

Наконец, что касается непосредственно розничных цен. Поскольку, как было уже сказано, в социалистической экономике товара "рабочая сила" нет вообще, а средства производства утрачивают развитую товарную форму, то именно уровень основных потребительских цен становится главным ценовым уровнем народного хозяйства и специфической **критериальной величиной** экономики – аналогом **нормы прибыли на капитал** при буржуазном укладе. По отношению к уровню основных розничных цен у нас должна действовать, – отсюда, – та же **понижательная тенденция**, что и по отношению к средней норме прибыли при капитализме. Иначе говоря, в условиях "социалистического рынка" именно "лаг" периодического (допустим, ежегодного) снижения опор-

ных розничных цен должен выступать в качестве сознательно планируемого **критерия народнохозяйственной эффективности**.

Всё сказанное подразумевает, что работники и трудовые коллективы предприятий как группы "А", так и группы "Б" могут поощряться только за **снижение** материальных производственных затрат, — а не за их наращивание, как это имеет место сейчас. Должна быть разбита существующая ныне неконструктивная "сцепка" между фондом заработной платы и стоимостным объёмом выпуска продукции, поскольку такая зависимость "стимулирует" не высокопроизводительную работу и экономию ресурсов, а накручивание любыми средствами пресловутого "вала", в том числе через вздувание цен, вымывание дешёвых товаров, увеличение материалоёмкости изделий, фактическое торможение научно-технического прогресса. Труд должен оплачиваться, исходя из квалификации работника, сложности выполняемого им задания и качества исполнения порученного дела. Источником любых стимулирующих выплат может служить только сверхплановая экономия затрат, — но никоим образом не "сверхплановое" разбухание отпускной цены.

В материальном стимулировании следует также решительно усилить и очистить от наслоившихся формалистических искажений роль социалистического соревнования: распределять премиальные выплаты не грубо уравнилельно, как это делается в настоящее время, а в прямой и чувствительной зависимости от занятого в соревновании места.

Таковы, вкратце, характерные черты функционирования механизма "социалистического рынка" в столь важных, решающих областях экономики, как ценообразование и оплата труда. Из вышеизложенного, — как мы надеемся, — достаточно хорошо видно, насколько несправедливы обвинения в адрес учёных противозатратного направления, якобы они все сплошь являются какими-то принципиальными "антитоварниками". Снова повторим: всё дело в том, что категории "товар", "стоимость", "рынок" и т.п. исторически динамичны, изменчивы; в разные исторические эпохи "товары" и их циркулирующие в экономике совокупности выглядят совершенно по-разному. Не надо приписывать нам всякие глупости, вроде того, что мы выступаем вообще "против" каких бы то ни было стоимостных отношений. Мы выступаем только против того, чтобы оперировать стоимостными отношениями схоластически, в отрыве от конкретно-исторических условий их реального существования и действия, — против того, например, чтобы социализму навязывать товарно-денежные отношения не в адекватной ему исторической форме, а в той, в которой товар и стоимость существуют исключительно лишь при капиталистическом строе. Такое подсовывание не может привести к решению проблем социалистического развития, оно только усугубляет их и загоняет наше народное хозяйство всё дальше и дальше в кризисный тупик.

Если теперь под вышеозначенным углом зрения взглянуть на экономическую историю Советского государства, то сразу, можно сказать, проясняется и прошлое её, и настоящее, и будущее, и легко подметить, что вся она представляла собой один грандиозный процесс поисков надлежащего конкретно-

исторического соответствия между социалистическим (прежде всего государственным) способом присвоения средств производства и используемыми стоимостными, рыночными формами. Так, во время военного коммунизма попытались "обойтись" вовсе без товарно-денежных отношений. В период же нэпа "вернули" их, но в единственно возможной тогда – т.е., буржуазной – модификации. Специально же социалистическая модификация стоимости, – как мы убедились, – была постепенно нащупана, в общих её чертах, к концу 1940-х – началу 1950-х годов и на исторически "доставшемся" ей кратком отрезке (1947 – 1954гг.) успешно показала свою высокую работоспособность. Это и был достаточно чёткий эскиз подлинного **социалистического рынка**: высокая эффективность производства, "двузначные" темпы роста при полной занятости, экономическая независимость от иностранного капитала, убедительная развитость социальной сферы, в первую очередь здравоохранения, народного образования, ежегодное ощутимое снижение цен на основные потребительские товары, на этой базе быстрый подъём реальных доходов населения, сплавивавший, а вовсе не "разделявший" людей, не "отчуждавший" их от государства, но наоборот, вызывавший вдохновляющее чувство причастности к единому всенародному трудовому коллективу, к общему труду на благо своего Отечества.

Столь же ясен отсюда и корень всех наших сегодняшних бед: это не влияние зловерной "командно-административной системы", а не прекращавшиеся со второй половины 50-х годов упорные старания разрушить, демонтировать социалистическую модификацию стоимости, заменить элементы и узлы **социалистического** рыночного механизма элементами и узлами рынка капиталистического. Так, в результате "хозяйственной реформы" 1965 – 1967гг. в экономику оказался проташен, под названием "норматива эффективности капиталовложений", суррогат частнопредпринимательской "средней прибыли на капитал". Слов нет, прибыль на капитал – это весьма продуктивная экономическая схема, но ведь не во всякой же исторической обстановке. Для её нормального "срабатывания" нужен свободный перелив инвестиций, рынок капиталов (а значит, и труда), – иначе говоря, нужна частная собственность на средства производства. Соединение же капиталистических схем прибыли- и ценообразования с социалистической государственной собственностью – это нежизнеспособный, экономически безграмотно построенный симбиоз, и удивляться надо не тому, что это противоестественное сооружение "не работает", а скорее тому, что оно ухитрилось как-то просуществовать целых двадцать пять лет.

В отсутствие рыночной конкуренции капиталов попытка формировать прибыль "пропорционально фондам" оканчивается лишь тем, что она на практике формируется пропорционально затратам овеществлённого труда. Именно здесь, – а не в "командно-административной системе", опять-таки, – коренится первоисточник нынешнего **затратного характера** нашей экономики. С этим же связаны и прочие её болячки, – такие, как наплыв в обращение "бестоварных" денег, "оправданием" которых служат не позитивные конечные итоги, не реальные плоды общественно-производственного процесса, но только сделанные по его ходу затраты, а отсюда инфляция, разбалансированность потребитель-

ского рынка, дефицитный госбюджет, дотационные "волдыри" над розничными ценами, вместо взимавшегося тут ранее налога с оборота, и т.д.

В создавшемся тупике "виновата" не социалистическая государственная собственность на средства производства как таковая, а то факт, что она три десятилетия лишена возможности работать в сочетании с той формой товарно-денежных отношений, которая объективно-исторически соответствует социалистическому укладу. Стоящая перед нами задача, таким образом, может быть сформулирована как **воссоздание социалистической модификации отношения стоимости**: восстановление **социалистического** рынка, во всей его специфике, но ни в коем случае не механический перенос на нашу социально-историческую почву типично буржуазных, эксплуататорских рыночных структур. Социалистический рынок, – резюмируем коротко ещё раз, – это механизм поднятия благосостояния трудящихся не через инфляционное наращивание денежных доходов, неизбежно оказывающееся для огромного большинства фиктивным, а через систематическое снижение розничных цен. Важнейшим признаком социалистического рынка является отсутствие на нём купли-продажи рабочей силы, полная занятость трудового населения.

Прошлое не повторяется и не должно повторяться, но если говорить о "возвращении", – как это сейчас широко распространено, – то "вернуться" нам надо не в нэп, не в переходный от капитализма к социализму период, и тем паче не в частнособственническое общество "в чистом виде". "Возвращаться" следует в уже построенный социализм, до того как он был исковеркан и искорёжен "реформаторством" 50-х – 60-х годов, закономерно породившим стагнацию 70-х и кризисный срыв, который мы переживаем в настоящее время. Нам, действительно, только ещё предстоит "радикальная экономическая реформа", и заключаться она должна не в чём ином, как в полном и доскональном выкорчёвывании чужеродных социализму "нововведений", которые были внесены, главным образом, в 1965–1967 годах, застопорили на четверть века наш экономический прогресс, отбросили страну назад, а ныне со всей неприглядностью выявили свою изначальную антисоциалистическую тенденцию. Вот с какой реформой нам нужно очень и очень поторопиться, если мы намерены в будущем жить в мощной и процветающей державе, занимающей по всем показателям одно из первых мест в мире, а не в безнадёжно отставшем полуколониальном государстве, топчущемся где-то на задворках общемирового развития.

<http://www.cccp-kpss.narod.ru/catalog/politek/kon-istor.htm>

Т.Хабарова, 2015г.: по поводу публикации выступления, оно, по моим сведениям, было напечатано в соответствующем сборнике материалов конференции, но мне в руки этот сборник так и не попал, т.е. толком я этого не знаю.

Канд. филос. наук,
председатель Идеологической комиссии
общества "ЕДИНСТВО"
Т.ХАБАРОВА
Москва, сентябрь 1990г.

Скажем НЕТ рыночной авантюре!

Заявление

**Всесоюзного общества "ЕДИНСТВО –
– за ленинизм и коммунистические идеалы"
в связи с программой
"перехода к рыночной экономике".**

*Документ был принят за основу
экономической платформы Всесоюзного общества "Единство"
на III Всесоюзной конференции "Единства"
в Ленинграде 28 октября 1990г.*

Политическая оценка ситуации

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО "ЕДИНСТВО" считает необходимым, в связи с намеченным введением в стране "рыночной экономики", со всей категоричностью заявить ещё раз следующее.

То, что выдаётся сегодня за "трезвую, основанную на экономических расчётах и научных исследованиях, совместно разработанную нами концепцию перехода к рынку"¹, в действительности представляет собой хорошо известную так называемую "программу экономической стабилизации" Международного валютного фонда – т.е., стандартный набор требований, которые международный финансовый капитал в обмен на кредиты выдвигает перед своими заёмщиками из числа стран "третьего мира". Вот пункты этой "стабилизационной программы": ограничение заработной платы трудящихся, ассигнований на социальные нужды, повышение цен на товары массового спроса, свёртывание государственного сектора в экономике, девальвация национальной валюты и, наконец, самое главное – создание максимально благоприятных условий для деятельности частнопредпринимательского капитала.²

Достаточно сравнить вышеперечисленное с основными положениями упомянутого доклада Н.И.Рыжкова, чтобы удостовериться, – никаких "трезвых экономических расчётов и научных исследований" от него не требовалось, расчёты и исследования проводятся в данном случае совсем в другом месте, а тре-

¹ Доклад Н.И.Рыжкова на совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации 20 июля 1990 года. "Известия" от 22 июля 1990г., стр.2.

² См., напр., Р.И.Зименков. Конкистадоры XX века. М., ИПЛ, 1990, стр. 106.

бовалось безоговорочно выполнять диктат внешних сил, выражающих не какие-то "общечеловеческие ценности", но обыкновеннейшие, грубо корыстные интересы мирового империализма, ведущих империалистических держав. Самоочевидным и уже не маскируемым результатом этого новейшего "курса" нынешнего руководства страны должны стать полная ликвидация социалистического строя в СССР, распад Советского Союза как единого многонационального государства, отдача наших природных богатств на разграбление чужеземным "благодетелям", ускоренное выращивание отечественной буржуазной "элиты", главным образом из всевозможного воря. Совершенно открыто планируется лишить трудящихся основных социальных гарантий, резко ухудшить жизненный уровень населения путём огромного, практически не компенсируемого повышения цен, создать в стране армию безработных, поставив тем самым народ на колени перед новыми "хозяевами жизни" из числа бывших "теневиков".

Трудно себе представить, до какого непревзойдённого цинизма нужно докатиться, на месте наших нынешних правителей, чтобы подобный ход событий, по существу уже и не скрываемый, упорно продолжать изображать как следование "социалистическому выбору" и чуть ли не воплощение каких-то "ленинских" предначертаний. Уму непостижима человеческая и политическая безнравственность людей, которые всё ещё продолжают носить в кармане членский билет Коммунистической(!) партии – и лезут из кожи вон, чтобы легализовать в СССР частную собственность, громогласно требуют принятия "масштабных государственных актов", декларирующих ни более ни менее как права... частного предпринимателя, эксплуататора, – актов, обеспечивающих эксплуататорам и эксплуатации всемерную защиту со стороны государства и закона.

Чтобы внушить трудящимся мысль о неизбежности-де и неотвратимости реставрации в СССР власти буржуазии, в стране целенаправленно нагнетается обстановка безысходности, страха, неуверенности в завтрашнем дне. Слишком уж хорошо "работают" на эту цель и бесчинства экстремистов, никак не пресекаемые, и отсутствие на прилавках товаров, которые ещё совсем недавно, в эпоху пресловутого "застоя", имелись в полном достатке, и многое другое, – чтобы считать всё это результатом одного лишь головотяпства и неумения толково поставить дело. Несколько лет мы слышим надрывный крик о "преступлениях Сталина" и якобы проводившемся при нём "геноциде". Но вот сотни тысяч беженцев в мирное время³, средневековые по своему разнузданному зверству межнациональные столкновения, разгул преступности, тысячи людей, погибших страшной смертью в мирный, казалось бы, день не пороге собственного дома, – это мы, по-видимому, должны расценивать не как геноцид, не как проявление позорной безрукости правительства или ещё более позорного и чудовищного, тайного злого умысла, а как торжество "гласности" и "демократизации".

³ В действительности время было уже далеко не мирное, – вступала в свою решающую, пред-оккупационную фазу информационно-психологическая война. /Прим. ред./

Со всей остротой следует ещё и ещё раз подчеркнуть абсолютную недопустимость и неприемлемость изменения общественно-экономического и конституционного строя в стране "явочным порядком", в отсутствие ясно и недвусмысленно выраженного согласия на такие перемены квалифицированного большинства населения, причём это согласие должно быть получено не галдежом на митингах, а путём чётко разработанной демократической, правовой процедуры. Только ещё в мае месяце с.г. тот же Н.И.Рыжков заверял нас, в докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР по поводу "рыночной экономики", что "без согласия народа идти на такой шаг нельзя" и что "каждый гражданин страны должен высказать своё отношение к нему".⁴

Между тем, что же мы видим сегодня?

Вместо обещанного "совета с народом" идёт келейный "совет" всё с теми же абалкиными, буничами, петраковыми и шмелёвыми, а ведь если их "концепции" действительно будут осуществлены на практике, основная масса трудового населения почувствует себя, как на оккупированной территории, в резервации, отверженными и лишившимися всякой реальной конституционной защиты в собственной стране.

Наша позиция состоит в том, что любые действия по изменению общественного строя, предпринятые без ясно выраженной санкции народа, являются заведомо **неправомочными с момента их свершения**, а появившиеся в результате таких действий законодательные акты не имеют правовой силы и подлежат безоговорочной отмене в процессе оздоровления обстановки в стране. Правители же, которые длительное время совершают подобные действия, по сути вещей сами себя ставят в положение скрытых мятежников, воюющих с собственным народом, насилием и обманом домогающихся того, на что народ не давал и никогда не дал бы согласия, будучи спрошен об этом в честной, разумной и законной форме. Вот это фактическое насилие над волей и объективными интересами народа, под аккомпанемент мнимой "гласности" творимое в Кремле,— вот оно и выплёскивается по всему нашему многострадальному Отечеству зловещим заревом дестабилизации, развала и одичания, кровавых бесчинств, неслыханно и преступно позорящих великую страну.

Нам твердят о "гуманном" социализме "с человеческий лицом", о том, что нас-де "перестали бояться" на Западе. Соотечественники, опомнитесь, вчитайтесь в леденящие душу строки свидетельств о смерти бесчисленных невинных жертв, в описания их мученической кончины, поставьте себя и своих близких на место этих несчастных,— человеческое ли это лицо? Не лицо ли это **подлинного**, а не придуманного геноцида? Миллионы людей в стране объаты страхом перед будущим, перед грозящей им нищетой и социальной отверженностью, просто страхом за свою жизнь. Стоило ли такой ценой покупать умиление благополучного обывателя где-нибудь на Миссисипи, где мы и без того никому никогда реально не угрожали? Что толку, что к нам Запад воспылал "доверием", если мы у себя на Родине перестали доверять друг другу, если страну раз-

⁴ См., напр., "Московская правда" от 25 мая 1990г., стр. 3.

дирает социальная и национальная рознь, невиданная со времён гражданской войны?

Нам сюсюкают об "общеевропейском доме", а в собственном нашем доме полыхает пожар, в который хотят подплеснуть ещё и бензина "рыночной экономики". Способ борьбы с катастрофой, которая бушует вокруг нас, в которую мы фактически уже погружены, сегодня может быть только один: остановить зачинщиков, поджигателей и избавиться от них, причём немедленно и самым решительным образом. За пять с лишним лет мы исчерпывающе убедились, что никакой гражданский, политический диалог с ними невозможен. Их высидел в своём аппаратном инкубаторе тот самый "застой", против которого они лицемерно ополчились.

За годы "перестройки" Горбачёв и его компания по существу уже втянули нас в долговую кабалу, наделав на 50 миллиардов долларов займов, "обеспеченных" лишь предательскими по отношению к советскому народу политическими авансами. Вот что их торопит, вот что их подгоняет,— а вовсе не забота о нашем с вами благе. Пустая казна, неуменье наладить в стране нормальную работу и невозможность получить ещё хоть что-то от западных доброхотов, иначе как в обмен на клятвенные обещания "покончить с социализмом" в СССР. Не стесняются сами же с циничной ухмылкой признать, что за пять миллиардов долларов "продали канцлеру Колю Восточную Германию".⁵

Спрашивается,— доколе мы собираемся терпеть на своей шее подобных политических иуд, результаты хозяйничанья которых в государстве превзошли на сей день самые смелые вождедения не только главы всемирного антикоммунистического "крестового похода" Рейгана, но, пожалуй, уже и Гитлера? Отныне один должен быть с ними разговор, один ответ на все их призывы и попытки заручиться "поддержкой народа": **ВОН, ДОЛОЙ, И НЕМЕДЛЕННО!** Никакой поддержки временщикам у власти, нагло торгующим классовыми интересами людей труда, национальными интересами страны! Одно должно звучать в ответ на любые их домогательства: **ВОН!** Уходите, очистите опоганенную и опозоренную вами же (а не "социализмом"!) Старую площадь, освободите от вашего присутствия священный Кремль,— и мы поднимем, спасём, возродим Державу, поработаем так, как работали наши отцы и деды, когда они видели, что работают, поистине, на себя и что плоды их труда не проваливаются в какую-то бездонную яму, а служат неуклонному и повседневному улучшению их жизни. Мы знаем, как это сделать, и мы сделаем всё это, но сделаем **БЕЗ ВАС**. Таково наше непреклонное требование, и этому требованию, действительно, никаких "альтернатив" быть уже не может — и нет.

⁵ См. С.Кондрашов. Перестройка нужна Западу. Вопрос: насколько? "Известия" от 4 августа 1990г., стр. 5.

Предложения по выводу страны из экономического кризиса

ВЫДВИГАЕМЫЙ НАМИ ПОДХОД к решению экономических проблем основывается на признании прогрессирующего обобществления экономики (включая производство как таковое, обмен, распределение и потребление) в качестве главенствующей мирохозяйственной тенденции всего новейшего времени. Мы не намерены далее вести пустопорожние "дискуссии" на тему о необходимости и неизбежности, в любой современной экономике, централизованного планирования и сосредоточения всё большей хозяйственной мощи в руках государства, ибо всё это представляет собой непреложную истину сегодняшнего экономического развития, давно и непрерываемо подтверждённую как мировой практикой, так и передовой научной мыслью. Если нынешних наших "рыночников" одолели сомнения на сей счёт, то вместо того чтобы разводить дискуссии вокруг "дважды два – четыре" и подталкивать законодательные органы к принятию безголовых, деструктивных "экономических" актов, пусть перечитают лишний раз свои собственные труды эпохи "застоя", за которые щедро получали в своё время учёные степени, звания и гонорары.

На определённом этапе обобществление естественно выступает как огосударствление. Весь вопрос лишь в том, интересы какого класса выражает государство как собственник средств производства. Вот в этом направлении и должна вестись у нас созидательная работа над упорядочением процессов обобществления и соответствующих институциональных структур, – в направлении деbüroкратизации государства, придания ему в полной мере антиэксплуататорского характера, чтобы оно выражало исключительно и только интересы трудового народа. Но ни о каком "разгосударствлении" и передаче государственной собственности в частные руки не может быть и речи, ибо если в отношении государства в современных условиях разговор о его классовой природе актуален и имеет глубокий конструктивный смысл, то разговор о "классовой природе" частного собственника ни малейшего смысла не имеет, поскольку давно известно, что она противоположна интересам труженика-производителя, и никто ещё эту истину не опроверг.

Таким образом, мы вносим на рассмотрение не "альтернативный вариант" правительственной программы по "разгосударствлению" общенародной собственности и введению "вольного" частнопредпринимательского рынка с открытой эксплуатацией наёмной рабочей силы и безработицей. Мы выдвигаем проект вывода народного хозяйства СССР из экономического паралича, обусловленного в огромной степени всевозможными "перестроечными" мероприятиями.

МЫ ТРЕБУЕМ:

1/(1.1) НЕМЕДЛЕННО ОБЪЯВИТЬ МОРАТОРИЙ на осуществление каких-либо мер по "программе перехода к рыночной экономике", равно как и на осуществление законодательных актов (законов о собственности, о земле, о налогодобложении и т.д.), принимавшихся с единственной целью – юридически "разблокировать" процесс реставрации капитализма и уничтожения Советской власти в СССР.

(1.2) Распустить какие бы то ни было комиссии по "научному" обеспечению "радикальной экономической реформы" и "перехода к рынку" и создать единую **Комиссию по выводу советской экономики из кризисного состояния на путях подлинного социалистического обновления, а не ликвидации социализма в СССР.** Ввести в предлагаемую Комиссию, – не менее половины числа её членов, – представителей прогрессивной, социалистически и патриотически настроенной общественности, учёных-экономистов марксистского направления.

2/ ПРИНЯТЬ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ по восстановлению целостности функционирования экономики СССР как **единого народнохозяйственного комплекса:**

(2.1) безусловно восстановить и укрепить нарушенные народнохозяйственные связи и общую управляемость народнохозяйственного организма;

(2.2) восстановить и укрепить систему централизованного территориально-отраслевого планирования и руководства экономическими процессами, осуществить в то же время самые решительные шаги по социалистической (а не анархической!) демократизации и дебиюрократизации этой системы;

(2.3) восстановить и укрепить планово-финансовую, технологическую, трудовую дисциплину на производстве, дисциплину поставок и кооперационных связей;

(2.4) проанализировать ситуации в экономике, которые сегодня вызывают у людей подозрения, – а то и стойкую уверенность, – что здесь имеет место не просто халатность, но сознательное вредительство; ввести в уголовное законодательство составы преступлений "экономический саботаж", "экономическая диверсия", установить жёсткую ответственность за эти виды злодеяний и развернуть бескомпромиссную борьбу с ними;

(2.5) принять Декларацию прав человека труда в СССР, провозглашающую священными и неприкосновенными общенародную социалистическую собственность, право гражданина на труд, право гражданина на достижение посредством добросовестного труда наивысшего уровня материального и культурного благосостояния, возможного при данной степени развития общественных производительных сил, право гражданина на участие в выработке и реализации

решений, касающихся распоряжения общенародной собственностью; объявить антиконституционными и подлежащими преследованию по закону какие бы то ни было попытки легализации в Советском государстве частной собственности с применением наёмной рабочей силы, а также любых иных форм эксплуататорства и заведомой социальной несправедливости, равно как пропаганду всех этих вещей;

(2.6) восстановить и укрепить органы народного (рабочего) контроля на производстве, организовав их так, чтобы контроль шёл снизу, непосредственно от трудящейся массы, и чтобы для него не существовало "запретных зон" ни на каких уровнях и ни в каких аспектах управленческого процесса;

(2.7) покончить с разговорами о "деидеологизации" и "деполитизации" экономики, ибо нет более "загруженной" в идеологическом и политическом плане сферы жизни человека, чем производство, — где решается вопрос как о его собственной классовой принадлежности, так и о том, какому классу принадлежит общая власть в государстве.

3/ СЧИТАЕМ НЕОБХОДИМЫМ незамедлительно приступить к формированию нормального, здорового **"социалистического рынка"**, т.е. такой системы функционирования товарно-денежных отношений, при которой товарами в полном смысле слова являются лишь предметы народного потребления, но не могут служить товаром ни рабочая сила, ни средства производства. Доходообразующим фактором на "социалистическом рынке" выступает **не овеществлённый труд ("капитал"), как это имеет место в буржуазной экономике и как было искусственно учреждено у нас в результате реформы 1965–1967гг., а живой труд, т.е. реально – средства воспроизводства рабочей силы, или товары народного потребления.**

Мы полностью разделяем наиболее существенное и принципиальное положение "антитоварной" теории о том, что в будущем, по мере продвижения к коммунизму, товарно-денежные отношения "отомрут". Возможно, это произойдёт на какой-то достаточно высокоорганизованной стадии развития социализма как такового. Однако, нельзя не считаться и с тем, что закон стоимости не может быть в один прекрасный день "отменён" особым декретом. Между той его всеобъемлющей формой, в которой он выступает при капитализме, и его полным "исчезновением" в коммунистическом обществе лежит длительный исторический период, на протяжении которого стоимостные категории проходят процесс последовательной и постепенной "самоликвидации". Но важно иметь в виду, что эта "самоликвидация" отношения стоимости должна быть не разрушительной, а созидательной, конструктивной; т.е., она должна работать на возникновение лучшей, более совершенной и эффективной по сравнению с капитализмом организации общественного производства. Эту "самоликвидирующуюся" ступень исторической эволюции закона стоимости мы и называем "социалистическим рынком".

Одновременно эта наша аргументация обращена и к мыслящим экономистам-"рыночникам". Им тоже надо согласиться, что рыночные отношения, подобно всем прочим, исторически меняются, и что точно так же, как современный мировой рынок мало походит на рынок где-нибудь в Древней Греции, так же и рынок при социализме имеет по сравнению с капиталистическим рынком весьма и весьма существенную специфику. Причём, это именно **историческая специфика**, которую нужно очень серьёзно изучать и продуманно воплощать в жизнь,— а не какие-то досадные отклонения от якобы "идеальной", "нерушимой" на все времена буржуазной модели. Нельзя представлять себе налаживание "рынка" в СССР как механический перенос на нашу социальную почву, а тем более силовое насаждение здесь реалий буржуазного хозяйствования. Ни к чему хорошему подобный антиисторический, антинаучный и политически порочный подход не приведёт.

4/(4.1) С ЦЕЛЮ ВЕРНУТЬ ДОХОДООБРАЗУЮЩУЮ РОЛЬ от овеществлённого к живому труду провести операцию перераспределения чистого дохода общества, противоположную той, которая была проделана в 1965–1967гг.⁶, имея в виду со временем переместить порядка 3/4 – 4/5 общей доходобразующей нагрузки в народном хозяйстве в цены на потребительские товары (в форму "централизованного чистого дохода государства" – ЦЧДГ). Политэкономический смысл этой операции тот, что в обобществлённом хозяйстве основная часть чистого дохода должна реализоваться не через цены на общественно-промежуточный продукт (всю продукцию производственно-технического назначения), а через цены на общественно-конечный продукт (товары народного потребления). Иначе говоря, мы предлагаем **восстановить, в её общих очертаниях, так называемую "двухмасштабную систему цен", которая, собственно, и являлась достаточно точным приближением к искомой социалистической модификации закона стоимости.**

(4.2) Снизить норму прибыли в ценах на продукцию производственно-технического назначения и в оптовых ценах предприятий, изготавливающих потребительские товары, до 4–5% к себестоимости изделий, выровнять её по всей номенклатуре изделий и по всему народному хозяйству. Ликвидировать зависимость между фондом заработной платы и объёмом выпуска продукции в рублях. (Эти наши предложения перекликаются с неоднократными выступлениями по данному вопросу Д.В.Валового.⁷)

Оплачивать труд в зависимости от квалификации работника, сложности выполняемой работы и успешности выполнения планового задания. Премияльный фонд распределять в прямом, чувствительно дифференцированном соответ-

⁶ См. об этом, напр.: Научные основы планового ценообразования. "Наука", М., 1968, стр. 171; Г.Д.Кузнецов. Ценообразование в цветной металлургии. "Металлургия", М., 1977, стр. 28–31.

⁷ См., напр., Д.Валовой. Экономика на перепутье. "Правда" от 8 мая 1989г., стр. 3.

вии с местом, занятым работником в социалистическом соревновании (В.М.Якушев).

(4.3) Сделать снижение себестоимости продукции одним из решающих планово-оценочных показателей хозяйствования, причём учитывать сокращение затрат не столько "у себя" (оно может быть достигнуто и в ущерб качеству продукции), сколько "у соседа справа", т.е. у потребителя продукции. (С аналогичными по своей сути предложениями давно и настойчиво выступают такие экономисты, как, например, С.С.Губанов, В.И.Сиськов, Н.Л.Кизуб-Алтухова и др.)

Считать величину экономии затрат у потребителя выпускаемой продукции **локальным критерием эффективности** социалистического общественного производства.

Сделать **установку на неуклонное, в перспективе, относительное снижение оптовых цен предприятий по всей общественно-технологической цепочке** одним из основных принципов рациональной организации социалистического хозяйствования (М.В.Попов). Установка на снижение оптовых цен объективно выполняет при социализме ту же роль, что и понижающая тенденция нормы прибыли (т.е., в конечном счёте, конкуренция капиталовложений) в условиях капитализма: она заставляет производителя изыскивать всё новые резервы сокращения своих затрат, внедрять достижения научно-технического прогресса.

Само собой разумеется, общую стратегическую линию на удешевление продукции производственно-технического назначения нельзя истолковывать догматически, в духе плоской поступательности. Допустимо временное удорожание, и даже значительное, качественно новой техники в том случае, если наблюдается опережающее возрастание производительности труда у потребителя данной техники и если имеется в виду, в ближайшей перспективе, резко снизить затраты на её изготовление при её широком распространении (А.И.Кац).

(4.4) Сверхплановую прибыль, получаемую за счёт дополнительного снижения себестоимости при фиксированной оптовой цене, оставлять в распоряжении трудового коллектива, направлять на материальное стимулирование трудящихся, на улучшение условий их труда и быта.

5/—(5.1) СНИЖЕНИЕ СЕБЕСТОИМОСТИ И ЦЕН по всей общественно-технологической цепочке должно результировать, на потребительском рынке, в снижение себестоимости товаров народного потребления, дающее возможность регулярно снижать розничные цены на них.

Рассматривать величину регулярного снижения опорных розничных цен как **народнохозяйственный критерий эффективности** социалистического общественного производства.

Рассматривать передачу государством населению известной доли ЦЧДГ в виде регулярного снижения базовых розничных цен как **основной канал мате-**

риального стимулирования трудящихся, повышения уровня их материального и культурного благосостояния и их участия, как сохозяев средств производства, в распределении обобществлённого чистого дохода (М.В.Попов).

(5.2) Установить нерушимый порядок, согласно которому ЦЧДГ ("налог с оборота"), содержащийся в цене потребительских товаров, может реализоваться и поступить в казну **только после действительной, фактической продажи данного товара покупателю за наличные деньги.**

(5.3) Установить действенный административный и демократический (рабочий) контроль за использованием общественных фондов накопления и потребления.

6/ СТРОГО СОБЛЮДАТЬ фундаментальное для системы социалистического хозяйства различие между денежными средствами безналичного и наличного оборота – "производительскими" и "потребительскими" ценами, "счётными" и "трудовыми" деньгами (В.М.Якушев), "трудовыми квитанциями" (Н.И.Ведута).

Считать одной на важнейших пропорций социалистического народнохозяйственного планирования, подлежащей неукоснительному соблюдению, – в том числе и в региональном разрезе, – что наличные деньги, находящиеся на руках у населения, вообще могут иметь место в народном хозяйстве только "в паре" с соответствующим количеством товарных благ в сети розничного товарооборота и в сфере оказания платных услуг. Перекрыть все каналы "бестоварной" перекачки безналичных средств в наличные, рассматривая такую перекачку как одно из опаснейших нарушений планово-финансовой дисциплины, ведущее к товарно-денежной разбалансированности.

Следует отметить, что при принятии наших предложений о формировании доходной части госбюджета в основном за счет ЦЧДГ ("налога с оборота") и о невозможности реализовать ЦЧДГ иначе, как через фактическую продажу товара (услуги) розничному покупателю, вышеуказанная пропорция начнёт осуществляться как бы "сама собой", поскольку государство, чтобы сформировать бюджет, вынуждено будет "гоняться" за массовым розничным покупателем с его деньгами, в которых заключена "причитающаяся" госбюджету сумма чистого дохода (П.С.Мстиславский). Государство также объективно будет вынуждено целиком переключиться с защиты производителя-бракодела от потребителя, – чем оно занимается сейчас, поскольку основную часть доходных поступлений получает в виде отчислений от прибылей предприятий, – на **защиту массового потребителя от производителя-бракодела.** Для социалистической экономики это простейший, наиболее реалистичный, – причём, что важно подчеркнуть, чисто экономический – способ покончить с пресловутым "диктатом производителя" и добиться того, чтобы в народном хозяйстве производились именно **фактические потребительные стоимости,** а не пустые денежные

объёмы и не различные неликвиды, мёртвым грузом оседающие потом на складах.

7/ В ОБЛАСТИ УПОРЯДОЧЕНИЯ ФИНАНСОВ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ Всесоюзное общество "Единство" выступает категорически против того, чтобы решать проблемы сбалансирования бюджета и сокращения внутреннего государственного долга за счёт трудовых грошей подавляющей массы средне- и малообеспеченных слоёв населения страны.

(7.1) Мы исходим из той самоочевидной истины, что никаких "лишних денег" на руках у огромного большинства трудового народа в нашей стране в настоящее время **нет**. "Лишние деньги" имеются только у тех, кто нажил их в период "застоя" и "перестройки", в основном несправедливым, нетрудовым путём. Соответственно, не существует и никакой "проблемы" "связывания лишних денег" посредством распродажи в собственность хапугам общенародного достояния, созданного трудом нескольких поколений честных, добросовестно работавших советских людей. Существует проблема **изъятия** этих "бешеных денег", которая может и должна быть решена через проведение **регрессивной денежной реформы** по образцу реформы 1947г.

Мы поддерживаем, таким образом, широко известные предложения (А.А.Сергеев) об обмене денег "один к одному" в пределах некоторой суммы, примерно соответствующей нормальным трудовым сбережениям среднеобеспеченной семьи, о необходимости "защищать" накопления сверх этой суммы декларацией об источниках приобретённого и о безусловном регрессивном обмене (1:10 или даже в ещё более жёсткой пропорции) всех прочих сумм. При этом номинал любых трудовых доходов (зарплата, пенсия и т.д.) должен быть сохранён в новых деньгах неизменным, а розничные цены пересмотрены дифференцированно, с учётом повышения покупательной силы рубля.

Необходимо предупредить тех, кто сегодня позарится на общенародные средства производства, о неизбежности в будущем возвратной экспроприации этой собственности, без всякого "возмещения потерь".

(7.2) Необходимо поставить под пристальный демократический контроль вопрос о **внешних займах** правительства.

Иностранным кредиторам, предоставлявшим займы руководству Горбачёва – Рыжкова на политических условиях, грубо ущемляющих, фактически без ведома советского народа, его национальное достоинство и его суверенные права по распоряжению своей территорией и своим экономическим потенциалом, следовало бы отдавать себе отчёт в возможности аннулирования в дальнейшем таких долгов, поскольку вышеупомянутых руководителей никто, в сущности, на подобные действия не уполномочивал.

(7.3) Что касается перешедших все мыслимые рамки дотаций по основным продуктам питания, то мы, естественно, видим всю ненормальность этого явления и выступаем за его устранение.

Однако, начинать здесь надо не со следствий, а с причин. Причиной же дисбаланса между закупочными и розничными ценами на продовольствие являются не "заниженные", якобы, цены на продукты (доля затрат на питание в расходах средней городской семьи у нас уже и сейчас непропорционально велика – порядка 60%⁸). Причиной здесь является неоправданный рост себестоимости сельскохозяйственной продукции, происходящий в огромной степени из-за непрерывного удорожания поставляемой селу техники, – удорожания, которое отнюдь не сопровождается улучшением её рабочих характеристик. В этой ситуации повышение розничных цен на продукты питания экономически явилось бы дотированием технического застоя в сельскохозяйственном машиностроении и нерадивого использования техники непосредственно на селе. Это не выход из критического положения, а дальнейшее его усугубление. Не говоря уже о том, что повышение цен на продовольствие в тех размерах, как это запланировано, обернётся жизненной катастрофой для 40 миллионов бедняков, которые у нас на сей день имеются, да ещё добавит к ним десятки миллионов новых.

Действительным выходом из тупика тут может быть только ускоренное (за 4–5 лет) техническое перевооружение всего аграрного сектора, включая сбор, хранение, переработку и транспортировку продукции, на базе нового поколения мощной высокопроизводительной экономичной и систематически дешевающей техники. (Если мы смогли за годы Великой Отечественной войны вдвое снизить себестоимость такой машины, как танк, то почему, собственно, нельзя за то же время вдвое удешевить трактор или комбайн?)

Снятие того давления "изнутри", которое ныне оказывает на закупочные цены в сельском хозяйстве непрерывно дорожающая техника (как и иные промышленные материалы), замена этой пагубной тенденции другой, противоположной, позволила бы избавиться от дотаций, нормализовать положение в сельскохозяйственном производстве и на потребительском рынке, **не прибегая к повышению розничных цен**. Следует всячески подчеркнуть, что, – напротив, – подгонка розничных цен под искусственно завышенную, в результате элементарной бесхозяйственности, себестоимость аграрной продукции вообще никаких проблем не решит, кроме создания новых очагов социальной напряжённости. Те, кто, вопреки здравым предупреждениям, навязывает сегодня стране этот бессмысленный экономически и политически деструктивный шаг,

⁸ См. напр., А.Зайченко. О хлебе насущном. "Московские новости" от 21 августа 1988г., стр. 12.

Ср. США – СССР: личное потребление. Некоторые сопоставления. "Вечерняя Москва" от 27 декабря 1988г., стр. 3:

"В СССР нынешний уровень розничных цен на товары и услуги народного потребления (особенно питания) – один из самых высоких в мире, и вопрос о дальнейшем его повышении нельзя рассматривать как средство решения продовольственной программы и социальной политики в целом."

должны быть готовы принять на себя всю ответственность за его неминуемые последствия.

(7.4) Считаю недопустимым и в корне противоречащим интересам трудящейся массы проведение в настоящий момент мероприятий по достижению так называемой "конвертируемости" рубля (т.е., по его девальвации, если отбросить словесные ухищрения).

С экономической точки зрения о конвертируемости одной валюты в другую имеет смысл говорить только в том случае, когда "товарное наполнение" денежной единицы здесь и там примерно равноценное. Однако в условиях, когда покупательная способность рубля ослаблена до предела из-за дефицита товаров и услуг, никакой реальной "взаимобратимости" между ним и более "товарообеспеченными" иностранными валютами быть не может, и вся "конвертируемость" сведётся к свободе продажи рублей за доллары по ценам "чёрного рынка".

Кому и зачем это нужно? Это нужно отечественным толстосумам, чтобы перевести имеющиеся у них в изобилии обесценённые рубли в "твёрдую" валюту, а затем на эту валюту организовать себе "отдельную" от прочего народа комфортабельную жизнь, причём в этот "валютный" фонд потребления уйдёт всё лучшее, что ещё у народа осталось. Такая "конвертируемость" уже практически осуществлена в Польше, где национальная буржуазия, по сути, полностью отгородилась "валютным барьером" от рядовых грудящихся, более половины которых в результате "шокотерапевтических" манипуляций оказались за официальной чертой бедности. Это способ не "укрепления рубля", а разделения товарно-денежного обращения в стране на "деньги и товары для бедных" – и "деньги и товары для богатых". Если "распределители" застойной поры не афишировались, прятались подальше от людских глаз, то теперь ту же самую систему, – в несравнимо более наглом и отвратительном варианте, – стараются легализовать как охраняемый законом государственный институт. Подобное развитие событий неприемлемо, и ему необходимо воспрепятствовать со всей возможной твёрдостью.

(7.5) Необходимо восстановить государственную монополию внешней торговли.

8/ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА Всесоюзное общество "Единство" решительно отвергает "идею" принудительной деколлективизации и "фермеризации" аграрного сектора в СССР, разбазаривания машинного парка колхозов и совхозов и раздачи земли в частную собственность. Последнее вообще несовместимо с основными началами Советской власти. Фермерские (единоличные) хозяйства могут создаваться там, где это отвечает национальным традициям и специфике природных условий, но и в этом случае собственником земли должно оставаться социалистическое государство, которое передаёт земельные угодья единоличному пользователю особым актом, не являющимся

актом купли-продажи. В единоличном владении не должно находиться земли больше, чем может быть обработано без применения наёмного труда.

(8.1) Восстановить в колхозах оплату труда по конечному результату, в том числе часть заработанного выплачивать натурой. Гарантировать хозяйствам стабильность плановых заданий по государственным поставкам и полную свободу в распоряжении внеплановой продукцией. Закупку продукции государством сверх плана поставок производить по повышенным ценам.

(8.2) Считать основным направлением подъёма производительности труда в сельском хозяйстве и снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции насыщение села высокоэффективной и разнообразной техникой, развитие инфраструктуры (дорожное строительство, электрификация, газификация, мелкие местные перерабатывающие предприятия и т.д.), внедрение достижений сельскохозяйственной науки.

Стоимость технического, научного и т.п. обслуживания земледельческого труда должна быть в возможно большей мере "выведена" из себестоимости конечного сельскохозяйственного продукта, т.е. всем этим должны по возможности заниматься специализированные государственные предприятия и организации. На себестоимости колхозной продукции должна отлагаться лишь оплата непосредственно самой услуги, но никоим образом не затраты по содержанию производственных основных фондов, потребных для оказания данной услуги.

С целью возрождения жизнеспособности "лежачих" хозяйств временно полностью освобождать их от необходимости содержать на своём балансе дорогостоящую и требующую квалифицированных кадров для своего использования технику, создавать станции технического обслуживания, аналогичные существовавшим ранее МТС.

(8.3) Считать крестьянское подворье не посторонним "довеском", а органической частью коллективного хозяйства, со всеми вытекающими отсюда следствиями, т.е. необходимостью проявления организованной, упорядоченной заботы о его нуждах (обработка земли, выделение выпасов и покосов для скота, заготовка топлива, помощь в реализации товарной части урожая и т.п.).

(8.4) Создать единую специализированную агропромышленную отрасль, занимающуюся исключительно вопросами реализации сельскохозяйственной продукции (помощь хозяйствам в сборе урожая, первичная обработка, "челночная" доставка в торговую сеть, строительство и содержание хранилищ, закладка на длительное хранение, частичная переработка, в особенности на месте, и пр.).

Потери произведённой продукции происходят, главным образом, на стыке "выращенный (но ещё не убранный) урожай – прилавок (или предприятие пищевой, лёгкой промышленности)". Эту "дыру" нельзя далее пытаться залатать кустарными и случайными способами, здесь нужна организованная структура со своими кадрами и производственными мощностями.

9/ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ.

Деятельность подавляющего большинства нынешних кооперативов ничего, кроме вреда, массовому потребителю не приносит. Кооперативное движение должно быть решительно реорганизовано. Под вывеской кооперативов не должны процветать частнопредпринимательские лавочки с хищнической эксплуатацией наёмной рабочей силы.⁹

(9.1) Взять за правило, что при социалистической кооперации все члены кооператива, за самым крайним исключением, должны являться производительными работниками и все производительные работники – членами кооператива.

В отношении финансового, правового, технологического, санитарного и т.п. контроля кооперативные предприятия не должны пользоваться никакими послаблениями по сравнению с государственными. Не должны иметь места ситуации, когда за аналогичный труд работник кооператива получает непомерно более высокую плату, нежели работник на государственном предприятии.

(9.2) Сферу и характер деятельности вновь образуемых кооперативов определяет государство путём выдачи соответствующих лицензий. Государственные органы могут проводить нечто вроде аукциона лицензий на те виды работ и услуг, по которым признана целесообразной организация кооперативных предприятий.

Самостоятельные предложения граждан по созданию кооперативов должны проходить в государственных органах "защиту" с подробным экономическим обоснованием источников снабжения, возможностей сбыта, цен и нормы прибыли. Государство обязано в известных пределах контролировать цены на кооперативную продукцию, не допуская спекуляции, перекачки безналичных средств в наличные и извлечения неоправданно высоких прибылей.

Поощряются кооперативы, использующие труд инвалидов, пенсионеров и иных категорий граждан с ограниченной трудоспособностью.

(9.3) Поощряется и пользуется поддержкой государства индивидуальная (семейная) трудовая деятельность без применения наёмной рабочей силы, в особенности если такая деятельность направлена на "расшировку узких мест" потребительского рынка.

(9.4) Считать нежелательным и не отвечающим национальным интересам проникновение в советскую экономику иностранного капитала в сколь-либо значительных размерах.

Прекратить членство (или попытки приобретения членства) в таких организациях транснационального финансового капитала, как ЕБРР, Международный валютный фонд. Решительно отвергнуть любую зарубежную "помощь", связанную с предъявлением политических условий, а также с опасностью возникно-

⁹ См. об этом Е.Сорокин. Хозяева и батраки. "Правда" от 26 июля 1990г., стр. 3.

вения, в результате её принятия, экономического, научно-технического, экологического и иного ущемления интересов СССР.

В минимальный срок (на протяжении не более чем двух пятилеток) полностью покончить с зависимостью страны от технико-технологического импорта.

10/ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ ("двухмасштабная система цен") может нормально функционировать только в рамках всей народнохозяйственной целостности, единого народнохозяйственного комплекса. В этой экономической конструкции обобществление распространяется, по существу, не только на владение средствами производства, но и на процессы формирования и распределения чистого дохода. Чистый доход консолидируется только в ценах на общественно-конечный продукт (товары народного потребления) и почти "не возникает" в ценах общественно-промежуточного продукта (продукции производственно-технического назначения). Делить основной объём чистого дохода прежде, чем он окончательно сформируется на потребительском рынке, при социалистическом хозяйствовании нельзя.

Из сказанного вытекает характер участия в "дележе" общественного дохода трудящихся, а также государственных предприятий и организаций. Каждый трудящийся получает свою "долю" в виде регулярного снижения розничных цен и расширения общественных фондов потребления (т.е., предоставления всё большего количества неоплачиваемых благ и услуг). В форме заработной платы и разных "сопутствующих" выплат осуществляется лишь возмещение затрат рабочей силы, но не распределение "прибыли", чистого дохода.

То же относится и к трудовому коллективу предприятия как целому. Социалистический хозяйственный расчёт предприятия может заключаться только в возмещении предприятием своих текущих затрат. Финансирование крупных капитальных вложений должно производиться целевым назначением из бюджета.

Как показывает проделанный анализ, идеи "самофинансируемого" предприятия, предприятия – "самостоятельного товаропроизводителя", "самофинансируемого" региона и т.д. ничего общего с социализмом не имеют. Не является социалистическим и заманчивое на первый взгляд представление о "справедливом" участии работника в "прибылях" своего предприятия, – поскольку "прибылей" такого рода на социалистическом предприятии вообще и не должно образовываться. В условиях общественной собственности на средства производства всякая попытка образовать и разделить доход прежде, чем он естественно консолидируется на общесоюзном потребительском рынке, означает что-то наподобие сбора недозрелого урожая – т.е., подмену действительного, товарообеспеченного дохода всевозможными предварительными "бестоварными векселями" на него, манипулятивными денежными суммами.

Считаем поэтому совершенно правильным и поддерживаем подход, гласящий, что "в настоящих условиях трудящиеся могут работать на самих себя

лишь постольку, поскольку они работают ради удешевления предметов народного потребления, материальных благ и услуг" (С.С.Губанов).¹⁰

(10.1) Исходя из всего вышеизложенного, следует со всей решительностью указать на дезориентирующий и демагогический характер усиленно распространяемых в рабочей среде "теорий" относительно того, что наиболее адекватным способом присвоения рабочими средств производства является их коллективная (в том числе акционерная) собственность на данное предприятие.

Как мы уже говорили, при общественной собственности на средства производства всякие попытки "коллективного участия в прибылях" отдельно взятого предприятия, равно как и само формирование прибыли, в существенных размерах, в цене общественно-промежуточного продукта, т.е. непосредственно на предприятии, – всё это только разрушает, прерывает прежде времени экономический "маршрут", по которому общественный доход, постепенно "вызревая", следует к месту своей окончательной консолидации – к потребительскому рынку. Кстати, именно эта близорукая политика аккумуляирования прибыли непосредственно в хозяйственных ячейках, а не на рынке потребительских товаров, – т.е., в ценах на промежуточный, а не конечный общественный продукт, – именно эта политика, широко практикуемая с середины 60-х годов, и привела наше народное хозяйство в нынешнее катастрофическое состояние. Образно говоря, мы четверть века систематически трясли "дерево" нашей экономики, прежде чем плоды успевали созреть, и собирали "зелёные яблоки" вместо полноценного экономического "урожая". В конце концов добились того, что и сама "яблоня" перестала плодоносить.

Таким образом – продолжая ранее высказанную мысль, – если в условиях социализма формой работы трудящихся на самих себя является их работа на удешевление предметов народного потребления, то и формой получения трудящимися этого своего "дивиденда" выступает не делёж денежных сумм внутри предприятия, а **периодически проводимое государством снижение базовых розничных цен.**

В свою очередь, это означает, что снижение основных розничных цен, сопровождаемое увеличением количества поступающих на рынок благ и улучшением их качества, как раз и представляет собой объективно присущую социализму **форму распределения дохода по труду.**

Соответственно, гарантом того, что распределение будет осуществляться именно по труду, т.е. посредством снижения основных потребительских цен, со всей очевидностью оказывается для трудящегося не предприятие, а государство. Собственно, это одна из азбучных истин марксистской теории, – что своего высшего, наиболее действенного выражения и закрепления классовый интерес и классовая воля достигают в государственно-правовых структурах, а не в "трудовых коллективах". Постольку и главная задача, объективно стоящая

¹⁰ К политической и экономической власти трудящихся! Предложения к проекту Платформы КПСС, М., 1990, стр. 12.

нынче перед советским рабочим классом и его социальными союзниками,— это не предательское "разгосударствление", не "борьба" с государством, умело и злорадно разжигаемая пробуржуазными элементами, а борьба за социалистическое, рабоче-крестьянское государство, за очищение его от бюрократизма, от скользких щупалец тех самых "примазавшихся", которые и превратили наши государственные учреждения в бастионы чиновного чванства и пренебрежения нуждами рядовых трудящихся. И сегодня они же,— те же вчерашние прилипалы, которых от аппаратных кормушек было зубилом не отодрать,— поют отходную социалистической государственности, объявляют её первопричиной всех зол.

Между тем,— кто клюнул на удочку "разгосударствления", тому полезно было бы повнимательней присмотреться, с какой лихорадочной поспешностью вышедшая из подполья буржуазия стремится на развалинах нашего государства сколотить своё, "парламентское", открыто эксплуататорское, целиком поставленное на службу частному собственнику и его "праву" обогащаться через присвоение чужого труда. Вот уж здесь никаким "разгосударствлением" и не пахнет! Не нужно наивно представлять картину так, будто частный предприниматель орудует сам по себе, а буржуазное "правовое государство" сидит в сторонке, не вмешиваясь в его дела. Нет, оно составляет с "независимым" капиталовладельцем единое целое, спаянное узами, на свой лад не менее прочными, нежели прямая государственная собственность на средства производства при нашей системе. И нам незачем дожидаться, покуда этот двуединый спрут, на выращивание которого мы взираем с непростительным благодушием, окончательно заключит нас в свои "демократические" объятия. Никакие "акции" власти над социально-экономической действительностью не дадут, власть и доход в руках у того, кому служит, чьи интересы проводит в жизнь государство. Вот и надо не "бороться" с ним и тем паче не позволять заменять его совсем другим, причём классово чуждым и даже враждебным, а добиваться, чтобы оно не только по названию, но и по всей своей сути и характеру действий стало выразителем и проводником наших интересов, интересов людей труда.

(10.2) Мы говорили о "товаропроизводительской" самостоятельности предприятия (трудового коллектива) в рамках общественной собственности на средства производства и убедились, что это экономический абсурд, который в конечном счёте, притом очень быстро, оборачивается против насущных жизненных интересов самих же рабочих.

Но не лучше будет обстоять дело для трудящихся и в том случае, если вокруг предприятия, перешедшего (допустим) в их "коллективное" владение, забурлит стихия обычного частнокапиталистического предпринимательства. Вне зависимости от радужных намерений самих "вольных товаропроизводителей", такое предприятие в целом вынуждено будет выступать на экономической арене как "коллективный" капиталист. Экономической базой его существования станет прибыль на вложенный капитал, которая за снятием всех красивых словесных обёрток есть результат присвоения чужого неоплаченного труда.

Поэтому с принудительностью естественного закона природы в "коллективе" произойдёт, в той или иной форме, расслоение на фактических капитало-владельцев, которые, вот именно, присваивают чужой неоплаченный труд, – и обыкновеннейших наёмных работников, чей прибавочный труд присваивается. К тому же, при неразвитости рабочего движения и отсутствии у рабочих достаточных навыков классовой борьбы с частным капиталом и с настоящим, уже, как говорится, без шуточек капиталистическим государством, их положение окажется несравнимо хуже, чем у их собратьев из "процветающих" капиталистических стран.

11/–(11.1) В ЧИСЛЕ МЕР ПО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИИ государства и в целом всего управленческого процесса следует в первую очередь назвать меры экономические, базисные, а именно – неуклонное проведение политики снижения затрат и, соответственно, цен по всей общественно-технологической цепочке, удешевления конечного потребительского продукта.

К выводу о том, что в условиях отсутствия свободного перелива капиталовложений завышенные отпускные цены неизбежно послужат рассадником технического застоя в промышленности и бюрократизации хозяйственно-управленческого аппарата, партия пришла ещё в конце 20-х годов, на XV конференции ВКП(б) и на февральском (1927г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Наше хозяйственное и социальное развитие после реформы 1965г., окончательно заменившей политику снижения цен политикой их безосновательного вздувания, драматически подтвердило всю правоту этого давнего и дальновидного предостережения.

Если планомерное снижение потребительского ценового уровня является специфически социалистической формой распределения по труду, то, стало быть, государство как экономический центр и распорядитель обобществлённых средств производства распределяет по труду и выражает тем самым интересы трудящейся массы, именно когда оно в состоянии твёрдо выдерживать линию на планомерное снижение цен. Политика снижения цен – это не просто приём удовлетворения материальных потребностей народа, это своеобразный экономический критерий демократизма рабоче-крестьянского государства. Проведением такой политики государство как бы свидетельствует, что оно не изменило своего первоначального предназначения, ради которого создавалось, и не попало в плен к перерожденцам и бюрократам.

(11.2) Включить в типовой текст трудового договора и в трудовое законодательство положения, гарантирующие работнику возможность участия в управлении обобществлёнными средствами производства путём внесения деловых предложений, выступления с критикой и т.п. Полностью гарантировать гражданина от преследования за критику.

(11.3) Схему принятия каких бы то ни было коллегиальных решений сделать "трёхчленной", т.е. наряду с привычным "слушали – постановили" включать в текст решения мнение меньшинства (по его настоянию), вплоть до несогласного "одиночки", причём "одиночкой" может быть человек, которого решение непосредственно касается.

При категорическом несогласии с решением тех, кто остался в меньшинстве, оно считается не принятым и вопрос передаётся на рассмотрение в вышестоящую инстанцию.

(11.4) Сделать реальным, а не "бумажным", как сейчас, право гражданина на обжалование через суд любых, – затрагивающих его конституционные гарантии, – действий по отношению к нему должностных лиц и официальных организаций.

Полностью устранить дискриминационные ограничения на обращение в суд отдельных категорий работников в трудовом законодательстве.

(11.5) Издать новый избирательный закон, гарантирующий рабочим, трудовому крестьянству, трудовой интеллигенции, женщинам, молодёжи, ветеранам представительство в органах власти, соответствующее их численности и роли в обществе и в общественном производстве.

Распустить ныне действующие законодательные органы, как не отражающие социальный состав советского общества и коренные интересы подавляющего большинства советских людей; назначить новые выборы.

Решительно отклонить буржуазный парламентаризм, вернуться к советскому принципу государственно-правового строительства.

Упразднить пост президента СССР, не отвечающий природе социалистического государственного устройства, и аннулировать, как не имеющие правовой силы с момента их появления, все вышедшие за президентской подписью административно-распорядительные акты.

Москва, сентябрь 1990г.

Опубл.: "Единство" /г. Орёл/ №5, октябрь 1990г. (частично); "Интердвижение Литвы" /г. Вильнюс/ №2(11), октябрь 1990г.; "Единство" /г. Рига/ №38(63), 5 ноября – 11 ноября 1990г.; №39(64), 12 ноября – 18 ноября 1990г.; <http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobes/eko/net.htm>.

КОЛЬ СКОРО речь у нас зашла о "программе перехода к рыночной экономике", придётся ненадолго отвлечься от основного изложения.

Канд. филос. наук,
председатель Исполкома
Съезда граждан СССР
Т.ХАБАРОВА
Москва, 16 апреля 2015г.

Светоч большевизма, ты неугасим

**Материал для сайта cccp-kpss.narod.ru
к 145-й годовщине со дня рождения В.И.ЛЕНИНА
Фрагмент**

И ВОТ ТЕПЕРЬ будет кстати напомнить лишний раз (и этот раз и впрямь, уже бесщётный), откуда вообще взялся у нас в стране живописуемый тем же Фроловым "протоимпериализм"¹. Конечно, на более чем двадцатилетнем тете-ревином току, который устроен нашими "коммунистическими" идеологами вокруг проблемы "реставрации капитализма в России", ни о чём, кроме столь возжеленной для них "реставрации", слушать по-прежнему не захотят, но отсюда ведь не следует, что не надо снова и снова выводить на чистую воду заведомую, наглуемую, да ещё и наверняка хорошо проплаченную ложь. Ибо невозможно поверить, что это не сознательная ложь, а заблуждение или какая-то особая точка зрения.

Сошлёмся опять же на Ю.К.Ковальчука,— и пусть это не покажется надоедливым, поскольку неустанные усилия этого автора на нужном направлении вполне заслуживают большего внимания к ним, чем то, каким они реально пользуются.

"... сегодня население вдруг с изумлением из СМИ узнаёт, что неизвестно откуда свалился в Госдуму РФ федеральный закон по ликвидации РАН, что всполошило академиков и всю научную общественность. Хотя это можно было узнать ещё в 1990г., раскрыв с.172–173 американской программы. Но это не сделано и сегодня, является "Большим секретом" для академиков и всей научной общественности, которую ждёт огромная зачистка.

Академики торгуются, в упор не желая посмотреть американскую программу ликвидации РАН. Для чего АМР США, Агентство международного развития США, создаёт ФАНО, Федеральное агентство научных организаций в РФ, назначив руководителем ФАНО Михаила Котюкова – "белый лист" в колониальной администрации. На обещания Президента РФ В.В.Путина назначить руководителем ФАНО президента РАН Фортова АМР США, естественно, наплевали, ни в грош не ставят даже Президента РФ. АМР США торопятся. Они понимают, если им удастся по-быстрому разогнать остатки кандидатов и докторов-

¹ Предметом критики в материале служит статья А.Фролова "Протоимпериализм" ("Отечественные записки" №6(331), 26 марта 2015г.).

пенсионеров, то прежний научный потенциал невозможно будет восстановить и через 50 лет."²

Если бы у нас была хоть малая доля уверенности, что А.Фролов добросовестно заблуждается, а не целенаправленно лжёт, мы бы и ему порекомендовали последовать совету Ю.Ковальчука, и прежде чем сочинять свои "бонапартизмы" и "протоимпериализмы", заглянуть в упоминаемые Ковальчуком американские бумаги. Но,– увы,– такой уверенности ни грана нет.

Однако, о какой "американской программе" идёт разговор?

Это многократно освещавшиеся в патриотической (и не слишком патриотической) прессе, давно уже доступные для подробнейшего ознакомления:

1. Хьюстонский проект – так называемый Доклад Четырёх (МВФ, МБРР, ЕБРР, ОЭСР) "Экономика СССР. Выводы и рекомендации", утверждённый в июле 1990г. "семёркой" в качестве "Стратегии" США, ЕС как для руководителей "семёрки", так и для руководителей СССР по реформированию советской экономики (по её переводу на рыночные рельсы);

2. Гарвардский проект – принятая уже в августе 1990г. исполнительская программа Доклада Четырёх "Переход к рынку", внесённая Ельциным в Верховный Совет РСФСР и проголосованная 11 сентября(!) охламонами-"депутатами" (иначе тут не выразишься), "практически не рассматривая её и не анализируя".³

"Переход к рынку" известен также как программа Г.Явлинского "500 дней",– надо только иметь в виду, что это программа никакого не Явлинского, а МВФ, МБРР и прочих, т.е. штабных структур транснационального капитала.

Для реализации "Перехода к рынку" и в целом "Стратегии" США–ЕС по "разделке" фактически оккупированного (в 1991г.) СССР, главным образом России, создаётся "рабочий механизм": Международный валютный фонд заключает с правительством Ельцина–Гайдара в 1992г. соглашение ("Письмо о намерениях"), по которому изменники Родины обязуются принимать и внедрять в РФ только такие законодательные акты, вплоть до конституции(!), которые подготовлены экспертами МВФ.

С тех самых пор МВФ ежегодно контролирует результаты выполнения правительством РФ очередного этапа американской "Стратегии", доводит задания на предстоящий год, устанавливает основные параметры бюджета, процент инфляции, направление и предназначение денежных потоков – сколько и на какие цели правительство может израсходовать денежных средств.⁴

Итак, вот перед нами, во всей их красе, ПЕРВОИСТОЧНИК и функциональная, так сказать, схема "капиталистической реставрации" в России. И не надо пудрить гражданам мозги некстати цитируемыми выдержками из ленин-

² Ю.К.Ковальчук. "Яблоко", юбилей, 20 лет спустя, результаты и прогноз. Материал цитируется по компьютерной распечатке, предоставленной автором Исполкому СГ СССР в марте 2014г., стр. 14.

³ См. там же, стр. 4.

⁴ См. Ю.К.Ковальчук. Крестовый поход продолжается. "Советская Россия" от 24 января 2008г., "Отечественные записки" №148, стр. 10.

ских работ. В.И. Ленин исследовал процесс естественноисторически закономерного становления и развития капитализма на базе предшествующей феодально-крепостнической формации. А мы находимся на территории социалистического государства, потерпевшего поражение в войне и попавшего под оккупацию геополитическим противником, под его внешнее управление.

Хотя противник сам является государством империалистическим, он тут у нас никакого "капитализма" и тем паче "империализма" учреждать ни одной минуты не собирался и не собирается. Да и не смог бы, если бы даже и захотел, поскольку у Истории нет обратного хода. Временно возобладавший агрессор выстраивает на захваченной территории ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ, который по определению не имеет потенциала собственного развития, управляется извне и служит исключительно достижению тех целей, какие ставились агрессором при развязывании войны.

Цели же эти Соединёнными Штатами никогда особо и не скрывались: "в идеале" – подавление социализма как мощной противостоящей цивилизации, "стирание" с политической карты мира России в облике СССР, захват её необъятных природных ресурсов, уничтожение Советского народа, – о чём они через радио "Свобода" нагло разглагольствовали ещё в 1992 году.

Среди этих целей уж никак не значится выращивание из российских олигархов некоего конкурента своим, евроамериканским "акулам", да и условия для подобного поворота событий достаточно надёжно заблокированы. Российский олигархат в глазах "вашингтонского обкома" – это всего лишь "транзитные собственники", задача которых – постепенно обеспечить полный переход всех и всяких богатств России в руки транснациональных финансовых воротил.

"... Президент, Правительство, депутаты ФС РФ отлично знают, что исполняют программы «переходного периода» США, ЕС по «устранению» России, ликвидации её населения, являясь по сути колониальной администрацией. Но предпочитают об этом помалкивать."⁵

Вот и мы о том же. Уж если депутаты Госдумы (стало быть, и коммунисты!) всё отлично знают, то как же Фролову – члену редколлегии "Советской России" – не знать? И он знает; но тем, кто предпочитает помалкивать, нужны ещё и медийные пустобрёхи, которые бы это их помалкивание маскировали. И камуфляж по возможности желательно изготовлять из ленинских цитат, – коль скоро он предназначен для помалкивающих "коммунистов". Такова действительная генеалогия всех этих философских "открытий" – насчёт "протоимпериализма" и тому подобного.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ заметим, что в самой по себе идее "разгосударствления" экономики и социальной сферы (Гарвардский проект) ничего концептуально нового не содержится. Это давно практикуемая Международным валютным фондом "стабилизационная программа", по которой Фонд разорил не одну

⁵ Ю.К. Ковальчук. Обращение к гражданам России Цит. по компьютерной распечатке, поступившей в Исполком СГ СССР через Г.М. Соровец 30 января 2014г.

страну ещё до СССР. Разрушительные последствия реализации этой программы, на примере государств, угодивших в её силки, освещались в советской политической и научной литературе.

Уму непостижимо, как можно было вляпаться в это, извините, дерьмо на месте здравомыслящих людей в советском руководстве (которые ведь тоже там имелись, помимо вредителей и предателей).

Среди наших "левых" первым, – пожалуй, – обратил на это внимание авиаинженер из Тюмени А.А.Зверев, с конца 1980-х годов доказывавший, что у горбачёвской "перестройки", вопреки общераспространённому мнению, есть вполне чёткая концепция, и эта концепция называется – стабилизационная программа МВФ.

Но, – насколько помнится, – из левых организаций никто, кроме Московского "Единства", на вооружение эту мысль не взял. Из "Единства" она перешла к Большевистской платформе, а от неё – к Съезду граждан СССР. Во время президентской избирательной кампании 1996г. Исполком СГ СССР адресовал Г.А.Зюганову, как кандидату в президенты, ряд вопросов, и среди них такой:

"Согласны ли Вы, что первоочередным шагом к восстановлению независимости и территориальной целостности страны должен быть разрыв с Международным валютным фондом и безоговорочное прекращение выполнения российским правительством так называемой стабилизационной программы МВФ, по которой, собственно, и осуществляется весь нынешний развал? Будут ли такие шаги реально предприняты Вами в случае победы на президентских выборах?"⁶

Стоит ли уточнять, что вразумительного (да и вообще никакого) ответа мы до сего дня не услышали, – как и Зверев до нас, и Ковальчук много позже нас. Хотя проблема избавления от диктата глобалистского капитала (в лице МВФ) с тех пор стала в нашей работе одной из центральных и буквально непрерывно поднималась нами перед самыми разными адресатами, начиная с упорно "предпочитающего помалкивать" (уже 19 лет!) Г.А.Зюганова.

А ведь и грамотное марксистское решение проблемы сформулировано минимум те же 19 лет назад. Приведём его здесь, – дабы не возникло у читателя, упаси бог, ощущения некоей безысходности и бесперспективности:

"Капиталистический строй – это строй, который специфическими для него методами, но всё же способствует общему подъёму производительных сил, научно-техническому прогрессу и т.п. А на территории СССР уже почти десятилетие /Сказано в 1996г. – Ред./ действует особый аппарат по перемалыванию и уничтожению нашего производственного потенциала, утилизации его остатков, разграблению природных ресурсов, превращению недавнего высокоразвитого индустриально-аграрного государства в регион с типично колониальной, резервационной экономикой.

⁶ **"Нулевой цикл" требований к левому кандидату в президенты. Чего НЕ МОЖЕТ НЕ СДЕЛАТЬ будущий левый президент РФ?** Москва, 21 апреля 1996г. Информбюллетень Московского центра БП в КПСС "Светоч" №36, февраль–май 1996г., стр. 1. <http://www.cccp-kpss.narod.ru/arhiv/zagrazhd/NULCICL.HTM>.

При чём тут реставрация капитализма? Какие были БАЗИСНЫЕ причины к тому, чтобы на нашей территории заработал подобный аппарат? Базисных причин – т.е. связанных с динамикой производительных сил и производственных отношений – абсолютно никаких этому не было, это могло произойти как результат только одной вещи: поражения в войне. Как результат поражения в информационно-психологической войне, на территории СССР работает механизм по истреблению, перетиранию высокотехнологичной в целом советской экономики в экономику колониального типа. Вот об этом и надо говорить, а не о реставрации капитализма.

И буржуазии никакой здесь нет. Есть преступное сообщество внутри страны, которое обслуживает аппарат разрушения её экономической мощи в интересах геополитического противника. ... Вести анализ создавшегося положения в категориях "труд – капитал", "буржуазия – пролетариат", "революционная ситуация" и т.д., это значит или вообще не понимать, что творится, или, извините, сознательно препятствовать исходу из катастрофы. Исход же из катастрофы может быть только один: национально-освободительная война Советского народа. Война за освобождение территории СССР от фактической её оккупации геополитическим противником, т.е. транснациональным капиталом, при пособничестве внутренних коллаборационистских элементов. И за восстановление союзной социалистической государственности, в форме которой Советский народ только и может осуществить своё право на самоопределение, – ныне грубо поправное."⁷

Опубл.: "Ленинский путь" /СПб./ №4–6(21), 2015г.; <http://www.cccp-kpss.narod.ru/2015/145-let.htm>.

*Из документа **Скажем НЕТ рыночной авантюре!** явствует, что восстановить в СССР нормальную социалистическую экономику можно было, – и даже без особого надрыва, – ещё где-то в 1989г., до перестроечно-"реформаторского" погрома и фактической оккупации страны. Для этого требовались только политическая воля у достаточной части тогдашней советской "властной элиты" – и мощное коммунистическое движение, не замусоренное имитаторами до такой степени, как его "предусмотрительно" успели замусорить к исходу 80-х годов.*

⁷ Т.Хабарова. **Диалектика класса и народа, или возвращение вперёд.** Выступление на Международной конференции "Классовый подход в современном коммунистическом движении". Москва, 9 ноября 1996 г. "Светоч" №39, февраль 1997г. – май 1998г., стр. 9. <http://www.cccp-kpss.narod.ru/drugie/1996/dialekt.htm>.

Канд. филос. наук
Т. ХАБАРОВА
Москва, март 1991г.

Фрагмент

Большеви́стская платформа в КПСС

Документ был принят

на Всесоюзной конференции сторонников

Большеви́стской платформы в КПСС

(Минск, 13–14 июля 1991г.).

Об образовании Большеви́стской платформы

было сообщено в ЦК КПСС

избранным на конференции

председателем Оргкомитета Платформы Н.А.Андреевой.

ДВЕ ФАЗЫ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

И МЕСТО, КОТОРОЕ ЗАНИМАЕТ В НЕЙ СОЦИАЛИЗМ

Всякий класс в процессе завоевания им власти стремится сделать доминирующим в обществе своё классовообразующее (системообразующее) отношение. Понятно, например, что буржуазия стремится утвердить в качестве общественно-главенствующего отношения частнокапиталистическую собственность на средства производства. На этом она исторически как бы "успокаивается". Но с пролетариатом картина несколько иная.

В результате революции и социалистических преобразований пролетариат, действительно, добивается того, что право на труд становится общественно-главенствующим. Социализм гарантирует право на труд, но необходимо учитывать, что сам труд здесь фигурирует ещё в унаследованной от капиталистического общества форме "рабочей силы". Пролетарское государство берёт рабочую силу под всемерную охрану и защиту, но оно не в состоянии устранить тот факт, что рабочая сила (наёмный труд) – это в общем случае труд не по призванию, а под давлением внешней, материальной нужды, труд, который отнюдь ещё не рассматривается как благо сам по себе, как первая жизненная потребность, но совершается только в обмен на что-то другое, и это другое и может в конце концов показаться и оказаться "истинной" ценностью. И в роли такой "истинной" ценности может, к сожалению, предстать обыкновеннейший потребительский товар.

Так что в широком всемирноисторическом плане "труд – рабочая сила" есть отношение ущербное, и постольку стоящая перед пролетариатом стратегическая задача (миссия) обнаруживает характерную "двухступенчатость": вначале, безусловно, надо сделать рабочую силу "владыкой мира", но затем – избавиться от этого отношения, от труда по найму, заменить его несравнимо более совершенным отношением "труд–творчество", труд как реализация первой жизненной потребности человека.

"Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретённое ими положение в жизни, подчинить всё общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом."¹

В этом состоит теоретическая и практическая разгадка двухфазности коммунистической общественно-экономической формации. На первой фазе воцаряется в качестве господствующего отношение "труд – рабочая сила", или "формальное", "фабричное", как его характеризовал В.И.Ленин, равенство между людьми.² На второй фазе "формальное" равенство должно быть вытеснено равенством "фактическим", равенством людей как всесторонне развитых творческих личностей, распределение по труду должно уступить место распределению по разумным потребностям. Таковы логическая связь и различие между социализмом как первой фазой и собственно коммунизмом как второй фазой коммунистического общественного устройства.

Со временем у нас оказалось прочно забыто, что классики марксизма рисовали первую ступень коммунистического строя далеко не в розовых красках и настоятельнейшим образом предупреждали об опасности застревания на ней.

"Мы имеем здесь дело, – указывает Маркс в "Критике Готской программы", – не с таким коммунистическим обществом, которое **развилося** на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что **выходит** как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому **каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему** /курсив мой.– Т.Х./."

"То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, **господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров** /курсив мой.– Т.Х./ ..."

"... **господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами** /курсив мой.– Т.Х./: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 4, стр. 434.

² См. В.И.Ленин. ПСС, т. 33, стр. 99, 101.

Поэтому равное право здесь по принципу всё ещё является правом буржуазным ..."³

Стало быть, "научная разница между социализмом и коммунизмом ясна", – подхватывает мысль Маркса В.И. Ленин в "Государстве и революции".⁴

"... Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту "несправедливость", что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления "по работе" (а не по потребностям)."

"... один ещё переход средств производства в общую собственность всего общества ("социализм" в обычном словоупотреблении) не устраняет недостатков распределения и неравенства "буржуазного права", которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся "по работе"." "... остаётся в качестве регулятора ... распределения продуктов и распределения труда между членами общества /курсив мой.– Т.Х./."

"... постольку остается ещё необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта. ... остаётся охрана "буржуазного права", освящающего фактическое неравенство."

"Буржуазное право ... предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство ...

Выходит, что не только при коммунизме остаётся в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство – без буржуазии!"

"Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства ... Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"."

"Всё общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на всё общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперёд /курсив мой.– Т.Х./."

"И тотчас вслед за осуществлением ... равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.е. к осуществлению правила: "каждый по способностям, каждому по потребностям" /курсив мой.– Т.Х./."⁵

В вышеприведённых выдержках, по существу, всё сказано о нашем про-

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 18-19.

⁴ См. В.И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. 98.

⁵ В.И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. соотв. 93, 94, 95 /курсив мой.– Т.Х./, 98-99, 101-102, 99.

шлом, настоящем и о нашей будущей судьбе.

Застревание на фазе "фабричного равенства",— как нас и предупреждали,— чревато тем, во-первых, что нас обгонит капитализм. Ведь он тоже может в весьма широких пределах социально гарантировать рабочую силу, хотя бы ту, что проживает и трудится в основных капиталистических метрополиях. Радикальную чистку общества от наиболее бьющих в глаза "гнусностей и мерзостей эксплуатации" современный высокоразвитый капитализм во многом способен проделать сам. И это практически произошло, причём никак нельзя пожаловаться, что основоположники коммунистического учения были слепы к такой возможности и нас от неё не предостерегли.

Во-вторых, "буржуазное государство без буржуазии",— будучи предоставлено, как говорится, самому себе,— немедля окажется опаснейшей внутренней пружиной обратного обуржуазивания общества в целом: появятся рецидивы эксплуататорства, отчуждения работника от средств производства, нарастающего классового расслоения — и так вплоть до открытого буржуазно-контрреволюционного взрыва, который у нас тоже практически произошёл.⁶

Первая фаза **коммунистической формации** **в СССР.**

Марксистский анализ исторического пути, пройденного Советской страной за первые послеоктябрьские десятилетия, убедительно показывает, что если не идеализировать социализм, а видеть его со всей научной трезвостью, которая столь была присуща нашим классикам, то социалистическое общество как строй "фабричного равенства", как описанное В.И.Лениным "государство-синдикат" явственно сформировалось в Советском Союзе где-то к середине 50-х годов.

Страна за три довоенные пятилетки была полностью индустриализована, народное хозяйство СССР к концу 30-х годов функционировало на базе собственных, заново созданных технических возможностей и в принципе не зависело от технического импорта. Если в 1913г. удельный вес импортного промышленного оборудования составлял 63,8%, то уже за годы первой пятилетки (1928-1932) он сократился до 17,8%, а к исходу второй пятилетки, в 1937г., равнялся всего 0,9%, т.е. ввозились лишь отдельные образцы новейшей машиностроительной

Страна за три довоенные пятилетки была полностью индустриализована, народное хозяйство СССР к концу 30-х годов функционировало на базе собственных, заново созданных технических возможностей и в принципе не зависело от технического импорта. Если в 1913г. удельный вес импортного промышленного оборудования составлял 63,8%, то уже за годы первой пятилетки (1928-1932) он сократился до 17,8%, а к исходу второй пятилетки, в 1937г., равнялся всего 0,9%, т.е. ввозились лишь отдельные образцы новейшей машиностроительной

⁶ Через непродолжительное время (уже в 1992–93 годах) Большеви́стская платформа пришла к выводу, что буржуазно-контрреволюционный взрыв в социалистической стране "сам по себе", без весьма и весьма существенного "содействия" извне произойти не может. Но вот послужить плацдармом для внешнего вмешательства перерожденческие тенденции в социалистической политической надстройке могут вполне — и даже наверняка послужат.

Социализм подвержен, конечно, опасности в известных пределах "поползти вспять", но полное превращение в "нормальный" капитализм для него объективно-исторически заблокировано, и социалистическое государство в этой "рецессивной" ситуации (теперь уже можно сказать — бывшее) попросту попадёт в колониальную зависимость от геополитического противника,— усердно этому способствующего. Естественно, если своевременно не опомнится.
/Прим. ред./

продукции.

Детищем первых пятилеток является целый ряд промышленных гигантов, многие из которых ещё и поныне составляют костяк индустриальной мощи СССР. Это Уральский завод тяжёлого машиностроения "Уралмаш", Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторостроительные заводы, причём Сталинградский завод по объёму выпуска (150 тыс. тракторов в год) в то время не имел себе равных в мире. Это также крупнейший в мире по тем временам Ростовский завод сельскохозяйственных машин "Ростсельмаш", завод сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте "Ташсельмаш", автомобильные заводы в Горьком и Москве, Московский завод шарикоподшипников, "Калибр" в Москве – первый в СССР завод контрольно-измерительных приборов, Горловский машиностроительный завод, выпустивший в 1941г. первую серию угольных комбайнов, завод цельнокатаных труб для нефтяной промышленности в Мариуполе, с пуском которого страна избавилась от необходимости ввозить такие трубы из-за рубежа, Краматорский завод тяжёлого машиностроения, Харьковский турбинный и др.

К 1931г. был успешно выполнен план ГОЭЛРО. В октябре 1932г. состоялось торжественное открытие Днепрогэса, который послужил энергетической базой для возникновения мощнейшего Днепровского промышленного узла: заводов "Запорожсталь", ферросплавов, Днепропетровского алюминиевого комбината, электрометаллургического завода высокосортной стали "Днепроспецсталь". К концу второй пятилетки электрификация промышленности была в основном завершена.

С вводом в действие в 1932г. гигантских металлургических заводов в Магнитогорске и Кузнецке завершилось намеченное ещё В.И.Лениным создание Урало-Кузнецкого комбината – второй, восточной угольно-металлургической базы страны. Возникли новые центры нефте- и угледобычи: "Второе Баку" в Башкирии, Карагандинский, Черемховский (в Восточной Сибири), Печорский бассейны. Донецкий угольный и Криворожский железорудный бассейны подверглись коренной реконструкции.

На экономической карте СССР появились заводы "Азовсталь", "Амурсталь", Ново-Тагильский металлургический комбинат, Соликамский калийный, Березниковский азотно-туковый, Хибиногорский апатитовый комбинаты. Бурно развивалась промышленность бывших "национальных окраин": целое "созвездие" предприятий цветной металлургии в Казахстане, мощные гидроэлектростанции, ирригационные системы в республиках Закавказья и Средней Азии. Был проложен Большой Ферганский канал.

Важное народнохозяйственное значение имели ввод в эксплуатацию Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали, открытие судоходства по каналам Беломорско-Балтийскому и Москва – Волга.

В Москве построен великолепный метрополитен, ряд сооружений которого, помимо своего функционального назначения, представляют собой выдающийся памятник архитектуры, запечатлевший своеобразную романтику того героического времени.

Выйдя по общему объёму промышленного производства на первое место в Европе и второе в мире, достигнув полной технико-экономической независимости, Советский Союз в третьей предвоенной пятилетке вплотную придвинулся к осуществлению задачи – догнать и перегнать высокоразвитые капиталистические страны по выпуску промышленной продукции на душу населения. Разрыв быстро сокращался, среднегодовые темпы роста производительности труда за 1928-1940гг. составляли в промышленности почти 10%. Советская индустрия по многим позициям не уступала зарубежной в своей технической оснащённости. Чёрная металлургия в результате реконструктивных процессов второй пятилетки сравнялась по своей технической базе с наиболее передовой для того времени металлургической промышленностью США. К 1940г. была полностью механизирована нефтедобыча, угледобыча механизирована на 94,5%. Шахты оснастились первоклассными врубовыми и погрузочными машинами, электрическими отбойными молотками, электровозами и другой техникой, изготовлявшейся на отечественных заводах. По последнему слову техники оборудовались вновь вводимые в строй предприятия лёгкой и пищевой промышленности.

В аграрном секторе СССР, несмотря на достаточно известные издержки ускоренной коллективизации, была решена фундаментальная и исторически безотлагательная задача замены низкотоварного парцеллярного хозяйства современным крупным высокомеханизированным производством.

В стране были ликвидированы такие социальные язвы, как безработица и неграмотность, совершена культурная революция, в исторически кратчайшие сроки сформировался мощный корпус новой советской интеллигенции, которую на 80-90% составляли выходцы из трудовой, рабоче-крестьянской среды.

Достойное место в общей панораме мирового научно-технического прогресса заняла советская естествоиспытательская и инженерная мысль (разработка промышленного метода производства синтетического каучука, внедрение автоматической дуговой электросварки под флюсом, турбинное бурение нефтяных скважин, конструирование и эксплуатационное освоение угледобывающих и проходческих комбайнов и т.д.). Успехи отечественной авиационной промышленности позволили осуществить в 1937г. полёты через Северный полюс. Целая плеяда талантливейших конструкторов-оружейников и организаторов производства выковала победный "щит и меч" Родины во время Великой Отечественной войны, причём немало образцов наших вооружений остались по своему техническому совершенству недостижимыми ни для наших противников, ни для союзников. СССР первым вышел в космос, в 1954г. была введена в действие первая в мире атомная электростанция. Советскую науку представляли десятки всемирно известных имён, – такие, как И.П.Павлов, В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, И.В.Мичурин, С.А.Чаплыгин, математики А.Н.Крылов и Н.Н.Лузин, физики П.П.Лазарев, П.Л.Капица, Л.И.Мандельштам, химики Н.С.Курнаков, С.В.Лебедев, Н.Д.Зелинский, А.Е.Фаворский, биологи А.Н.Северцов, В.Л.Комаров, физиологи А.А.Ухтомский и Л.А.Орбели, биохимики А.Н.Бах, А.И.Опарин, географы В.А.Обручев и П.К.Козлов, геологи А.П.Карпинский и И.М.Губкин, почвовед В.Р.Вильямс и агрохимик Д.Н. Пря-

нишников, минералог А.Е.Ферсман, микробиолог Н.Ф.Гамалея, офтальмолог В.П.Филатов, металлурги И.П.Бардин и А.А.Байков, историки Е.В.Тарле, Б.Д.Греков, В.П.Волгин, экономист С.Г.Струмилин и др.

Во взаимоотношениях между населяющими Советский Союз народами всецело оправдала себя установка на пролетарский социалистический интернационализм, на устранение в первую очередь глубинных общественно-экономических корней возможных межнациональных трений и разногласий, на подъём и сближение уровней экономического, государственно-правового, общекультурного развития республик.

Выработка и последовательное проведение в жизнь принципа социалистического реализма в литературе и искусстве обеспечили уверенный их расцвет. Подлинного взлёта достигло музыкальное искусство – опера, инструментальное исполнительство, массовая песня; яркими актёрскими и режиссёрскими дарованиями блистали драматический театр и кинематограф. Возник характерный, чётко отличимый стиль в архитектуре и ваянии, сочетающий монументальность, приподнятость и подчёркнутую жизнеутверждающую декоративность. Вопреки нынешним измышлениям о якобы нивелирующем влиянии реалистического метода, в литературе, поэзии, драматургии, живописи, в других областях наблюдалось поистине редкостное разнообразие творческих индивидуальностей, самых несхожих по своим художественным приёмам.

Опубл.: "Единство" /г. Орёл/ №18, май 1991г.; Большеви́стская платформа в КПСС. Проект. Всесоюзное общество "ЕДИНСТВО – за ленинизм и коммунистические идеалы" /брошюра; иных выходных данных нет/; <http://www.cccp-kpss.narod.ru/bpk/konf/konf1/VP1.htm>.

Кандидат
философских наук
Т.ХАБАРОВА

СНАЧАЛА РАЗОБРАТЬСЯ С МОДИФИКАЦИЕЙ СТОИМОСТИ, А ЗАТЕМ ПРЕДЛАГАТЬ КОНКРЕТНЫЕ СХЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО (ХОЗЯЙСТВЕННОГО)

РАСЧЁТА

Москва, март 1987г.

(В связи со статьёй Л.Абалкина
"Полный хозяйственный расчёт" –
– "Правда" от 12 декабря 1986г.,
стр.2–3.)

Совсем недавно Л.Абалкин со страниц "Коммуниста" требовал от нас, чтобы мы "незамедлительно" и "не откладывая в долгий ящик" произвели "перориентацию сознания" в духе фактического отказа от коммунистической перспективы, отнесения её на неопределённо далёкое грядущее.¹ Из всего воследовавшего нетрудно усмотреть, что те, кто послушались тогда Л.Абалкина (буде таковые нашлись, в чём, к счастью, можно усомниться), спустя небольшое время обнаружили себя оказавшимися, говоря напрямую, в дураках. Ибо вскорости "Коммунист" подтвердил то, что все мы прекрасно знали до вышеупомянутого выступления Л.Абалкина и после него, а также совершенно от него независимо, – а именно, что потерять из виду, хотя бы ненадолго, коммунистическую нацеленность всего нашего общественного прогрессирования, значит и в вопросах текущего социалистического строительства безнадежно, непролазно запутаться.²

¹ "Социалистическое общество, даже вступив в этап зрелого социализма, продолжает в течение долгого времени функционировать и развиваться в рамках первой фазы коммунистической формации. Лишь после решения всего комплекса задач, относящихся по своему происхождению и характеру к этой фазе, и накопления необходимых предпосылок может начаться непосредственное строительство коммунизма. Всё это должно быть чётко усвоено общественным сознанием промедление здесь ничем не может быть оправдано." (Л.Абалкин. Развитой социализм и формирование современного экономического мышления. "Коммунист", 1984, №18, стр.63.)

² Ср., к примеру, В.Черковец. Производительные силы, производственные отношения, хозяйственный механизм. "Коммунист", 1986, №16, стр.56:

Со стороны Л.Абалкина как теоретика-политэкономиста,— таким образом,— поступила прошлый раз, и он сам должен с этим согласиться, не научно взвешенная идеолого-политическая и экономико-политическая рекомендация, но обыкновеннейшая конъюнктурная однодневка, довериться которой означало поставить себя в глупое положение. А потому налицо все основания и сегодня задаться вопросом: не попадём ли мы опять впросак, поверив на слово очередным красноречивым рекомендациям из тех же источников, теперь уже касательно "полного хозяйственного расчёта"?

* * *

Спора нет,— прибыли, затраты, убытки надо уметь считать, и считать хорошо, это так же верно для социалистического хозяйствования, как для любого другого. Справедлива,— в общих чертах,— также и акцентируемая Л.Абалкиным мысль, что тип собственности на средства производства находит окончательное своё выражение и завершение лишь в сфере экономического расчёта, в сфере количественно измеримых экономических величин, и если отношения собственности недостаточно прояснённо, а то и превратно "прочитываются" на стоимостном, товарно-денежном языке, на уровне хозяйственного механизма, это может служить свидетельством известной их незрелости или каких-то отклонений, нарушений в их развитии.

Выдвинутая постановка проблемы "в первом приближении" правильна, но не принят во внимание один наиважнейший момент: конкретно-историческая изменчивость самих стоимостных, товарно-денежных взаимозависимостей и то, что в разных общественных укладах стоимость существует и проявляется в разных модификациях.

Вопрос о социалистической модификации стоимости поднимался у нас в связи с "хозяйственной реформой" 1965г., но обсуждение его мало-помалу зашло в тупик и было отложено, по всей видимости, до лучших времён. Между тем, без решения указанной кардинальнейшей проблемы невозможно построение никакого сколько-нибудь разумного механизма хозяйствования, ибо этот последний как раз и является окончательно "завязывающим", "закругляющим" экономику структурным узлом, где должны органично "замкнуться" друг на друга форма собственности и объективно присущая данному укладу моди-

"... нельзя признать состоятельными распространявшиеся ещё недавно представления, будто суть нового типа мышления заключается в том, чтобы задачу коммунистической перспективы понимать не как дело настоящего, а только как дело будущего, что решать её общество будет лишь после того, как всесторонне разовьёт социализм. Некоторые же авторы, прикрываясь громко рекламными призывами к "реализму и трезвости", пропагандировали даже идею неопределённо длительной остановки на "станции" социализм, фактически реанимируя тем самым концепцию социализма как особого, отличного от коммунизма способа производства."

фикация стоимости. Если хозяйственный механизм не отражает, не передаёт объективной конкретно-исторической специфики того или другого, он неработоспособен, – со всеми вытекающими отсюда для общества последствиями.

Со всей очевидностью, – однако, – удовлетворительное решение вопроса на сей день отсутствует. Поэтому, – как мы твёрдо убеждены, – необходимо возобновить прерванную дискуссию, предоставив, наконец, возможность свободно изложить свою точку зрения **всем, имеющим что сказать по проблеме**, – а не одним лишь присяжным "диспутантам", для которых участие в такого рода дискуссиях давно уже превратилось в некую внутренне бессодержательную "сюжетно-ролевою игру", и добиться получения выводов, не дающих столь обильной почвы – как полученные до сих пор – для сомнений в их соответствии равно и марксистско-ленинской теории, и урокам исторического опыта, и нашим ожиданиям на будущее.

Итак, социалистическая модификация стоимости: каков её отличительный признак и надлежит ли говорить о ней как о вообще ещё не найденной, не открытой до нынешнего дня, – или же она была в определённый период найдена и затем в силу неких обстоятельств утрачена?

Сегодняшний ответ ряда наших авторов, в том числе и Л.Абалкина, на поставленный вопрос гласит, – легко видеть, – что прообразом, "моделью" организации стоимостных отношений в условиях социалистической собственности на средства производства являлся нэп. Между тем, не составляет больших затруднений удостовериться, что подобное странное толкование едва ли выдерживает даже самую снисходительную критику.

Прекрасно известно, – прежде всего, – что деятельность производственных единиц нэповского образца (трестов), функционировавших по принципу извлечения максимальной прибыли и пользовавшихся весьма обширной экономической независимостью, вплоть до права самостоятельного назначения цены на часть продукции, – деятельность трестов завершилась, в конце концов, грандиозным народнохозяйственным фиаско: переклестнувшим всякие рамки вздуванием цен на промышленные товары и возникновением пресловутых ценовых "ножниц", что вызвало резкое недовольство трудящихся города и деревни, общее застопоривание хода дел в хозяйственном строительстве. При ликвидации указанных перекосов постепенно откristаллизовались и были прочно взяты партией "на вооружение" такие фундаментальнейшие идеи, как стабильность и твёрдая государственно-централизованная контролируемость общего ценового уровня в стране, недопустимость обогащения промышленных предприятий за счёт взвинчивания цен на свою продукцию, безусловная предпочтительность улучшения благосостояния масс не путём дележа манипулятивно извлекаемых прибылей, но главным образом через снижение уровня розничных цен, насыщение рынка добротными и в то же время дешёвыми товарами народного потребления.

Принципы эти – ориентация на низкие и постоянно снижающиеся оптовые и розничные цены, признание **внутрихозяйственных накоплений** единственно правомерным источником прибыли при социализме, жёсткая структурная и ко-

личественная "привязка" динамики прибыли к динамике снижения себестоимости продукции и др.— и легли в основу той хозяйственной системы, которая пришла на смену системе трестов, "синдикатскому хозрасчёту".³ Выполнив свою весьма скоротечную конкретно-историческую роль оживления торговли, товарообмена в государстве, экономического поддержания смычки между пролетариатом и неколлективизированным крестьянством, нэп — как и ранняя, первоначальная экономическая "ипостась" переходного периода, военный коммунизм — должен был покинуть сцену истории. "Синдикатский хозрасчёт" продемонстрировал всю свою неадекватность вставшим в повестку дня более крупным, стратегическим целям и планам Советской власти: задачам индустриализации страны, построения социализма как такового, в решающих его экономико-политических очертаниях, достижения полной экономической автономии Советского государства по отношению к внешнему капиталистическому окружению. Неадекватен оказался нэп и задаче подготовки к отражению практически неизбежной (как тогда все уже ясно видели) империалистической агрессии.

Таким образом, военный коммунизм и нэп — это специфически-экономический облик переходного периода; но следующий этап,— в пределах которого и было, собственно, построено в нашей стране социалистическое общество, а затем одержана победа в Великой Отечественной войне и произведено успешное залечивание причинённых войной тяжелейших разрушений,— этот этап обслуживался **существенно, качественно иной** по сравнению с нэпом хозяйственной конструкцией. Она приобрела развёрнутый, относительно законченный вид в ходе реформы оптовых цен 1936-1940гг., обеспечила нам **экономическую** победу над гитлеризмом в военном противоборстве и праздновала свой "звёздный час" на отрезке 1947-1954гг., когда политика низких цен на средства производства принесла и свои "мирные" плоды, создав возможность ежегодного массового снижения цен на основные потребительские товары, когда **одно-временно** богатели и государство, и народ: иначе говоря, было фактически, без громких фраз достигнуто то самое **совпадение экономических интересов государства и каждого труженика в нём**, которое мы впоследствии столь прожектёрски разболтали, а теперь почти уже тридцать лет не можем никак восстановить.

* * *

Стало быть, защищаемая нами трактовка социалистической модификации стоимости — это что искомой модификацией выступала, в общем и целом, так называемая "двухмасштабная система цен", сложившаяся и действовавшая в

³ См. О.Лацис. Как играть оркестру? Об опыте социалистических производственных объединений. "Известия" от 19 апреля 1985г., стр.2.

нашем народном хозяйстве в основном со второй половины 30-х до второй половины 50-х годов. Полагаем,— по здравом размышлении всякий, кто не намеревается, как говорится, морочить голову другим и самому себе, должен признать, что ни к какому иному выводу по данному вопросу вообще и нельзя прийти. Утверждать, будто экономическое развитие нашего государства застряло где-то на "идее продналога" и ничего более обстоятельного с тех пор не породило,— это, в сущности, всё равно что отвергнуть самый факт построения социализма в СССР. Ибо,— действительно,— если социалистическое общество не смогло реализовать характерный для него тип соединения работника со средствами производства в плоскости "расчётной", товарно-денежной конкретики, значит, оно не имеет пока надлежащего, вполне соответствующего его природе экономического фундамента, т.е. попросту ещё и не возникло. Но со столь далеко идущей ревизией истории нового строя у нас в стране невозможно согласиться. Невозможно также и усмотреть ничего "революционного" в призывах окончательно демонтировать собственно социалистические производственно-отношенческие структуры, заменив их структурами, свойственными... переходной от капитализма к социализму эпохе. Тут вместо "революции" какой-то явно противоположный термин должен быть употреблён.

А если социализм у нас всё-таки возник, и в те сроки, как это всегда и было принято определять,— значит, в те же сроки прорисовалась, вызрела в главных своих пропорциях и отвечающая ему базисная, производственно-отношенческая структурность, естественно включившая в себя новое, исторически наиболее высокоразвитое видоизменение стоимости.

Скажем теперь вот о чём.

Создалась,— как кажется,— явственная необходимость (проступающая всё ясней буквально с каждым днём) выделить и зафиксировать в качестве самостоятельного политэкономического закона то важнейшее сочленение, что **производственный фактор, с которым связано (или через который осуществляется) классовое господство на уровне отношений собственности,— он же должен служить фактором — аккумулятором вновь прибывающей стоимости на уровне стоимостных отношений.**

Так, если при капиталистическом устройстве классовое господство, гегемония буржуазии связана с партикулярным присвоением **"сгустков" материализованного, прошлого труда — вещественных средств производства**, то там и в сфере товарно-денежных зависимостей царит такая их модификация, при которой прибавочная стоимость (прибыль, доход) словно бы "налипает", в экономическом процессе, на **овеществлённый труд** (на "вложенный капитал"). Хотя,— конечно же,— и при капитализме прибавочная стоимость **н а р а б а т ы в а е т с я** отнюдь не средствами производства как таковыми, а исключительно лишь живым трудом.

Для членов социалистического общества доминирующий фактор их классовой гегемонии — уже не самоцельно взятые средства производства, но именно их **живой труд**, их созидательная потенция, исторически раскрепощённая благодаря пролетарскому огосударствлению материально-технических предпосы-

лок. Поэтому в социалистическом государстве и модификация стоимости должна быть такая, чтобы в ней **по преимуществу живой труд** обладал характерной способностью "налеплять" на себя, "выуживать" из экономического процесса образующийся здесь общественный доход.

Но этому условию как раз и удовлетворяла, практически в исчерпывающей мере, "двухмасштабная система цен". Основная часть общественного дохода в ней, в форме налога с оборота, "липла" на стоимость товаров народного потребления. Однако, товары народного потребления, – или средства воспроизводства рабочей силы, – это и есть, в конечном итоге, всеобъемлющий и повластный материальный "представитель" живого труда в области "расчётно"-стоимостных закономерностей. Ведь труд сам по себе стоимости иметь не может; только **средства воспроизводства рабочей силы** являются той его гранью, которой он погружен в мир товарных, рыночных отношений.

В контексте правильно построенной социалистической модификации стоимости налог с оборота является, – таким образом, – никаким не "налогом" (о чём множество раз в нашей литературе говорилось), но он есть не что иное, как **"трудова я" прибыль**: прибыль, формируемая пропорционально живому труду. Соответственно, – прибыль, формируемую пропорционально труду овеществлённому, будем далее называть "фондовой" прибылью.

С перемещением решающей части общественного дохода в цены на потребительские товары (т.е., с принятием этой частью дохода формы "трудо вой прибыли") цены на средства производства оказались в огромной степени освобождены, "разгружены" от доходобразующей составляющей, от стоимости прибавочного продукта. Следствием этого явилось возникновение и утверждение совершенно нового в истории мирового хозяйства, причём мощнейшего экономического механизма **низких и постоянно снижающихся цен на все без исключения материально-технические компоненты производственного процесса**, – что означало, в свою очередь, непрерывное снижение себестоимости всей вырабатываемой в стране продукции. "Цепная реакция" снижения себестоимости (естественно, и соответствующей цены) замыкалась на товарах массового потребления, позволяя ежегодно и при этом в весьма ошутимом диапазоне их удешевлять; и именно удешевлять основные, базовые их категории и группы, а не просто уценять залежалые и неходовые изделия, – что порой нам и преподносят широковещательно как "снижение цен".

Социальным "конечным результатом" функционирования объективно-специфичной для нашего строя "трудо вой" модификации стоимости (когда она функционир у е т , понятно, а не разгромлена и дезорганизована!) служит, – следовательно, – то, что от года к году на каждый находящийся на руках у трудящегося рубль меновой стоимости "липнет" всё большее количество и всё более качественных ре а л ь н ы х потребительных стоимостей. При такой системе обеспечения народного благосостояния в принципе исключена, по существу, сколько-нибудь значительная несбалансированность денежных масс с товарно-материальным покрытием, отпадает почва для разрастания в обществе ущербных и экономически дестабилизирующих форм "престижного", расточи-

тельного потребления с его вечным спутником – "дефицитом", нагнетаемым сплошь и рядом искусственно. Создаются условия для воспитания разумного, культурно-умеренного отношения к потребительским благам: так, где-то в начале 50-х годов никто не расхватывал колбасу в магазинах "палками", не тащили ящиками мандарины или апельсины, не обвешивались гирляндами сосисок и сарделек, супердефицитные ныне крабовые консервы спокойно брали, без всякой толчеи, по одной банке, – и не столько потому, что мы были тогда "беднее", а просто потому, что не было в том нужды, что все эти вещи привычно, неизменно, каждодневно фигурировали на прилавке на отведённых им местах.

В собственно-производственной сфере установка на постепенно, но неуклонно понижающиеся оптовые цены выступала эффективнейшим рычагом справедливого, обоснованного и необходимого экономического давления на производителя продукции, естественно понуждая его искать способы снизить себестоимость, – а значит, повернуться лицом к научно-техническому прогрессу. "Дореформенная" наша экономика (имея в виду "хозяйственную реформу" 1965-1967гг. с её непосредственным структурным "предшественником" – совнархозовщиной) практически не знала проблемы разнорентабельности изделий по затраченному на них объёму материальных ресурсов, равно как не знала она в подобных масштабах и ставшего, к сожалению, глубоко "типичным" после 1967г., архинелепого положения, когда громоздкие и материалоемкие, технически заведомо нерациональные варианты неукоснительно оказываются ~~не~~ ~~с~~ ~~р~~ ~~а~~ ~~в~~ ~~н~~ ~~и~~ ~~м~~ ~~о~~ более "выгодными" для изготовителя, нежели инженерно прогрессивная продукция, желательная с точки зрения народнохозяйственных интересов.

* * *

Следует здесь обратить внимание ещё и на такое – в высшей степени примечательное – обстоятельство. У нас сейчас много говорится и пишется об огромной направляющей роли плановых нормативов в социалистическом хозяйствовании; правильно, – в общем и целом, – подчёркивается, что устанавливаемые планирующими органами нормативы должны отражать собою реально существующие экономические нормы (как пример и аналогия приводятся норма прибыли, норма ссудного процента и т.п. при капитализме).⁴ Всё это на некоем приблизительном уровне верно, но тут ещё непочатый край работы в том смысле, что надо отчетливейшим образом различать между такими "экономическими нормами", которые доподлинно существуют в объективной экономической действительности (как та же средняя норма прибыли на капитал в частнособственническом общественном устройстве), – и, с другой стороны,

⁴ См., хотя бы, Н.Шехет. Противоречия планомерности и пути их разрешения. "Вопросы экономики", 1986, №6, стр.70-71.

такими, которые представляют собой лишь расчётные величины, допускающие весьма свободные произвольные изменения, причём не столь они нам "задаются" объективной реальностью экономики, сколько мы их ей "задаём", и не всегда точно и успешно. Не совсем корректно, – поэтому, – сопоставлять, к примеру, наши государственные стандарты, или нормы удельных расходов сырья, или коэффициенты эффективности капиталовложений с нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли в буржуазном хозяйстве: норматив эффективности можно изменить, грубо говоря, в госплановском кабинете; норму прибыли в рыночной экономике так легко не изменишь, это **объективная данность** общественно-производственного процесса, а не плод кабинетных вычислений.

Излишне повторять, однако, что дееспособный планово-хозяйственный механизм может базироваться только на таких нормирующих показателях, которые имеют прочные корни в практическом экономическом бытии, – т.е., за которыми стоят вот те самые **объективные данности** реальной экономической жизни, не менее непреложные для наших условий хозяйствования, чем норма прибыли на капитал – для хозяйствования в условиях частной собственности на средства производства. Совершенно недостаточно осознаётся, – в этой связи, – что наипервейшей экономической "данностью" вышеочерченного рода является для нас **уровень розничных цен на основные товары, относящиеся к воспроизводству рабочей силы**: он при нашем укладе такой же интегральный, всеохватывающий экономический ориентир, как норма "фондовой" прибыли для капиталиста. Степень же достигаемого за определенный плановый период **снижения** основных розничных цен, – соответственно, – выступает естественным **критерием эффективности** функционирования социалистической экономики как целого.

Следующий пункт тоже принадлежит, так сказать, к "контрольным" – таким, которые в любом рассуждении на затронутую тему не могут быть обойдены.

Столетиями прибыль, прибавочная стоимость откристаллизовывалась, по видимости, как будто бы в самом инвестиционном процессе (в рамках отдельных производственных ячеек), где воспроизводится, в общем случае, **овеществлённый труд** – рождаются на свет новые и новые материально-технические средства; и это было исторически логично, поскольку гегемония класса капиталистов зиждется именно и прежде всего на обладании средствами производства, "сгустками" овеществлённого труда. Между тем, общественное сознание до такой степени "привыкло" к подобному положению вещей, что даже и наши экономисты психологически никак не освоятся с простой мыслью: оно, положение это, не вечно, и в социалистическом обществе, где не накопленный, прошлый труд господствует над живым, а наоборот, все прошлые "накопления" материально-технической культуры поставлены на службу трудящемуся человеку, – здесь и формирование стоимости прибавочного продукта должно переместиться, как выше было уже разобрано, в **сферу воспроизводства живого труда** (или в сферу народного потребления).

Само собой разумеется,— прибавочный продукт создаётся только по месту затраты рабочей силы, а не в сфере потребления как таковой; однако, окончательно выявиться, общественно "суммироваться" при социализме он может лишь на "рынке" воспроизводства живого труда, а не на рынке капиталовложений: это объективно предобусловлено законами классового господства, тем, какой класс "заведует", по определению В.И.Ленина, историческим порядком данной общественной формации. Далее; связующим звеном, которое единственно лишь и способно осуществить незримую структурную "транспортировку" стоимости прибавочного продукта от места затраты живого труда к месту его самовоспроизводства, является социалистическое государство.

Стало быть,— государство (во всеоружии свойственных ему инструментов управления) есть **полномочный, объективно-необходимый и сущностно значимый "участник" или "член" социалистической модификации стоимости**. Под этим углом зрения,— по нашему твёрдому убеждению,— должны бы быть основательно скорректированы приобретшие прочность застарелого предрассудка, во многом демагогичные нынешние понятия касательно "экономических" и "административных" методов руководства народным хозяйством. Считается, где "меньше государства", там "больше" чего-то "экономического"; но на самом деле это вреднейшая путаница, продолжающееся "культивирование" которой наносит непростительный, ничем не оправдываемый урон нормальному развитию социалистического народнохозяйственного организма. Многообразие, "всепроникаемость" и мощь именно экономических функций Советской государственности — это не "порок" нашей хозяйственной системы, а её **новое историческое качество**, притом поистине решающее в плане достижения полной общественно-производственной победы над современным высокоразвитым капитализмом.

Бесспорно, в сегодняшнем своём виде государство у нас далеко ещё не свободно от бюрократизма и т.п. конкретно-исторических недостатков; но попытки сдвинуть центр тяжести "экономического авторитета" в обществе от государственных органов к отдельным предприятиям,— под флагом ли "борьбы с бюрократизмом" или под иными лозунгами,— исходят всё же из непонимания природы наиболее глубоко залегающих, "несущих" структур нашего строя, и результаты их могут быть (как и до сих пор неизменно бывали) лишь обратные ожидаемым.

Сколь-либо грамотно истолкованные экономические методы — это исключительно (и исчерпывающе) те, которые отвечают **объективным экономическим законам** наличествующего способа производства. Если в **модификацию стоимости** данного уклада государство объективно "вклинилось" неустранимым и могущественным агентом,— то, конечно, ему (государству) и в разрезе конкретно-хозяйственной методологии должна принадлежать самая весомая роль, и это будет никакое не "администрирование", но вот именно "экономика", "экономическое управление" чистейшей, что называется, воды. И напротив того: если государство уже выступает структурным элементом модификации стоимости, а от него упрямо стараются "избавиться", всячески ограничить его "вмешательств-

во" в хозяйственную повседневность, – получится никакая не "борьба с административным произволом", но как раз скатывание к антиэкономическому манипуляторству и произволу от подлинно-экономического подхода, базирующегося на возможно точном следовании реальным, исторически вызревшим и настоятельно требующим своего воплощения закономерностям хозяйственной жизнедеятельности.

Следует осознать, наконец, – у нас, в нашем обществе, такой конкретно-исторический облик, такая конкретно-историческая "формула" закона стоимости, что закон этот уже попросту не может действовать без активнейшего, неотрывного и всестороннего государственно-централизованного "опосредования". Нужно не уподобляться нашим критикам и "доброжелателям" на Западе, не высматривать в исторически, формационно новой ситуации жупел "командной экономики", но наоборот – развивать и укреплять ценнейшую эту новизну, ибо без опоры на неё мы не сможем выиграть экономическое соревнование с миром капитала. Равным образом, незаслуженно и бесцеремонно в своё время ошельмованные – другого слова тут не подберёшь – "двухмасштабные" цены вовсе не являлись каким-то "нарушением" закона стоимости в его социалистической модификации, "отступлением" от него. Цена на средство производства с минимальной доходобразующей компонентой плюс прямо вытекающая отсюда цена на предмет массового потребления с энергично снижающейся себестоимостью и менее круто понижающимся "верхним пределом" конкретно-исторически устоявшегося ценового уровня – это не "нарушение" стоимостных закономерностей при социализме, но их единственно адекватный вид, это такая же модификация стоимости для социалистических условий, каковую обнаруживает себя "цена производства" в системе капиталистических базисных отношений. Никто почему-то не удивляется, что прибавочная стоимость, создаваемая всецело и исключительно живым трудом, окончательно "подытоживается" в рыночно-конкурентной экономике, – однако, – по формуле "равная прибыль на равные капиталы". Думается, ещё гораздо меньше оснований удивляться тому, что в исторически вышестоящей и совершеннейшей хозяйственной организации создаваемая живым трудом стоимость прибавочного продукта столь же суверенно и полномочно "отцеживается" из экономического процесса одними лишь средствами воспроизводства рабочей силы – законным стоимостным эквивалентом вот этого самого живого труда.

* * *

Не возьмёмся утверждать, что вышеобрисованная экономическая "схематика", – в совокупности своей составляющая, повторим ещё раз, наиболее достоверное за всю нашу историю воспроизведение объективно присущей социализму трансформации отношения стоимости, – не возьмёмся утверждать, что весь этот базисный комплекс не нуждался в улучшениях, в дальнейшей тща-

тельной работе над ним: необходимость такой разработки, шлифовки, совершенствования очевидна.

Однако, то, что воспоследовало во второй половине 50-х – начале 60-х годов и вылилось, в конце концов, в "реформу" 1965г. (закономерно увенчавшуюся почти двадцатилетней полосой застоя и неразберихи в экономике), никоим образом не может квалифицироваться как добросовестное и вдумчивое обогащение, наращивание фундаментальных, безусловно доказавших на практике свою дееспособность структурных обретений социалистического развития.

В результате "реформы" оптовых цен 1967г. фактически оказалась совершенна **подмена характерно-социалистического, марксистского "в чистом виде" принципа аккумуляции дохода живым трудом (средствами воспроизводства рабочей силы)**: его подменил принцип **аккумуляции дохода вещными, материально-техническими элементами хозяйственного процесса (фондами)**. Иначе говоря, социалистическую модификацию стоимости "заместили" неким уродливым гибридом типично-буржуазного стоимостного отношения ("прибыли к фондам") с обескровленными, разрозненными, лишившимися своего внутреннего единства и динамизма остатками, да будет позволено так выразиться, социалистического базиса.

Сегодня у нас явно и по-своему "несправедливо" преуменьшается, замалчивается разрушительное (если не катастрофическое) воздействие указанного "реформаторства" на весь ход нашей хозяйственной эволюции за последние тридцать лет. (К "реформе" 1965-1967гг. обязательно следует присовокуплять и затею с совнархозами, – ибо там, хотя и без коренной дезорганизации принципа ценообразования, но уже был нанесён бессмысленный и тяжелейший удар по нормальной для нашего общественно-экономического устройства отраслевой системе управления.) "Не будем вспоминать экономическую реформу шестидесятых годов", – заявляют нынче некоторые авторы.⁵

Соответственно, – истоки кризисного, к началу нынешнего десятилетия, развёртывания событий в народном хозяйстве и в общественно-политической жизни страны изображаются в таком духе, будто они гнездятся где-то в "сталинских" (скажем так) временах и будто именно оттуда тянется нарастающая череда "негативных явлений", которые не получили-де на определённом этапе надлежащего партийного освещения и анализа; почему и смогло произойти всё то, что реально произошло.

Между тем, подобная точка зрения представляет собой без труда выявляемое искажение исторической действительности. Простейшая и отнюдь не "секретная" народнохозяйственная фактография – данные экономической статистики – неопровержимо свидетельствуют, что "при Сталине" у нас был **выраженно-интенсивный тип расширенного воспроизводства**, характеризовавшийся именно той решающей чертой, которая и прокладывает водораздел между интенсивной и экстенсивной экономикой: т.е., более быстрым ростом результатов

⁵ См. П.Бунич. Эскиз механизма ускорения. "Литературная газета" от 12 февраля 1986г., стр.10.

хозяйствования по сравнению с затратами. Статистически чётко фиксируется – и превосходно известен, как говорится, всем интересующимся – также и момент, когда в динамике ведущих народнохозяйственных показателей наступил резкий ("качественный" в отрицательном смысле) перелом, до сего дня не поддающийся стабильному преодолению: это 1958 год, следующий за "реорганизацией" системы управления, в 1957г., на совнархозовский лад. Благодаря восстановлению в 1965г. прежней отраслевой концепции в управлении общественным производством, в восьмой пятилетке наметилось скромное по своим масштабам просветление; однако, тут же "в полный голос" заявили о себе и мощнейшие тормозные тенденции на экономическом фронте, вызванные, – как было уже указано, – волюнтаристской перекройкой объективных условий и путей действия закона стоимости при социализме, но как раз такой перекройкой продемонстрировала себя, в конечном итоге, "хозяйственная реформа".

Суммируя всё вышеизложенное, – "экономическая реформа" 1965г. именно и выступила наиглавнейшим "негативным явлением" нашей общественной практики за минувшую примерно четверть века; характеристика эта вполне "по праву" ей принадлежит, ибо она по существу развалила почти уже целиком "нащупанный" к середине 50-х годов и воплощённый в конкретных производственно-отношенческих связках **подлинно-социалистический механизм "срабатывания" закона стоимости.**

В предшествующем рассмотрении мы привлекали уже внимание к тому первостепенной важности обстоятельству, что производственный фактор – аккумулятор стоимостного дохода неотвратимо должен оказаться и фактором, конституирующим отношения классового господства и власти на уровне форм собственности и политической надстройки. Так оно и получилось: передвижка функции аккумуляции дохода от живого к овеществлённому труду обернулась явственным оттоком действительной власти в обществе от массового, "низового" трудящегося к производственно-управленческому и государственно-управленческому аппарату, осуществляющему фактическое оперативное распоряжение "материально-технической частью" экономики. В свою очередь, такое "перенаделение" распорядительного аппарата властными прерогативами (тем более коварное, что оно совершилось не столь открыто, юридически, но вот именно э к о н о м и ч е с к и , подспудно) неизбежно должно было привести к парализующей его бюрократизации, – которая и не заставила, как все мы убедились, долго себя ждать. В этом выразился глубочайший внутренний **антидемократизм** "реформы", её с т р у к т у р н а я , базисная, ни от какой поверхностной демагогии не зависящая направленность п р о т и в интересов рядового труженика, "человека из толпы". Средства производства сделались куда более доступны, со стороны управления ими и фактического присвоения заложенного в них потенциала, не "массе" в её марксистском понимании, не гражданственно настроенной творящей личности, – но опасно бюрократизирующейся административной "верхушке", которая подчас ни перед чем уже не останавливалась ради сохранения поистине свалившихся на неё в 1965г. привилегий.

Снова надо всячески здесь подчеркнуть, – как мы это ранее в подробностях разобрали, – что для социалистической экономики перенос процессов формирования стоимостного дохода с рынка воспроизводства рабочей силы в пределы обособленных хозяйствующих ячеек **абсолютно никаких общественно-разумных преобразований** собою не знаменует, кроме одного, всецело регрессивного: а именно, возвращения экономического и социального "приоритета" в государстве к прошлому, овеществлённому труду взамен труда живого. Но за этим стоит, – повторяем, – потеря непосредственным производителем, трудящимся реальной власти и благоприятствующей ему "предпочтительности" его интересов как на политико-правовом "этаже", так и на конкретном рабочем месте, и в области распределительных отношений. Отсюда и поражающая "бесхозность" социалистической собственности в переплетении практически наличествующих общественно-производственных зависимостей, – о чём говорилось на январском (1987г.) Пленуме ЦК КПСС, – попадание её в тенёта корыстного группового манипуляторства; отсюда же неравенство в распределении благ, специфическая "глухота" к социальным запросам рядового гражданина, возникновение огромной "теневого зоны" элитарного, паразитического по своей природе потребления и прочие вещи, с избытком приковавшие к себе в последнее время недовольство и тревогу общественности, открыто обсуждаемые с самых высоких трибун, так что нам тут нет нужды особо на всём этом задерживаться.

Между тем, не менее – пожалуй – серьёзную озабоченность вызывает уже и другая сторона дела: то, что в качестве рецепта к излечению общественно-экономического организма от очевидно разъедающего его недуга предлагается... вовсе не лечить болезнь, а ещё глубже загнать её внутрь, "радикализировать" её: не вырвать с корнем ядовитый сорняк "реформы", но создать ему все условия для дальнейшего произрастания и отравляющего социальную обстановку "плодоношения"! Как будто недостаточно предыдущего двадцатилетнего "эксперимента"! Суть нагромоздившихся перед нами проблем не в том, что реформа "проводилась непоследовательно, не радикально", а в том, что она вообще была ни с какой точки зрения **не нужна**, представляла собой волюнтаристское нарушение объективных экономических законов социализма и, таким образом, – пагубнейшую хозяйственно-политическую ошибку. В результате всех этих "реформаторских" мероприятий оказался почти до основания разрушен объективно соответствующий первой фазе коммунистического способа производства **механизм реализации закона стоимости**, грубо "искривлены" отношения собственности, распределения и потребления; буквально до "аварийной" степени пострадали внутренне присущие социализму рычаги обеспечения эффективности общественного производства и его отзывчивости к научно-техническому прогрессу. Причём, ни один из действительных огрехов прежней системы хозяйствования (на базе "двухмасштабных" цен) не только не был исправлен и устранён, но наоборот – получил уродливое "дополнительное развитие"; об этом, кстати, наиболее дальновидные наши учёные-экономисты предупреждали ещё где-то на рубеже 50-х – 60-х годов.

Выдвигаемая нынче, в качестве очередной экономической панацеи "радикализация" **принципиально неверных** отправных установок "реформы", – прежде всего в виде идеи "самоокупаемости", "самофинансирования" обособленных хозяйственных единиц, – политэкономически означает дальнейшее бессмысленное "переталкивание" процесса прибылеизвлечения из сферы воспроизводства живого труда в сферу воспроизводства труда овеществлённого, продолжающееся "выдавливание" из схематики срабатывания социалистической модификации стоимости её системообразующего ядра – государства, которое для нашей экономики выступает не каким-то "лишним этажом", а материальным, структурным гарантом и непосредственно-деятельным агентом осуществления и защиты классовой воли и классовых интересов трудящихся.

Подобная экономическая политика не приведёт к слому разросшегося в недрах народнохозяйственной целостности "механизма торможения", – ибо у механизма этого на сей день есть экономико-философски чёткое, однозначное наименование: **"реформа" 1965г. и её последствия**. Единственное, чего тут в крупной перспективе можно ожидать, это усугубление уже имеющихся отрицательных явлений, а также возникновение новых, – не исключено, что ещё более извращённых. Не нужно обольщаться эпизодическими улучшениями на отдельных участках хозяйствования: они в большинстве своём обусловлены обыкновеннейшим наведением порядка или удачными кадровыми заменами. Структурных, качественно-преобразующих сдвигов в глубинных "темпах и ритмах" функционирования экономического "Левиафана" не происходит, да пока, собственно, и не видно никаких научно-основательных причин, чтобы им происходить.

* * *

И наконец, чего в заключение следовало бы ещё раз специально коснуться, – это необходимости отрешиться от мифологии, якобы ратовать за "полный хозрасчёт" в рамках отдельно взятого производственного звена – значит быть "за стоимость", "за плодотворное развитие товарно-денежных отношений", "за материальную заинтересованность" и т.д.; выступать же против этого всего могут где только некие дремучие "староверы", – как изволил выразиться в "Правде" Г.Попов, – соображения которых лишь в кавычках заслуживают названия "теоретических".⁶

Между тем, кавычки при слове "теоретические" Г.Попову и другим, кто держится одних с ним позиций, надо бы прежде всего отнести к своим собственным воззрениям. Именно люди, десятилетиями окостенело не желающие понять (или принять) элементарной для марксистов вещи: **общественно-исторической изменчивости отношения стоимости, равно как "невозврат-**

⁶ См. Г.Попов. Перестройка в экономике. "Правда" от 21 января 1987г., стр.2.

ности" для нас тех форм, в которых стоимость реализуется в "классическом" рыночном хозяйстве, – именно они и являются вот этими самыми "староверами", чья ностальгия по нэпу и переходному периоду добрых лет тридцать поистине стреноживает, вяжет какими-то противоестественными путями нормальное экономическое развитие страны.

"Самоокупаемость" изолированно рассматриваемого предприятия – это, как показано выше, **всецело искусственное** для социализма полное перемещение процесса прибылеобразования "на рынок капиталовложений" (в инвестиционную сферу), – а следовательно, вывод из строя **социалистической модели действия закона стоимости**, с коренным её принципом образования дохода **пропорционально живому труду**, т.е. на рынке товаров народного потребления, в сфере репродукции живого труда.

Соответственно, – уверовать в "самоокупаемость" ("самофинансирование"), это означает стоять не **за** продуктивное развёртывание товарно-денежных отношений на социалистической почве, а за "развёртывание" их в **несвоейственной** уже социализму, устарелой, исторически пройденной форме: иначе говоря, фактически "бороться" против их развития по закономерному, исторически присущему обобществлённой экономике и благотворному для неё пути. Довольно-таки наивно представление, будто осуществлять глубокий и всесторонний **экономический расчёт** в народном хозяйстве можно почему-то только на базе "фондовой", буржуазной по своему конкретно-историческому генезису модификации стоимости; социалистическая "двухмасштабная" модификация уж никак не в меньшей мере для этого пригодна. С тем кардинальным уточнением, что считает она не "бумажную", манипулятивную прибыль, за которой сплошь и рядом может скрываться прямая деградация производства, а действительно приращение общественного богатства, выражающееся в поступлении на потребительский рынок неуклонно увеличивающегося количества и более качественных жизненных благ, – причём по более дешёвой цене.

Аналогично обстоят дела и с материальной заинтересованностью; никто не собирается отрицать её значимости, ибо мы и вообще производим не для того, чтобы совместно нищенствовать, а для того, чтобы по возможности лучше и лучше жить. Но в "дефокусированной", непродуманно организованной системе стоимостных отношений материальный интерес также приобретает общественно-"неприветствуемую" нацеленность и окраску, и поощрять его именно в **этих**, атавистических для нашей формации проявлениях – никакого "новаторства" в подобных жестах нет, и об этом тоже должно быть со всей недвусмысленностью сказано. Непонятно, почему регулярно наращивать количество и повышать качество поступающих трудящимся фактически благ и услуг – такого "материального интереса", видите ли, быть не может, а может быть только такой, когда бестолково раздаётся всё больше и больше денег, на которые подчас нечего купить и необоснованное, не подкреплённое необходимой товарной наличностью обилие которых на руках у экономически "случайных", как правило, персонажей провоцирует унижительную "сортировку" в потребле-

нии, коррупцию, спекуляцию и прочие прелести, давно бы, кажется, подлежащие списанию в исторический "архив".

Словом,— подводя итог теперешнему нашему краткому обсуждению затронутого предмета,— **экономический (хозяйственный) расчёт** не есть некая метафизическая схема, неизменная во времени и пространстве; его методология определяется исторически господствующей **модификацией стоимости**, объективно "предзаданными", "предпосланными" законами экономического функционирования. Нельзя эти методы автоматически переносить из одной эпохи в другую, из одного хозяйственного уклада в другой. Нельзя,— равным образом,— и построить сколь-либо разумной и работоспособной системы общественно-производственного и внутрипроизводственного расчёта, не уяснив предварительно, **по какой модификации стоимости** мы будем вычленять и считать те величины, которыми намерены оперировать.

Сегодня,— поэтому,— подлинный гвоздь, стержень всей проблемы налаживания действенного планово-оценочного (расчётного) механизма в экономике — это развеивание многолетнего тумана вокруг вопроса о **модификации стоимости, объективно характерной для социалистически-обобществлённого производства**: честное признание и показ того, когда и как социалистическая модификация стоимости сформировалась, как выглядела, чему (и кому) мы обязаны её бездумным, кичливо прожектёрским разрушением — и как её, самое главное, восстановить. Вот это будет **правда** о нынешнем положении дел в советском народном хозяйстве, та самая полная правда, без констатации которой нам не удастся вывести экономику из прорыва, но только глубже завязнем в трясине волонтаристского шараханья то к тому, то к другому завлекательному на первый взгляд миражу. Не следует бояться потратить ещё какое-то время на воссоздание именно правдивой, объективно-истинной картины происшедшего и происходящего,— ибо опыт нас три десятка лет учит, что испугавшись "отпустить" лишних несколько месяцев на серьёзную и демократичную, недискриминационную для всех участвующих сторон полемику, мы затем оказываемся вынуждены стократ больше сил бросать на ликвидацию разора, причинённого скороспелым авторитарным решением. Это не должно вновь и вновь повторяться, иначе мы рискуем, что и ныне переживаемые нами годы,— вместо планируемых революционных свершений,— разделят судьбу предшествующих и в дальнейшем будут безоговорочно причислены к "негативному" периоду истории коммунистического строительства в Советской стране.

Опубл.: "Коммунист", 1988, №1;

<http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobessnachala.htm>.

Кандидат
философских наук
Т.ХАБАРОВА
Москва, апрель 1988г.

ВОЗВРАТ НЕИЗБЕЖЕН – И БЛАГОТВОРЕН

Ответ Т.Хабаровой на заушательскую "телегу", которой сопровождалась в "Коммунисте" публикация статьи о социалистической модификации стоимости. (См. В.Белкин. Мифы и правда о социалистическом ценообразовании. "Коммунист", 1988, №1.)

"Телега" заканчивалась безапелляционным утверждением: на вопрос Т.Хабаровой "Как восстановить двухмасштабную систему цен?" ответ однозначен – возврата к ней нет.

*Отсюда заголовок ответной статьи Хабаровой, публикуемой (спустя 27 лет!) в настоящем сборнике: **Возврат неизбежен – и благотворен**. Естественно, на страницах "Коммуниста" работа не появилась, – как и отклики тех читателей, которые оценили выступление Хабаровой безусловно положительно. И это несмотря на всё тогдашнее пустословие редакции "Коммуниста" о недопустимости "подавления и шельмования инакомыслящих".*

*Никакого широковещательного "творческого обсуждения различных мнений и точек зрения", никакого продолжения дискуссии не состоялось. Напомним, что точно так же "Коммунист" реагировал на статью Хабаровой 1981г. **"Свободные профсоюзы" и иные события в ПНР в свете марксистской концепции двух фаз коммунистического революционного процесса**, – в которой содержалось самое недвусмысленное предостережение о неизбежности повторения "польского кризиса" 1979–80 годов теперь уже в СССР, и в несравнимо более разрушительном варианте.*

Что ж, по поводу того предостережения История вынесла свой вердикт.

Не приходится сомневаться, что то же самое ждёт нас и с социалистической модификацией стоимости (сталинской экономической моделью).

"Мы не только можем, мы обязаны вернуться к "сталинской экономике". Не следует себя обманывать: "рыночная экономика" обрекает Россию на гибель", – прокламирует в "Советской России" В.Ю.Катасонов, опять же профессор и доктор экономических наук, как и приснопамятный Белкин. ("Улики" №1(156) от 30 января 2014г.) Минуло 27 лет, как "камикадзе" Хабаровой удалось прорваться в "Коммунист" с неопровержимым по его сути обоснованием необходимости такого возвращения (а это ведь была далеко не первая её попытка). Из них мы 23 года живём под диктовку Международного валютного фонда, не оставившую камня на камне практически от

всех завоеваний социализма. Где были, – более четверти века, – все эти доктора наук?

А почему мы ставим "правильного" Катасонова на одну доску с заушателем Белкиным, – да потому, Катасонов, что замалчивать ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ, слава тебе господи, борьбу за сталинскую модель, предшествующую вашему "прозрению", это ничуть не честней и не полезней для дела, чем было втоптывать её в грязь 27 лет назад.

К сожалению, вся аргументация В.Белкина против защищаемого мной подхода концептуально идёт "этажом ниже" той постановки проблемы, которая образует центр тяжести моих опубликованных "Коммунистом" замечаний. Формы проявления и действия закона стоимости **историчны**, они меняются от одного общественно-экономического уклада, от одного способа производства к другому. Обычно мы уверенно, как о чём-то само собой разумеющемся, трактуем об исторических изменениях **форм собственности**. Необходимо со всей отчётливостью "увидеть", наконец, что на несколько ином (но не менее важном) "структурном горизонте" экономического целого точно такой же изменчивости подлежат и конкретно-исторические **формы отношения стоимости**. Более того, общеисторическая динамика стоимостных форм объективно теснейшим образом связана с динамикой отношений присвоения и классового господства, – так что без учёта этой взаимозависимости, взаимообусловленности в их развитии попросту невозможно решать вопрос о строении, "лице" той или иной экономической системы, а тем паче о достаточно масштабных социально-экономических передвижках.

Вот почему исследовательское и практически-политическое установление свойственной данному укладу **модификации стоимости** и приобретает столь кардинальное, воистину непереоценимое значение. По существу, задаваться социально-экономическими целями стратегического порядка без определения объективно соответствующей нашей экономике модифицированной конкретно-исторической "конструкции" всего товарно-денежного отношения "узла" – это совершенно то же самое, как если бы мы задавались подобными целями, не имея вразумительных представлений о характерной для нашего общества структуре собственности. Однако, если последнее сразу же было бы безошибочно воспринято как прожектёрство и дилетантизм, то касательно первого аналогичная чёткость понимания отнюдь ещё не достигнута, и у нас на сей день считается, увы, чем-то абсолютно естественным разбирать с серьёзной миной гипотетические детали и подробности далеко идущих реформ в данной сфере при очевидной и подлинно "всесторонней" невыясненности главной из относящихся сюда проблем.

Вот к этому-то сплетению больных политэкономических недоработок мы и стремились привлечь внимание нашим выступлением. Но, как ни жаль, именно на политэкономическом уровне полемика у нас с В.Белкиным не состоялась. В.Белкин однозначно и (в политэкономическом

плане) нерассуждающе убеждён в "негодности" практически всего, что имело место в нашем общественно-производственном устройстве в эпоху воссоздания в стране **основ социалистического уклада как такового**. Послушать В.Белкина, – как и других сторонников разделяемой им точки зрения, – вообще становится непонятно, зачем строили социализм, коль скоро таким экономическим раем оказался переходный период. Следуя этой логике, недолго договориться и до вполне резонного в её контексте заключения, что, дескать, и "переходить"-то было, в сущности, некуда и не для чего: если признать за Октябрьской революцией сколь-либо приемлемую программную цель её свершения, то вершиной мечтаний здесь, в итоге, и обнаружил-де себя нэп. Соответственно, чтобы преодолеть теперешние наши затруднения, надо, – игнорируя, видимо, неотрицаемую реальность возникновения социалистического строя в СССР, – структурно "вернуться" куда-то в недра переходной (в определённом смысле досоциалистической) полосы, предав анафеме как "административно-командную систему управления" то, что мы привыкли, так сказать, считать социализмом.

Следует лишь удивляться, что авторы, поднявшие на щит столь причудливое "теоретическое" новообразование в нашем обществоведении ("социализм" – это на самом деле переходный период, а действительно построенное социалистическое общество – это подлежащая, мол, уничтожению "административно-командная система"), – следует лишь удивляться, что оппонентов своих они упрекают не в чём ином, как в нежелании сопоставлять выдвигаемые суждения с историческими фактами. Между тем, исторические факты состоят в том, что после революции молодой Советской властью была предпринята попытка непосредственно, путём прямого декретированного сверху "отказа" от товарно-денежных связей, "наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране"¹, но через непродолжительное время, когда попытка эта выявила свою утопичность, пролетарскому государству пришлось **отступить**, как десятки раз повторял В.И. Ленин, встать на почву "наличных" (т.е. стихийно, "анархически" возрождавшихся в экономике) **капиталистических отношений**.²

Совершенно неверно, – поэтому, – изображать военный коммунизм как политику, вынужденную исключительно лишь "чрезвычайными обстоятельствами", а также и ставить его, вот именно, на одну доску с нэпом. Военный коммунизм вытекал не просто из "чрезвычайных обстоятельств", но прежде всего из весьма существенных и принципиальных теоретических воззрений тогдашнего партийного руководства, в первую голову самого В.И. Ленина. Для В.И. Ленина являлось (и осталось!) непреложным, что организация экономической жизнедеятельности "на коммунистических началах", это есть нестоимостной "непосредственный продуктообмен", регулируемый какой-то гибко разветвлённой, но вместе с тем и мощно централизованной структурой, – государственной, а в

¹ См. В.И. Ленин. ПСС, т.44, стр.151.

² Там же, стр.210.

дальнейшем, быть может, "постгосударственной", "метাগосударственной". Сегодня как-то "немодно" сделалось вспоминать, что нетоварный характер зрелой коммунистической экономики – это одна из конституирующих аксиом марксистской революционной теории, и В.И.Ленин, собственно говоря, не собирался "отречься" от неё. Спора нет, – военному коммунизму в плане изживания меновой стоимости не удалось "поторопить" ход исторических событий; но то, что это был рывок именно к коммунистическому идеалу, пусть исторически-наивный и неподготовленный, В.И.Лениным никогда сомнению не подвергалось.

Что же касается нэпа, то истинное, "аутентичное" отношение В.И.Ленина к нему как к "восстановлению капитализма"³ также вполне определёнno, – если не заниматься тут тем самым мифотворчеством, против которого, вроде бы, столь осмотрительно предостерегает В.Белкин, и не вводить в заблуждение читателей, недостаточно знакомых с "экономической историей", а заодно и с ленинскими трудами в первоисточнике. Часто цитируемое в последнее время высказывание В.И.Ленина о проведении новой экономической политики "всерьёз и надолго" подытоживается, – как известно, – словами: "... но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности."⁴ Так что, – со всей очевидностью, – с "чрезвычайными обстоятельствами" следовало бы связывать как раз не военный коммунизм, а скорее именно нэп.

В.И.Ленин отнюдь не считал послереволюционное откатывание "на позиции государственного капитализма"⁵ универсальной закономерностью социалистического строительства. Он неоднократно возвращался к раздумьям о принципиальной осуществимости, – в иных, более благоприятных культурно-исторических условиях, – "непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению", "к государственному производству и распределению на коммунистических началах"⁶, не идя на риск санкционированного "оживления" старого общественно-экономического порядка. "При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, – и, может быть, другие страны так её и решат, когда придёт время строения их коммунистических республик." "Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму ..."⁷

Суммарная же оценка нэпа как вынужденно-"реставраторской", попятной "петли" на общей исторической траектории движения к социализму и коммунизму оставалась у В.И.Ленина бескомпромиссно неизменной: "То положение, которое создала наша новая экономическая политика – развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., всё это есть **развитие капиталистических отношений**, и не видеть этого – значило бы

³ В.И.Ленин. ПСС, т.44, стр.159, 211.

⁴ Там же, стр.311.

⁵ Там же, стр.204.

⁶ Там же, стр.156-157.

⁷ Там же, стр.168, 310.

совершенно потерять голову." "Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т.д.,— это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству ..." ⁸ При непредвзятом чтении работ В.И.Ленина той поры трудно также не заметить, не почувствовать, сколь относительно представлялось ему самому его собственное драматическое "всерьёз и надолго", как нетерпеливо всматривался он в грядущее, ловя малейшие предвестья возможности "перейти в прочное наступление": "Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдалённом будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведём мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет наше победоносное движение вперёд." ⁹

Столь подробно я задерживаюсь на вышеобрисованных моментах потому, что,— как отмечалось уже ранее,— сегодня в ряде публикаций у нас всё напористой проповедуется абсурдная в собственно-научном аспекте и безответственная в аспекте политическом "трактовка" (к ней и В.Белкин явственно склоняется), согласно которой нэп представлял собой не одну из стадий переходного периода, но ни более, ни менее, как... "ленинскую концепцию (или модель) социализма". ¹⁰ Подобное сочинительство воистину опрокидывает с ног на голову как историческую достоверность, так и реальную логику развёртывания общетеоретических взглядов В.И.Ленина, объективно и достаточно недвусмысленно запечатлённую в его трудах. Структурный, производственно-отношенческий костяк нэпа "снизу", со стороны практиковавшейся в его рамках **модификации стоимости**, был в существеннейшей своей части **капиталистическим** (настолько,— естественно,— насколько вообще что-либо может сохранять "капиталистическую" природу в государстве, где власть уже утвердилась бесповоротно в руках рабочего класса).

Сказанным определяется вопрос об экономической и прочей "успешности" нэпа: новая экономическая политика явилась **успешным отступлением**. Если структурная, базисная целостность всякого способа производства очерчивается взаимодействием **формы собственности и модификации стоимости**, то проблеме отыскания **социалистически модифицированного проявления закона стоимости** нэп решить не смог. Социодинамический "маятник" переходного периода качнулся так, что военный коммунизм попытался обойтись вовсе "без" товарно-денежных отношений, нэп же "авралом" восстановил их в единственно "наличной" тогда, прежней капиталистической модификации. Проложить синтезирующий **генеральный** курс между военно-коммунистической "бес-

⁸ В.И.Ленин. ПСС, т.44, стр.211-212. Курсив мой.— Т.Х.

⁹ Там же, стр.220, 229.

¹⁰ См., напр.: Возвращаясь к ленинским принципам. "Московская правда" от 9 февраля 1988г., стр.3.

товарностью" и нэповской товарностью на капиталистической лад,— т.е. нащупать "формулу стоимости", преобразованную объективным течением истории применительно к качественно изменившейся общественно-экономической обстановке,— это крупнейшее свершение выпало социализму 30-х — 50-х годов. К началу 50-х годов **конкретно-историческая "схема" (или модификация) функционирования закона стоимости в социалистических условиях**, почти со всем "шлейфом" подчинённых ему вторичных закономерностей, была в основном обнаружена, постигнута, "внедрена" в непосредственную экономическую повседневность и сумела уже приоткрыть, невзирая на краткий срок действия, свою плодотворность, своё несомненное соответствие и стратегически-революционным, и "земным", житейским интересам широчайших слоёв трудового населения страны.

Славословия же нынешние в адрес нэпа,— повторим вновь и вновь,— выказывают своим весьма зыбким "фундаментом" лишь крайнюю методологическую скудость и поверхностность политэкономического анализа затрагиваемых явлений. Надо смотреть на вещи глубже, "экономико-философски",— согласно великой диалектической традиции, заповеданной нам ещё Марксом и неукоснительно обеспечивавшей наиболее яркие концептуальные и идеолого-практические победы марксистско-ленинской науки. А на этой "экономико-философской", сущностной глубине видим: нэп имел **разнородные** по их формационной принадлежности структуры присвоения (собственности) и стоимости, что делало подобную хозяйственную практику стратегически бесперспективной. Поэтому не "вразрез" с предначертаниями В.И.Ленина, но целиком и полностью в их духе и логическом "русле" партия стремилась не затягивать пребывание на ступени нэпа, но по возможности скорее его свернуть, едва лишь окажутся реализованы те быстротечные выгоды, ради которых нэп вводился.

Чтобы говорить,— отсюда,— о базисной сбалансированности и "равновесности" нэпа, нужно, думается, слишком уж безоглядно воспламенить себя "пафосом" очередной конъюнктурной волны на нашем идейно-теоретическом поприще. На деле же в нэповском экономическом устройстве неадекватная социализму модификация стоимости,— во-первых,— всё время "забирала вправо", служила платформой для возрождения и накопления в обществе классово нежелательных политических сил. Во-вторых, сама эта несоциалистическая ("фондовая", а не "трудовая") модификация стоимостных закономерностей оказалась, в свой черёд, "скована" развивающимися антиэксплуататорскими отношениями присвоения и работала в ненормальном для себя, а следовательно, и общественно непродуктивном режиме. Именно поэтому партия придала такое значение ценовым "ножницам" 1923 года: к тому времени нэп совершил свой первый относительно законченный "оборот", и стало исчерпывающе ясно, что в системе общественной собственности на средства производства, при отсутствии стихийного межотраслевого и внутриотраслевого перелива капиталовложений "фондовое" прибылеобразование — это политика бесконтрольного разбухания затрат и накладных расходов на стороне производителя, вздувания по-

требительских цен и ухудшения жизненного уровня масс. "Ножницы" подверглись своевременному точному диагностированию и "обузданию", но в общем и целом проблема эта до конца нэпа так и не сошла (и не могла сойти) с повестки дня, что лишний раз показывает беспредметность рассуждений о какой-то небывалой-де "гармоничности" нашего народнохозяйственного организма середины 20-х годов.

Впрочем, мы всецело согласились бы с В.Белкиным, что аналогичные "ножницы" более позднего происхождения незаслуженно не удостоились в нашей экономической литературе того внимания, на которое вправе были претендовать. Сказанное относится прежде всего к тем поистине чудовищным "ножницам", что разверзлись в результате проведения "неонэповской", да будет позволено так выразиться, хозяйственной политики второй половины 50-х – конца 60-х годов. По-видимому, уже самая их монструозность (шутка ли, без малого тридцать лет!) помешала хорошенько разглядеть сей феномен и догадаться о его теснейшем родстве с давнишней "ножничной" эпопеей, проникающее рассасывание которой уложилось тогда приблизительно в три года.

Между тем, аналогия налицо: "фондовая" модель доходуобразования, "пробивавшая дорогу" себе с середины 50-х годов и окончательно утвердившаяся в итоге "хозяйственной реформы" 1965г., вызвала повсеместное, массовое взвинчивание цен, и этот "девятый вал" искусственно накрученных затрат, искусственно "подогретой" себестоимости завис, поддерживаемый семидесятимиллиардной дотацией, над сугубо неэластичным в условиях социализма ценовым уровнем по основным товарам народного потребления. Надо бы упорядочить положение с ценами у производителя, перестать "стимулировать" посредством цены манипуляторство, рвачество, монополистскую психологию, экономическую и инженерно-техническую косность, бесхозяйственность, – ан нет, теоретики "равновесия" (на бухаринский манер) усердно толкают под локоть тех, чьим подписям определено появиться на документах, долженствующих возыметь всевозможные социально необозримые последствия. Давайте, мол, продолжим топтанье в экономическом Зазеркалье, здесь так "научно" и "демократично", не уроним авторитета "реформаторов"-головотяпов, ввергших страну в многолетний перманентный кризис, который по силам, и впрямь, лишь подлинно уникальной, в смысле выживаемости, экономической системе. Вместо того чтобы самыми энергичными мерами "усадить" на какую-то общественно-оправданную отметку производительские затраты, буквально "распираемые" изнутри порочной схематикой ценообразования, противоречащей социалистическим принципам присвоения, – вместо этого давайте отслужим ещё один торжественный молебен в честь фондовой прибыли и предоставим ей уже совершенно невозбранно свирепствовать в нашем народном хозяйстве, а финансирование подобного "шествия в никуда" переложим полностью на плечи рядового трудящегося. И при этом без зазрения совести назовём происходящее "поисками противозатратного (ни более, ни менее!) механизма", "демократизацией экономики", "устранением диктата поставщика над потребителем", попечительством о благе рядового советского труженика и пр. Следует со всей откровен-

ностью сказать: далеко же зашли гнилостные процессы в науке, если она "глазом не моргнув" отваживается на рекомендации, у которых мишурная словесная оболочка до такой степени отслаивалась бы от их реального, легко выявляемого содержания и от заключающейся в них, также вполне реальной и вполне предвидимой, угрозы благосостоянию десятков миллионов людей.

Суммируя изложенное до сих пор,— правильная, марксистская периодизация нашего экономического развития за истекшие семьдесят лет должна иметь (и фактически, объективно имеет) следующий вид.

Своего рода "сверхзадача", вокруг которой строится экономическая программа первой, социалистической фазы пролетарской революции,— это, как образно формулировал В.И.Ленин, "переварить великий политический переворот", создать конкретно-хозяйственный (т.е., в конечном итоге, стоимостной) "рабочий аппарат" обобществлённой собственности на средства производства. В противном случае новая общественно-экономическая целостность не "закольцуются", не "замкнётся", конституирующий её принцип собственности и власти не войдёт,— словами В.И.Ленина,— "в плоть и кровь экономики обыденной жизни" и может остаться недееспособным.

Итак, на этом пути вырисовываются (укрупнённо) четыре переломных этапа:

попытка "перескочить", в известном смысле, напрямую от капиталистической формы срабатывания закона стоимости к коммунистической нестоимостной, нетоварной регуляции производства и распределения (военный коммунизм);

вынужденное отступление к единственно наличествовавшей в тот момент (и многим казавшейся не только единственно наличной, но и единственно возможной, "вечной и естественной") капиталистической, "фондовой" модификации товарно-денежных отношений (нэп);

становление социалистической модификации стоимости (период 30-х – первой половины 50-х годов);

разрушение социалистической модификации стоимости, начавшееся со второй половины 50-х годов и окончательно "закреплённое" реформой оптовых цен 1967г.: именно оно-то и является общим структурным "контекстом", "фоном" и **главной причиной** сложившегося в последние пятилетки "предкризисного", как его принято теперь определять, состояния советской экономики.

Самоочевидно, какие отсюда складываются выводы для практической партийной политики в экономической сфере: социалистическая модификация стоимости **должна быть восстановлена**, иных исторических альтернатив тут не просматривается; восстановлена,— конечно,— не начётнически, доктринёрски, но всё же узнаваемо близко к открытому некогда "прототипу" или "оригиналу". Спора нет,— всякой объективно-исторической неотвратимости можно какое-то время сопротивляться, подчас с немалым шумом и бравадой; но в последнем итоге она сломит любое сопротивление, ответственность же за образующиеся

при этом издержки по справедливости должны принять на себя те, кто его – сопротивление это – организовывал.

Сейчас обратимся ещё раз, – вкратце, – к вопросу, почему социалистической модификацией стоимости пока что имеет права называться только "двухмасштабная система цен".

Существует одна фундаментальная зависимость, которая, в общем-то, фиксируется "невооружённым глазом", но по сей день не "оформлена" в политэкономической науке как закон, причём обладающий самыми благодатными эвристическими потенциями. Указанная зависимость заключается в том, что **производственный фактор, которому принадлежит главенствующая роль на уровне отношений собственности, всегда выступает на уровне товарно-денежных отношений как основной агент, аккумулирующий стоимость прибавочного продукта (т.е. конечный экономический результат – чистый доход).**

Разнообразные формы землевладельческой ренты при феодализме словно бы "липли" на землю как решающий для той социально-экономической эпохи объект собственности; в буржуазном обществе эта функция аккумулятора стоимостного дохода закономерно сместилась к капиталу (материально-техническим средствам производства). При социалистическом же строе главенствует работник как носитель высшей, "одушевляющей" субстанции общественного производства – живого труда, а потому именно **живой труд** (но не земля и не материально-технические средства!) должен служить у нас фактором, "адсорбирующим" конечный результат совокупной производительной деятельности.

Между тем, живой труд вплотную соприкасается со стоимостными отношениями лишь одной своей ипостасью – **средствами воспроизводства рабочей силы**, или предметами массового потребления. Вот они-то (взятые, естественно, в их товарно-стоимостном выражении) и оказываются при нашей системе основными орудиями "отцеживания" из экономики чистого общественного дохода. Конкретнее, это значит, что именно в их цене должна содержаться наиболее развитая доходообразующая составляющая, цены же всех прочих экономических объектов, – не являющихся средствами воспроизводства живого труда, – включают доходообразующую составляющую в возможно наименьшей степени, лишь поскольку этого вообще, так сказать, нельзя избежать. Но данному отправному требованию, единственно по удовлетворении которого только и допустимо начинать говорить об экономической цельности социализма, его относительной базисной "достроенности", – данному требованию как раз и отвечала "двухмасштабная" конструкция цен.

Чтобы не плодить дальнейших недоразумений вокруг пресловутой "двухмасштабности", уточню здесь, что я, – со своей стороны, – пользуюсь этим термином только как исторически возникшим, дабы было понятно, о чём идёт речь. В действительности же цены 1947–1954гг. являлись не "двухмасштабными", а скорее **сложно**масштабными; внутренняя же цементирующая "мера" ("масштаб") социалистической модификации стоимости предстаёт монолитно

единой, и монолит этот состоял из **не могущих быть друг от друга отделёнными "себестоимостных" цен на средства производства плюс "доверху загруженные" налогом с оборота цены на потребительские товары.**

Собственно, это достаточно чётко сформулировано в моих предыдущих заметках. Рассуждения В.Белкина о "нелогичности"-де так называемых "разномасштабных" цен можно уподобить позиции человека, который принялся бы доказывать,— к примеру,— что музыка венских классиков "нелогична", мол, и "разномасштабна" в сравнении с полифонизмом баховских времён, поскольку в баховской фуге разрабатывается обычно одна определённая тема, а музыкальная идея классического сонатного аллегро излагается непременно "в комплексе" двух, причём контрастирующих между собою партий. На деле же,— естественно,— никаких "нарушений логики" тут нет, а просто масштаб, вот именно, музыкального мышления закономерно изменился, обогатился и усложнился при вступлении в новую художественно-историческую эпоху. Неужели этот элементарный,— стандартный, можно сказать,— аргументационный приём или ход диалектикологического анализа так уж непостижим и не поддаётся освоению на экономическом материале? Заслуживает всяческого сожаления, что у нас до таких "нулей" доведена культура именно диалектического рассмотрения вопросов, когда доктор наук не в состоянии концептуально "справиться" с мыслью об исторической изменчивости самой по себе внутренней качественной "меры" экономических явлений.

И ещё одна линия или нить крайне существенных историко-экономических превращений: вместе с модификацией стоимости в рамках каждого нового социопроизводственного уклада структурно меняется и главный "регулятив" товарно-денежной экономики, примером которого может служить средняя норма прибыли при капитализме. Нетрудно подметить, что эта критериальная величина характеризует собою как бы общественно кристаллизующуюся "цену" господствующего производственного фактора, от которой зависит и всё прочее ценовое распределение в соответствующей экономической организации. Если в обществе господствует помещичья собственность, то это уровень земельной ренты, при буржуазном строе — это уровень прибыли на капитал, при социализме же это объективно, конкретно-исторически устанавливающаяся "цена" живого труда, или **уровень розничных цен на основные средства воспроизводства рабочей силы.**

Сказанное,— по моему твёрдому убеждению,— должно быть, наконец, нашими учёными-экономистами (да и экономистами-практиками) "расслышано", тем паче что "глухота" тут у многих явно "благоприобретённая", откровенно конъюнктурного происхождения. На протяжении нескольких уже десятилетий — пора бы, кажется, и образумиться!— у нас с упорством, достойным лучшего применения, предпринимаются попытки, одна другой бессмысленней, "реформировать", "перестроить" социалистическую хозяйственную систему на принципах, почерпнутых целиком из арсенала **предшествовавшего** нам на исторической лестнице, буржуазного способа производства, прежде всего на принципе **фондовой прибыли** (консолидируемой "пропорционально основным

и оборотным фондам", как с довольно-таки наивной гордостью поясняет В.Белкин). Между тем, для социалистической экономики норма прибыли к фондам конкретно-исторически уже не является **объективной критериальной "данностью"** народнохозяйственного функционирования, это для нас "фантомная", выморочная величина, к которой – вот именно, тов. Белкин!- возврата более нет, сколько бы ещё ни терзали наше народное хозяйство приверженцы теорий В.С.Немчинова и его воистину геростратовской "школы", не умеющие или не желающие добросовестно освоить таких азов Марксова учения, как исторический подход. Место фондовой прибыли и её "нормы" у нас объективно давно уже занял **уровень основных потребительских цен**, и чем скорее это будет осознано, тем меньше окажется причинено разора социалистическому общественному производству, ущерба материальному и духовно-личностному развитию и благополучию советских людей.

Апологеты фондового прибылеобразования подают свою позицию так, что они-де возвращают социализм от "административных" методов управления к "экономическим", ликвидируют имевшуюся, якобы, в прошлом (мея, конечно же, опять в 40-е – 50-е годы) недооценку товарно-денежных отношений и т.д. Однако, – уважаемые, – "экономика", "товарно-денежные отношения", ведь это же всё исторично; не существует "экономики", равно пригодной для всех времён и народов. И на поверку здесь происходит вовсе не какое-то восстановление "экономических", "рыночных" закономерностей в противовес "приказным методам", а скатывание **от экономических закономерностей в органичной и объективно-присущей социализму форме – к закономерностям тоже, правда, "экономическим", но уже безнадежно устаревшего, социализму глубоко неадекватного исторического "качества"**.

Стоит ли после этого удивляться, что результаты всех этих усилий приняли облик и размах общенационального стихийного бедствия, к тому же ещё фантазмагорически затянувшегося. Не Сталин виноват, что мы видим сегодня столь удручающе расшатанным и подорванным некогда мощный, пружинно-динамичный, структурно на редкость "элегантный" экономический механизм, который был "насквозь", именно базисно поставлен на службу интересам трудящейся массы, а не бюрократической элиты, и в котором честно работавший, честно следовавший своему долгу человек чувствовал себя, – вопреки распостранившимся нынче поклёпам, – никаким не "безгласным винтиком", но полноправным и "незаменимым", имеющим перед собой широкую жизненную перспективу профессионального и граждански-политического роста участником зримо развёртывающегося общего движения к великой цели.¹¹

¹¹ "В ту пору, – вспоминает, например, о годах войны писатель В.Кондратьев, которого уж никак не отнесёшь к ревностным "сталинистам", – необыкновенно обострилось самосознание народа, чувство ответственности. Ощущение незаменимости в общем строю. Мы отнюдь не были "винтиками" военной машины. Мы верили, что судьба России в наших руках." (См.: Как бы сурова правда ни была. "Московская правда" от 16 марта 1986г., стр.3.)

"Мне, моим сверстницам как прямо, так и не впрямую внушали окружающие, учителя,

Сущностные корни наступившего развала лежат гораздо ближе, они уходят не в тридцатые и сороковые, а во вторую половину 50-х годов, и сопряжены не с какой-то "стабилизацией административно-командной системы управления", а с разгромом той единственно верной (в основных её чертах) для нормально развивающегося социализма экономико-политической системности, которая уже почти успела сложиться в нашей стране к пятидесятым годам и которую теперь клеймят "административно-командным" ярлыком, взятым напрокат в "советологических" писаниях.

В.Белкин утверждает, что "разрушение это было отнюдь не бездумным" и что, наоборот, ни над одной экономической проблемой столько, мол, не размышляли, как над уничтожением наконец-то найденной социалистической "версии" закона стоимости. Между тем, говоря о "бездумности" вышеуказанного мероприятия, я подразумеваю вовсе не "затратную" его сторону, – кто и сколько потел в размышлениях, внутренняя логика и идейно-эмоциональная направленность которых твердолобо противостояли объективной поступи исторического процесса. Имелась в виду сторона результирующая; а здесь, увы, концентрация реального мыслительного содержания оказалась такова, что её и бездумностью-то назвать – значит едва ли не сделать комплимент.

Достаточно напомнить, что "реформа", столь бескомпромиссно ратовавшая за аккумуляцию прибыли "пропорционально фондам", непреодолимо споткнулась, – как и В.Белкину, без сомнения, известно, – на первом же и наиважнейшем, казалось бы, для неё пункте: на определении фондоёмкости по конкретной номенклатуре промышленной продукции. Сие, – опять-таки, – неудивительно, ибо нельзя высидеть в кабинетных "размышлениях" того, чему нет ана-

радио, литература, кино: о, как прекрасна и высока жизнь, что ждёт впереди тебя, для тебя всё состоится, всё будет возможно!.." "Я и мои сверстницы были убеждены, что если не сворачивать с прямого пути, не пасовать перед препятствиями, даже неодолимыми, – дойдёшь, куда задался целью пойти. Это убеждение подтверждалось реальными примерами..." (М.Ганина. Страсти по Шекспиру. "Литературная газета" от 14 августа 1985г., стр.11.)

"Решающее значение для выполнения крайне напряжённых довоенных пятилеток имела поддержка со стороны миллионных масс. Коммунистическая партия нашла пути и средства для подъёма социальной активности рабочих и крестьян в ходе индустриализации и коллективизации. Конечно, было крайне трудно, но люди не только прошли через все испытания, но и гордились своими свершениями. Этому способствовали, во-первых, динамизм советской экономики, высокие темпы экономического роста рождали дополнительную энергию и уверенность в будущем; во-вторых, единство слова и дела хозяйственных руководителей, их высокая требовательность прежде всего к себе. Личный пример руководителя, его повседневные поступки и поведение оказывали наибольшее воздействие на рабочий коллектив."

"... руководителям предприятий и другим уровням управления были предоставлены широкие возможности для проявления инициативы и самостоятельности в ходе выполнения заданий плана и других директив. Ряд решений ЦК партии и правительства был направлен на то, чтобы чётко очертить полномочия хозяйственного руководителя, оградив его от излишней опеки и вмешательства извне, предоставив возможность принимать творческие решения и самостоятельно маневрировать людьми, материальными и финансовыми ресурсами для достижения намеченных целей." (Р.Белоусов. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. "Вопросы экономики", 1982, №10, стр.8-9.)

лога в объективной экономической действительности. А его нет, потому что "средняя" фондовая прибыль при частнособственническом хозяйствовании политэкономически является элементом общественной "цены" **вложенного капитала**, а не конкретного изделия как такового. В обобществлённом же хозяйстве, тем наипаче, вся эта "фондоёмкость по отдельным видам продукции" представляет собою не что иное, как плод весьма крупного и глубоко прискорбного "политэкономического" недоразумения.

Поскольку же исчислить то, чего в действительности не бывает, невозможно, – в результате доход стали формировать пропорционально никаким не "фондам", а попросту всё той же себестоимости; другими словами, – фактическому объёму ресурсов, главным образом материально-вещественных, пошедших на изготовление калькулируемого изделия. К этому добавилось ещё отрицательное влияние процедур "пересчёта" от отраслевых нормативов рентабельности, дополнительно искажавших картину "в пользу" материально-вещественных затрат. Произошло не какое-то "оздоровление" или "упорядочение" процессов прибылеобразования, но нечто диаметрально противоположное: доля сугубо "затратной" прибыли, определяемой в процентах к себестоимости (которую нынче иные теоретики пытаются поставить чуть ли не в серьёзнейший упрёк "двухмасштабной" системе!¹²), – доля её начала в сумме чистого общественного дохода массивно разрастается, подобно злокачественной опухоли. Вот это и есть, – тов. Белкин, – существо, генезис и точная "дата рождения" **затратного механизма** в истории ведения социалистического планового хозяйства. Вот отсюда-то и надо, по-настоящему, приниматься за радикальную "прополку" нашей экономической нивы.

Фонды как прибылеобразующий фактор (там, где они действительно таковым являются, т.е. в частнособственнической экономике) и объём израсходованных на выпуск той или иной продукции ресурсов – это политэкономически существенно разные вещи. Где вы видели, чтобы в частнопредпринимательском хозяйстве кто-то богател механически "пропорционально" себестоимости

¹² Ср. Д.Валовой. Показатели социалистического хозяйствования: размышления экономиста. "Коммунист", 1984, №15, стр.60:

"Известно, что в практике ценообразования длительное время не учитывалось положение классиков марксизма-ленинизма, согласно которому новая стоимость создаётся исключительно живым трудом. Норма рентабельности вследствие этого устанавливалась в процентах к себестоимости ..."

Интересно, как же в понимании Д.Валового совмещается с приводимым "положением классиков марксизма-ленинизма" о живом труде учреждение отраслевых нормативов рентабельности в процентах к стоимости основных фондов и материальных оборотных средств?

Замечу также, что на рубеже 40-х – 50-х годов фондовая (для нашей экономики "затратная"!) компонента в денежных накоплениях народного хозяйства, – т.е., практически сумма "отчислений от прибылей" предприятий, формируемая в тех самых "процентах к себестоимости", – составляла всего чуть больше одной десятой. (См. Л.И.Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. "Экономика", М., 1976, стр.40.) Теперь же чисто-фондовые источники "накрывают" примерно семь десятых доходной части госбюджета. (См. "Известия" от 18 ноября 1986г., стр.3.)

произведённых им товаров или услуг? Этак и у них, как у нас, точили бы двадцатикилограммовые детали из двухсоткилограммовых болванок, возили за тридевять земель какой-нибудь песок и прочую невидаль, вместо того чтобы набрать в соседнем карьере, и увешивали кронштейны в магазинах непродаемыми хламидами, непонятно на чей вкус, возраст, образ жизни и кошелёк рассчитанными. Но ничего подобного там не происходит, поскольку частнопредпринимательская прибыль, – та самая, что так искушает своей обманчивой "пропорциональностью основным и оборотным фондам", – на деле представляет собой принадлежность и порождение не просто "фондов" в качестве совокупности производственных ресурсов, а фондов, **функционирующих как капитал**.

Поэтому, чтобы фондовая прибыль "заработала", пришлось бы восстановить **весь цикл функционирования средств производства как капитала**, со всеми полагающимися атрибутами, включая рынок труда и допущение принудительной "незанятости" части трудоспособного населения. Вот этим и поглощены у нас около тридцати лет поборники вышеобрисованных "экономических методов": одни совершенно сознательно, другие же – уступая напору мощных разрушительных тенденций, эпицентром которых как раз и являются насильственно внедренные в социалистический базис фрагменты чуждой социализму, эксплуататорской общественно-производственной системности, стихийно стремящиеся сомкнуться в "свою" целостность и вызвать её к жизни уже не фрагментарно, а в полном её составе. Такова объективно-диалектическая "фабула" и природа глубинных процессов, развивающихся в стране, в общей сложности, с середины 50-х годов и постепенно сгустившихся в воистину чудовищную "машину торможения", в механизм, который к сегодняшнему дню, – всё ещё не будучи переломлен, – вполне отчётливо поставил под угрозу самое существование в дальнейшем Советского государства именно как социалистического. И это не надуманное противостояние "ленинской" и "сталинской" концепций социализма, – а деструктивнейшая по своему характеру, затянувшаяся на десятилетия попытка вытеснить **марксистскую** концепцию нового строя (она же и "сталинская", и ленинская) концепцией **немарксистской**, мелкобуржуазной (бухаринской, если угодно). Причём, люди наши должны как минимум **з н а т ь** о выдвигении вот таких оценок создавшейся идейно-концептуальной ситуации (как только что приведённая), о самом факте их наличия в нашей общественно-научной мысли.

Не следует упорствовать в ошибках недавнего прошлого, когда тоже ведь позволялось говорить в затронутом плане достаточно многое, кроме одного – что "теория развитого социалистического общества" и его "совершенствования", это на самом деле не "теория", а конъюнктурная пустышка, мешающая разглядеть вздыбившиеся проблемные "нагромождения" и приступить к их реальной расчистке. А должно-то было быть сказано в первую очередь именно это. Точно так же и сегодня – надо дать выход **к о н ц е п т у а л ь н о м у** несогласию, а не просто различным оттенкам трактовки, облубованной где-то "наверху"; ибо только это, только незамазанная полярность взглядов на проблему

открывает возможность действительных, а не заклинательных её решений. Лишь то жизненно, – предупреждал ещё Гегель, – что способно вместить в себя противоречие и выдержать его. Не может проистечь разумной практики из теоретической установки, которая боится правды о самой себе.¹³

Итак, что производственный фактор, номинально аккумулирующий, "осаждающий" на себе стоимость прибавочного продукта, меняется от одного общественно-экономического уклада к другому в последовательности: земля – капитал – живой труд, – с этим В.Белкин, как добросовестный учёный, попросту обязан согласиться, здесь спорить не о чем. Обязан он согласиться и с тем, что соответственно указанным изменениям меняется сама форма извлечения стоимости прибавочного продукта, а также и характеризующая модификацию стоимостных отношений "критериальная величина" экономики, в последовательности: уровень земельной ренты – норма прибыли на капитал – уровень розничных цен на средства воспроизводства рабочей силы. Естественно, соглашаться нужно и со всеми вытекающими из названных очевидностей теоретическими и практическими выводами.

Бросим ещё взгляд – поневоле, к сожалению, беглый – на третий неотрывно относящийся сюда момент: на объективно-обусловленную динамику вышеотмеченных критериальных величин. Динамика же их такова, что по мере прогрессивного развития, технико-технологического усовершенствования, ин-

¹³ Скажу также, что выраженное мной мнение о сугубой научной неподготовленности и необоснованности "экономической реформы" 1965-1967гг. никак не претендует на оригинальность.

Уже в 1968 г. признавалось, что разработка "принципов и критериев", положенных в фундамент реформы, "не была доведена до уровня практических решений из-за недостатка времени и кадров!/" (См. Научные основы планового ценообразования. "Наука", М., 1968, стр.312.) А.Анчишкин заявлял в 1982г.: "... невозможно ... дать непротиворечивое теоретическое обоснование существующей системы экономических показателей". ("Вопросы экономики", 1982, №1, стр.141.) "Пока ещё, – указывалось в 1981г., спустя полтора десятка лет после реформы (хорошенькое "пока"!), – не создана единая система критериев оценки эффективности хозяйственных мероприятий и вариантов новой техники." (Н.Федоренко, Д.Львов. Экономическая стратегия и научно-технический прогресс. "Вопросы экономики", 1981, №11, стр.4.)

А какая уйма циркулировала в экономической литературе более или менее деликатных эвфемизмов по типу "наука нас до их пор не вооружила", и чего только не отыщешь среди этих "недовооружений"! "... практика ценообразования не была вооружена методикой определения фондоёмкости отдельных изделий." (Научные основы планового ценообразования, стр.314.) Та же картина по фиксированным (рентным) платежам: "... необходимо иметь соответствующую методику измерения этих факторов. Однако экономическая наука пока что не вооружила нашу практику такой методикой." (Д.А.Аллахвердян. Финансы и социалистическое воспроизводство. "Финансы", М., 1971, стр.222.) Спрашивается, как же вообще надлежит отнести к "реформе" ценообразования, которая предписала прибыль в цене составлять из начислений на производственные фонды и фиксированных платежей – и "не вооружила практику" методологией определения ни того, ни другого? Уместно ли тут, – как делает это В.Белкин, – петь дифирамбы в честь якобы проявленной при сём необычайной научной предусмотрительности?

тенсификации данного способа производства "уровень стояния" характерной для него стоимостной критериальной величины относительно падает. Снижается общая (средняя) норма капиталистической прибыли; та же тенденция – в крупном масштабе – может быть прослежена и для успешно развивающегося земледельческого государства, поскольку интенсифицированное хозяйствование на худших землях, приумножение отдачи с них, сокращение производственных издержек неизбежно "подрезают", в конечном итоге, уровень ренты на более плодородных угодьях. Общее повышение культуры земледелия и его производительности как бы "обесценивает", скрадывает те преимущества, которыми собственники лучших земельных участков пользуются в силу естественных причин.

Совершенно та же закономерность действует и по отношению к критериальной величине положительно, и н т е н с и в н о функционирующего социалистического воспроизводства: по отношению к уровню базовых розничных цен. В правильно развивающемся социалистическом хозяйстве он должен естественно и неуклонно понижаться, и это для наших условий такой же показатель здорового, организационно-технически прогрессивного качества экономического роста, как постоянное падение нормы фондовой прибыли при капитализме. Поэтому надо оставить чисто-"ярлыковые" по степени своей "научной" оснащённости разговоры о том, что советская экономика "сталинских" времён являлась-де "командно-приказной" и "экстенсивной"; напротив, в 1947-1954гг. был окончательно нащупан один из фундаментальнейших э к о н о м и ч е с к и х законов социализма – закон неуклонного понижения уровня определяющих потребительских цен, неотступное следование которому столь же "автоматически" обеспечивало бы интенсивный (а никакой не "экстенсивный"!) характер нашего народнохозяйственного развития, его восприимчивость к научно-техническому прогрессу и внутреннюю нацеленность на всемерное удовлетворение жизненных нужд н а ш е г о господствующего класса, трудящихся, – как обеспечивает это по отношению к классу капиталистов вся механика действия средней нормы прибыли в буржуазном, частнособственническом устройстве. Грубо-экстенсивной и раздираемой опустошительным волюнтаристски-бюрократическим прожектёрством экономику СССР сделала, – повторю ещё раз, – не какая-то выдуманная "консервация сталинской системы", но наоборот: именно то, что мы этой п р а в и л ь н о й (в её общих очертаниях) системе, полностью соответствовавшей имманентным экономическим законам нашей формации, тридцать с лишним лет не даём спокойно, беспрепятственно работать на благо народа и развиваться, реализуя таящиеся в ней огромные социально-творческие, социально-стимулирующие возможности.

По существу, "лаг" ежегодного снижения товаропотребительского ценового уровня – это для нас не что иное, как общий критерий народнохозяйственной эффективности, и если им разумно, с толком руководствоваться, то критерий этот так же диалектично "снимет" в себе и автоматически "развяжет" все наши прочие экономические проблемы, как максимизация фондовой прибыли "снимает" и "развязывает" их для капиталистического мира. Как капиталист мо-

жет,— фигурально говоря,— не беспокоиться об остальном, если у него хорошо растёт прибыль, точно так же и в социалистическом обществе, если регулярно "ползёт" вниз уровень розничных цен, то можно быть уверенным, что и всё остальное в народном хозяйстве "идёт, как надо".

В заключение коротко коснусь общего колорита тех "цифровых" — и, следовательно, подразумевающих опять-таки некую чрезвычайную "научность"— доказательств, которые выдвигает В.Белкин с целью внушить, будто политика методического снижения цен на товары массового потребления являлась, мол, чем-то "совсем не тем", нежели "чудилось" десяткам миллионов рядовых труженников Советской страны, активно и удовлетворённо пользовавшихся её плодами.

В.Белкин весьма язвительно упрекает меня, что о товарно-денежной сбалансированности в государстве и о некоторых других основополагающих аспектах ценовой политики правительства я сужу "по прилавкам московских магазинов". Каюсь,— я и впредь намерена поступать совершенно так же; и в этом моём "заблуждении" меня исчерпывающе укрепляет то, что аналогичным образом ведут себя, самое меньшее, 99 процентов моих сограждан. Если мы все шагаем не в ногу с В.Белкиным и его единомышленниками, то подходя по справедливости, это уж должна бы быть их забота, а не наша.

Сетования В.Белкина на мой "визуальный метод" выглядят примерно так, как если бы человек, придя в театр, принялся брюзжать, что-де все эти рыцари и прекрасные девы, сады и замки, владения короля Рене — это всё один сплошной обман, размалёванные тряпки и картон, а настоящая-то работа, в поте лица, кипит за кулисами, у машинистов, осветителей, костюмеров и т.д. Однако, в театр люди идут только из-за вот этой волшебной "видимости", которая возникает на узкой полоске сцены в сиянии софитов и которая на поверку есть не "видимость", но как раз та самая **реальность**, во имя каковой театр и существует. И никому среди публики не интересно, что происходит в пошивочной мастерской или в репетиционном зале, ибо если на сцене драгоценная "кажимость" не возникла, стало быть, и там пот проливали попусту. Так вот, прилавки магазинов именно и представляют собой ту последнюю "авансцену" экономики, где однозначно, "без права обжалования" выясняется резюмирующий итог, кто и как в общественном производстве работал; и создать повседневное устойчивое изобилие на этой "сцене" в порядке показухи, в отсутствие действительного, прочного товарно-денежного равновесия в хозяйстве столь же невозможно, как невозможно "ради показухи", "вдруг" замечательно исполнить оперу с безголосыми певцами и разболтанным оркестром. Если мы пришли в театр и слышим великолепное, слаженное, высокохудожественное исполнение,— не надо нам рассказывать, как трудились за кулисами и на репетициях: всё само собой понятно. Там бы не работали,— здесь, перед зрителем, такого бы тоже не образовалось.

Подобно этому и в хозяйственной жизни; если я каждодневно наблюдаю, как исчезают, рассасываются очереди в магазинах, как заполняются прилавки высококачественными и систематически дешевеющими продуктами (а именно

такой и была картина "запуска в ход" социалистической модификации стоимости в послевоенный период), – не надо мне, тов. Белкин, вдалбливать, якобы "в действительности сбалансированности не существовало". Экономика – не иллюзионистский аттракцион; чего в ней "в действительности" нет – тем изо дня в день, из года в год кормить двухсотмиллионное население не будешь.

Впрочем, В.Белкину – со всей очевидностью – гораздо более импонирует иное положение вещей, к которому народу пришлось притерпеться за те десятилетия, что нас тужилась убедить в своих "преимуществах" **фондовая** модификация товарно-денежных отношений: когда "визуально" приобретаемые массами сведения составляли разительный контраст с победным барабанным громом наших статистических учреждений и "политэкономическими" панегириками "развитому социализму". Вероятно, В.Белкин желал бы, чтобы мы, отправляясь в продовольственный, да и в любой другой магазин, доверяли не своим собственным глазам, а благодушно-умиротворяющим выкладкам Госкомстата. "Это прекрасные цифры, – иронизировала по данному поводу "Литературная газета", – и очень хотелось бы верить в них. Мешает одно – собственный опыт и некоторое знание элементарной арифметики. ... Например, ... обувь стала дороже на сущий пустяк – на одну десятую процента. Значит, кожаные дамские сапожки, которые двадцать лет назад покупали за 70 рублей, стоят не 120, не 140, а 70 рублей 7 копеек ... Скажите, пожалуйста, где тот универмаг, в котором брали цифры работники ЦСУ, и туда помчатся все женщины!"¹⁴

Со всей ясностью, в том же "универмаге" запася своей цифирью и В.Белкин (кстати, когда в полемике приводишь числовые показатели, полагается называть источники). Ибо нельзя воспринимать иначе, как пародию, набросанную им общую "панораму": с 1928 по 1940г. розничные цены увеличились почти в семь раз (откуда, тов. Белкин, это взялось?), с 1940 по 1947г. они ещё, будто бы, втрое подскочили; снижение цен на отрезке 1947–1954гг. (помогает В.Белкину О.Лацис) было ничего не значащей ерундой, вроде "сезонных распродаж"¹⁵, но вот уж после 1960г., – это когда темпы прироста сельскохозяйственного производства упали за отметку двух процентов, когда мы от политики экспорта зерна стабильно перешли к "политике" вынужденного его импорта, когда без малого в два раза подорожали основные продукты питания, а вскоре появились в ряде областей пресловутые "талоны" на их получение и началось регулярное "паломничество" за ними со всех городов и весей России чуть ли не в одну Москву, – вот уж тут воцарилась полная благодать и "сбалансированность спроса и предложения" достигла невообразимой ранее высоты. В.Белкин вспомнил, что при Н.С.Хрущёве был прекращён выпуск государственных займов, но увёртливо "запамятовал", что одновременно прекратились и выплаты по займам, выпущенным в предыдущие годы. А ведь в ту пору это гораздо чувствительней ущемило и обидело людей, нежели обрадовала отмена займов на будущее. Плата за обучение в вузах и старших классах средней школы исчезла

¹⁴ А.Рубинов. Что почём. "Литературная газета" от 15 апреля 1987г., стр.12.

¹⁵ О.Лацис. Сказки нашего времени. "Известия" от 15 апреля 1988г., стр.3.

не "тогда же", а значительно раньше, практически с началом Великой Отечественной войны.

Фарисейской является и "скорбь" В.Белкина по случаю "резкого сокращения", дескать, сбережений населения в результате денежной реформы 1947г. "Сбережения" катастрофически сократились лишь у разного рода ловкачей и махинаторов, известное количество которых неизбежно развелось в тяжкие военные времена. Денежные вклады на сумму до 3000 руб. (а их было абсолютное большинство) пересчитывались "один к одному", т.е. остались без изменений. Неизменной в новых деньгах осталась и зарплата рабочих и служащих, а равно все прочие трудовые доходы всех без исключения социальных групп. Реформа не только не нанесла ни малейшего ущерба материальным интересам трудящихся масс, но существенно улучшила их благосостояние ввиду повышения покупательной способности рубля.¹⁶ Освещение указанного мероприятия В.Белкиным – яркий образчик того, как посредством злобствующих недомолвок и передёржек из глубоко демократичной, теоретически тщательно проработанной и практически вполне удавшейся акции Советского государства делается едва ли не какое-то покушение на основы материального благополучия граждан СССР.

То же можно сказать и об очернительском изображении в статье В.Белкина положения советского колхозного крестьянства в те годы, – каковое положение, якобы, фактически ничем не отличалось от крепостного права. Все эти "ужасы" почерпнуты не из подлинной действительности советской колхозной деревни, а из писаний пасквилянтов типа Солженицына и его "последователей" в сегодняшней нашей литературе. Во время войны я маленьким ребёнком находилась с матерью в эвакуации в деревне, затерянной среди Муромских лесов, – в далеко не самом плодородном сельскохозяйственном регионе страны. Какие из нас были работники, – опять же недолго догадываться, что не самые спорые в колхозе. Тем не менее, по результатам так называемых "символических" трудовней нам привезли неподъёмную фуру разнообразного добра, вплоть до 15-тикилограммового бидона мёда, так что мы не только могли прокормиться, имея весьма куцее "приусадебное хозяйство", но, к великому сожалению, даже не сумели "мобилизовать" целиком тамошние наши запасы при возвращении в Москву. Никто при нас не собирался куда-либо уезжать из села, разве лишь молодёжь на учёбу. Массовое "бегство" людей из сельской местности разразилось не "при Сталине", а как раз со второй половины 50-х годов, – когда колхозникам (по-прежнему не имевшим паспортов!) вроде бы был, по В.Белкину, полный резон оставаться дома и наслаждаться дарованным им процветанием. Однако, разрушение колхозной демократии, бюрократизация управления сельским хозяйством, да и вообще всеми сторонами деревенского бытия, подрыв нормальных, органичных земледелию форм учёта и оплаты труда, волонтаристские "эксперименты" с приусадебными участками, насильственный сгон крестьян с

¹⁶ См., хотя бы: Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., "Высшая школа", 1978, стр.366-367.

насиженных мест под предлогом их "бесперспективности" и т.п., всё это перевесило, в глазах многих и многих, притягательность наступившей "лёгкой жизни", в которой прямая и понятная связь между реальной работой и реальным вознаграждением от года к году всё более размывалась и улетучивалась.

Таковыми же белыми нитками шита и прочая "агитация" В.Белкина за сохранение в неприкосновенности (и не только сохранение, а и усугубление) тех извращений, которые с конца 50-х годов оказались внесены в объективно-исторически присущие социализму принципы выявления общественной стоимости товаров, аккумуляирования дохода и построения системы цен. Если у нас что-либо с тех пор и "законсервировалось" деструктивно, и "стабилизировалось", превратившись в тормоз развития, то это именно указанные деформации, а не какие-то, вот уж и впрямь мифические, "прегрешения" партийно-государственного руководства, возглавлявшего социалистическое строительство в СССР в 30-е – 50-е годы.

До середины 50-х годов социалистическая плановая экономика в Советском Союзе продвигалась, в общем и целом, по стратегически верному курсу. Соединёнными усилиями марксистской теоретической мысли и практической политики партии была найдена характерная для социалистического строя модифицированная форма реализации закона стоимости, – а значит, механизм "смычки" и обоюдного мощного, эффективного взаимодействия социалистических структур собственности и конкретно-хозяйственных (товарно-денежных) отношений. Через установку на снижение розничных цен открылся способ органически слить, ориентировать в одном направлении интересы каждого отдельно взятого труженика и государства. Линия на поддержание цен на средства производства на низком "себестоимостном" уровне (плюс минимальная и приблизительно одинаковая по всему народному хозяйству "средняя прибыль") служила достаточно логичным рычагом экономического давления на изготовителя техники, – рычагом, побуждающим изыскивать пути лимитирования материалоёмкости, наращивания фондоотдачи, активизации научно-технического прогресса. Не "консервация", а безрассудный слом, в 50-х – 60-х годах, этого всемирноисторически нового и в точнейшем смысле слова антиэксплуататорского хозяйственного механизма явился причиной экономического и структурно-организационного тупика, в который страна упёрлась к исходу 70-х годов. Восстановление (на более совершенном "витке", конечно) вышеочерченной истинной экономической системности социализма, марксистски обоснованной и объективно-исторически предопределённой, – это неизбежность, причём благотворная и развязывающая, а не разрубающая, захлестнувшийся "гордиев узел" больших проблем. Хотящего она ведёт, не хотящего – тащит. Вот чтобы нас не "тащило" дальше по ухабистым обочинам истории, надо заставить слезть с "коня" нашей экономики всадников-неумёх, которые тридцать лет только рвут ему, как говорится, рот поводьями и не дают идти по торной дороге нормальным "рабочим аллюром".

Москва, апрель 1988г.

<http://cccp-kpss.narod.ru//arhiv/soprobes/vozvrat.htm>

Кандидат
философских наук
Т.ХАБАРОВА
Москва, январь 1988 г.

ИСТОРИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ

Письмо в "МОСКОВСКУЮ ПРАВДУ"
в связи со статьёй Е.Тихонова
"Панацея или ловушка?" –
– "Московская правда" от 11 декабря 1987 г., стр. 3.

Вряд ли следует сомневаться, что опубликованная "Московской правдой" полемика между кандидатом экономических наук Е.Тихоновым и Институтом экономики АН СССР послужит не умиротворяющим "разъяснением" или некоей консультацией для читателей, обуреваемых неразрешёнными вопросами и поистине обжигающими вестями с "экономического фронта", но вызовет лишь новое оживление, новую вспышку неутихающей дискуссии. Хотелось бы к этим обсуждениям присоединиться. Считаю, что газета поступила правильно, предоставив возможность подробно высказаться автору, ряд положений которого резко расходится с возобладавшей нынче в экономической науке точкой зрения. Остаётся лишь выразить надежду, что эта конструктивная линия не ограничится одним случайным "всплеском", но будет в дальнейшем продолжена.

Споры о роли прибыли в социалистическом хозяйствовании, её стимулирующих и экономически организующих потенциях не учитывают, – со всей очевидностью, – одной чрезвычайно важной, решающе важной в данном контексте вещи: историчности этой категории.

Прибыль – это, вообще говоря, денежное выражение стоимости прибавочного продукта. Сторонники наделения прибыли "особыми полномочиями" в социалистическом хозяйственном механизме аргументируют чаще всего так, что, мол, прибавочный продукт существовал и будет существовать всегда, ради этого возникает общественное производство, которое попросту теряет всякий смысл, если в нём не вырабатывается некий излишек над затратами. Их противники (как это делает, в частности, и Е.Тихонов) говорят о неадекватности прибыли как экономической категории социализму и ссылаются на трудноотрицаемые негативные, – если не катастрофические, – результаты более чем двад-

цатилетней (с 1965г.) ориентации на этот показатель в нашем народном хозяйстве.

Существо же дела состоит в том, что стоимость прибавочного продукта есть **величина, сохраняющая сугубо исторический характер и основательно меняющаяся по своей структуре от одной общественно-экономической формации к другой, подобно всем прочим производственным отношениям.** Конечно же, стоимость прибавочного продукта и для социализма, в его экономическом функционировании, должна иметь определяющее значение, и здесь "приверженцы прибыли" правы. Однако, в известном аспекте правы и их оппоненты, ибо ими "учуян" кардинальнейший промах: те, кто столько лет ратует у нас "за прибыль", берут её **в форме, конкретно-исторически социализму не свойственной.**

Собственно, во всём сказанном мною никаких необычайных новостей не содержится: это давнишняя проблема **социалистической модификации стоимости**, так и оставшаяся "подвешенной в воздухе" без удовлетворительного решения ещё со времён политэкономических дискуссий, предшествовавших реформам 60-х годов. Как складывается и проявляется стоимость при социализме, — в особенности её доходобразующая часть, стоимость прибавочного продукта (ибо с затратами всё более или менее ясно, они при любой общественной системе должны быть возмещены)? Согласованного, общепризнанного ответа на этот вопрос дано не было, а между тем, в отсутствие такого ответа все остальные экономико-теоретические (следовательно, и практические) поиски являются типичнейшим блужданием впотьмах. Раз не уточнена модификация стоимости, значит, нет и научно обоснованной **базовой модели цены**, а без твёрдого понятия о структуре цены, о чём ещё можно в товарной экономике говорить?

Впрочем, довольно обширная группа советских экономистов тогда же (т.е., лет около тридцати назад) защищала мнение, что социалистическая модификация стоимости была, в общих чертах, нашей народнохозяйственной и партийно-политической практикой найдена и что реализовалась она через тот экономический механизм, который в своём наиболее развитом виде выступил в период регулярного снижения опорных потребительских цен в 1947–1954 годах.

Скажу сразу же, что считаю этот взгляд в данном вопросе единственно и безусловно разумным и отвечающим действительности, и вот почему.

Модификация стоимости определяется способом формирования её доходобразующей составляющей (стоимости прибавочного продукта), а способ, каким в обществе консолидируется чистый доход, целиком зависит, в свою очередь, от производственного фактора, с которым связано господствующее отношение собственности.

Так, если в обществе господствует отношение земельной собственности, то подавляющая часть образующегося в общественном производстве чистого дохода будет экономически словно бы "налипать" на землю, — т.е., неизменно ока-

зываются в руках у землевладельца. Этому соответствуют и специфические формы аккумуляции богатства (разновидности земельной ренты), которые в большинстве своём прекращают существование за пределами феодального строя.

При буржуазном общественном устройстве на первый план выдвигается уже не земля, а капитализированные средства производства ("фонды"), стоимость прибавочного продукта принимает форму прибыли на капитал, процесс её консолидации подчиняется закону средней нормы прибыли. Дальше этого, увы, творческое воображение немалого числа наших политэкономов в последние десятилетия упорно не простирается: многие среди них никак не хотят понять, что при социализме стоимость прибавочного продукта аккумулируется, опять-таки, исторически уже совершенно иным способом, и "молиться" в социалистическом государстве на фондовую прибыль, пытаться воздвигнуть всё здание социалистической экономики на отношении "прибыли к фондам" – это всецело то же самое, как если бы кто-то пытался буржуазную экономику "упорядочить" на отношениях барщины и оброка.

Итак, – мы за прибыль, "за" прибавочный продукт, за его возможно большее количество и отменное качество, и пусть это служит регулирующим принципом жизнедеятельности социалистического общественно-производственного организма на всех его уровнях. С одним только существеннейшим уточнением: стоимость прибавочного продукта ("прибыль") в системе социалистических отношений собственности не должна и не может образовываться по типу "фондовой" прибыли и "цены производства", – у нас модификация стоимости конкретно-исторически уже совсем другая.

Но какая же?

Среди основных производственных факторов при социалистическом строе на авансцену выходят не земля и не материально-технические средства производства, а живой труд. Ведь господствует в обществе трудящийся, причём его гегемония – это гегемония не "собственника", но именно труженика, а в будущем, в перспективе – творца, т.е. свободно самореализующейся всесторонне развитой личности.

Стало быть, как в предыдущих формациях доход "налипал" на землю, потом на капитал, так теперь он должен "липнуть" преимущественно на живой труд. Впервые в истории внешнее обнаружение стоимости, её модификация, до такой степени совпадает с её внутренней сущностью, – ибо живой труд при любом хозяйственном укладе, на любой ступени развития производства является единственным конечным продуцентом стоимостного дохода, только эта его роль в досоциалистических, эксплуататорских обществах "не признана" ни экономически, ни политически. Теперь же она получает общественное признание, высветляется и структурно, институционально закрепляется как в "материи" производственных (базисных) отношений, так и на уровне надстройки.

Между тем, труд сам по себе не есть товар, и в царстве стоимостных, товарно-денежных зависимостей его фактически представляют средства воспроизводства рабочей силы – предметы народного потребления. Вот их-то совокуп-

ность и должна при социализме выступать главным экономическим "аккумулятором" стоимости прибавочного продукта: именно в ценах на потребительские товары должна содержаться преобладающая доля чистого дохода общества. Цены же на продукцию производственно-технического назначения (в принципе – на всё, что не является предметом непосредственного потребления) должны быть в существенной мере "разгружены", "освобождены" от доходобразующей компоненты.

Но не иначе и обстояли дела в нашем народном хозяйстве во второй половине 40-х – первой половине 50-х годов, когда достаточно чётко обрисовалась и начала обильно приносить свои благотворные плоды так называемая **двухмасштабная система цен** – наконец-то нащупанный фронтальный "выход" советской экономической науки и практики на социалистическую модификацию стоимости: т.е., на такую структуру, на такое "уложение" всей товарно-денежной сферы, которое столь же отвечало сути и перспективам развития социализма, как "вольный" фондовый рынок отвечает сути и перспективам развития капиталистического производства.

Двухмасштабная система цен (социалистическая модификация стоимости) в последующем подверглась злобствующим бессмысленно-очернительским наскокам, – в которых не сквозило ни грана понимания объективной экономической природы социалистического устройства, – и в период с середины 50-х годов по "реформу" 1965–1967 гг. оказалась практически нацело разрушена. Между тем, идейно-теоретическое и организационное открытие этой уникальной хозяйственной конструкции, одновременно и мощной, и удивительно "изящной", составило не меньшее достижение социалистического строительства в СССР, нежели обобществление аграрного сектора, индустриализация, культурная революция или функционирование советской экономики в годы Великой Отечественной войны. По существу, лишь после того, как был найден способ "лепить" общественный доход непосредственно на главенствующий в нашем (да и во всяком) производстве фактор – на живой труд, лишь после этого социализм вполне превратился в действительно новую историко-формационную целостность, где интересы трудящегося человека удалось "впечатать" на такую глубину, в такие заповедные недра экономического процесса, что не будь эта система в дальнейшем безответственно разгромлена, она поистине "автоматически", со "стихийной" силой работала бы на рядового труженика, подобно тому как буржуазная экономика "автоматически" работает на собственника капитала.

А отсюда, – по нашему твёрдому убеждению, – подлинной катастрофой для всего дела построения социалистического и коммунистического уклада в Советской стране явилась не надуманная "консервация сталинского механизма управления" (в каковой "консервации", якобы, особенно "повинна"... наша По-

беда над фашистской Германией в 1945г.)¹, – но напротив, катастрофой этой обернулся фактический разгром ключевых элементов "сталинского механизма", и в первую очередь, трактовки стоимости и цены.

Как известно, за десятилетие 1954–1964гг. произошли аварийные, можно сказать, смещения в динамике ведущих народнохозяйственных показателей, обозначилась и стала навязчиво принимать неудержимо-лавинообразный характер тенденция к падению темпов экономического роста, началось долговременное снижение фондоотдачи (соответственно, и "разбухание" материалоёмкости), – т.е., называя вещи своими именами, развернулся процесс **экстенсификации** экономики, в самом строгом и буквальном смысле этого определения. И это было следствие не какой-то зловерной и неистребимой саморепродукции негодного-де "сталинского механизма", но прямой, статистически констатируемый итог безрассудных волюнтаристских ударов по нему. Невозможно уразуметь, почему мы должны считать наше экономическое развитие "при Сталине" экстенсивным, "командно-приказным" и т.д., – если в те времена у нас национальный доход возрастал вдвое быстрее производственных основных фондов, а ныне (начиная с 60-х – 70-х годов) фонды растут вдвое быстрее национального дохода? До сколь же недобросовестной умственной эквилибристики нужно опуститься, чтобы такое экономическое положение, когда затраты вдвое обгоняют в росте конечный результат, изображать как "саморепродукцию" такого положения, когда конечный результат производства, наоборот, рос вдвое быстрее производительного аппарата?

В корне несостоятельны и обвинения по адресу "сталинских методов" в том, что они, дескать, являлись "административно-бюрократическими", а не "экономическими". "Сталинская" эпоха, – в особенности в её завершающий, послевоенный период, – ознаменовалась, как было уже сказано, кроме всего прочего также и нахождением **адекватной социалистическому общественному строю формы обнаружения и действия закона стоимости**. Но какие же ещё методы заслуживают возведения в ранг "экономических", если не те, которые опираются, – вот именно, – на вскрытие и использование объективных закономерностей общественно-экономического процессирования? И напротив того; с гораздо большей основательностью и непреложностью упрек в бюрократически-волюнтаристском распорядительстве следовало бы переадресовать тому явно ущербному, тупиковому развитию событий, которое уныло-однозначно протянулось в наши дни отнюдь не из "сталинских времён", но прямым с конца 50-х годов, – когда дали почувствовать себя первые разрушительные "эксперименты" по замене органичного социализму модификации стоимости на модификацию, самым решительным образом социализму **неорганичную** и несвойственную.

¹ См., напр., В. Дашичев. Приоритет разума. "Московская правда" от 16 июля 1987г., стр. 2.

Вернёмся несколько ближе к нашему рассуждению об исторических "перевоплощениях" стоимости прибавочного продукта.

Итак, в общественном устройстве, где политически утверждена власть трудящихся, чистый доход должен "скапливаться" по преимуществу в ценах на товары – "заместители" живого труда, т.е. на предметы массового потребления.

Следовательно, – социалистической **"трудоувой прибылью"**, извлекаемой в здоровом, плодотворном соответствии с объективными законами жизнедеятельности обобществлённой экономики, оказывается та часть централизованного чистого дохода государства, которая заключена в ценах предметов личного потребления под названием "налога с оборота" – названием, исторически закрепившимся, но никак не отражающим экономическую сущность данного платежа в условиях социализма. И не только не отражающим, но прямо затемняющим её, о чём в нашей экономической литературе не однажды говорилось.

Если слову "прибыль" придать вышеобрисованное значение, – что подлинной, правильно вычлененной "прибылью" (стоимостью прибавочного продукта) является при социализме экономическая величина, до сих пор ещё выступающая в качестве "налога с оборота", – то вот такую "прибыль" спокойно можно облекать всеми теми функциями и прерогативами, которые и ассоциируются традиционно с этим термином у представителей определённого ("товарного") течения среди наших экономистов.

Подобно тому, как при частнособственническом хозяйствовании чистый доход "липнет" на землю (в форме земельной ренты), затем на средства производства (в форме "фондовой прибыли"), – так "трудоува прибыль" в социалистических условиях консолидируется **в открытой, исторически более не затушёванной пропорции** к затратам своего исконного и суверенного продуцента – живого труда. "Трудоува прибыль", – поистине, – должна служить у нас и интегральным критерием эффективности производства, и всеохватывающим "автоматическим" балансиром и регулятором народного хозяйства. Но, – подчеркну ещё и ещё раз, – прибыль именно **трудоува** (носящая нынче не способствующий ни теоретической, ни практической ясности "шифр" налога с оборота). Пагубнейшая среди всех ошибок, которые можно тут совершить (и которая, к великому сожалению, в настоящее время на самом деле совершается), – это взять прибыль в исторически безнадежно устарелой, отжившей "фондовой" модификации и силиться "перестроить", "реформировать" весь наш народнохозяйственный процесс на столь фундаментально ложных предпосылках. Стоимость прибавочного продукта в облике "прибыли к фондам", "липнущей" на материально-технические издержки производства, – эта идея, действительно, социализму категорически противопоказана, и вот здесь-то как раз просматривается не преодоленный покуда "плацдарм", питающий чувство уверенности в своей правоте у экономистов-"антитоварников".

Как же работает социалистическая модификация стоимости?

Перенос основной массы чистого дохода общества в цены потребительского рынка и "освобождение" от активного участия в доходообразовании цен на машины и материалы прежде всего уже сугубо "экономически" приводят к колос-

сальному **снижению себестоимости** всей промышленной продукции в стране,— ибо в себестоимости любого промышленного изделия львиную долю составляют именно материально-технические затраты. "Себестоимостные" цены на средства производства,— с небольшой, жёстко ограниченной прибылеобразующей компонентой,— естественно рожают установку на их неуклонное **понижение**: ибо что же ещё следует делать с ценой, которая тяготеет к себестоимости изготавливаемой вещи? С очевидностью,— понижать; не вздуть же! Можем воочию пронаблюдать, как экономически здравая связь между ценой и себестоимостью материально-технических средств запускает в действие искомый **противозатратный механизм**: оптовая цена, в принципе, в перспективе подлежащая всемерному понижению, служит мощнейшим "прессом", который побуждает рационализировать производство, причём добивается этого, не прибегая к угрозе безработицы и банкротства. Такова подлинно-социалистическая механика **экономического принуждения** — достаточно строгая, но в то же время внутренне гуманная и не покушающаяся на жизненно-значимые завоевания рабочего класса.

Цепная реакция снижения себестоимости своеобразной "волной эффективности" прокатывается по народнохозяйственному целому и результирует в систематическом **падении себестоимости, а стало быть, и цены** определяющих товаров потребительского ассортимента.

Необходимо обратить всяческое внимание вот ещё на какой момент.

Стоимость прибавочного продукта — это величина **объективная**, она не может быть кем-то "установлена", не может появиться на свет посредством каких-то вычислительных процедур. Так, в капиталистическом хозяйстве она формируется под действием закона средней нормы прибыли, причём со всей непреложностью выступает тот факт, что средняя прибыль есть некая "стихийно" организующая **объективная данность** экономики, "благосклонная" к тем, кто улавливает её требования и подчиняется им, но совершенно "немилосердная" к тем, кто в её внутренней логике не ориентируется. Тенденция же нормы фондовой прибыли к понижению выражает собою исторически-прогрессивное, пока ещё способствующее общему экономическому подъёму направление производительного развития при капитализме.

Но ведь аналогичный механизм (аналогичный, однако никоим образом не идентичный!) должен действовать и в социалистическом товарном производстве; и у нас должна существовать какая-то первоисходная, отправная "объективная данность" всей системы стоимостных отношений, на которую мы могли бы опереться со своими планами и расчётами столь же прочно, как на динамику фондовой прибыли опирается капиталистическое предпринимательство. И здесь нам надо уяснить, наконец, что ввиду перемещения общего экономического и политического "приоритета" от капитала (овеществлённого труда) к труду живому, для нас искомой аналогией, искомой "критериальной данностью" хозяйствования оказывается **уровень розничных цен на важнейшие, основные товары, относящиеся к воспроизводству рабочей силы**. Уровень

базовых розничных цен – это для нас то же самое, что норма фондовой прибыли для хозяйствующих субъектов в капиталистических условиях.

Соответственно, и последовательное **с н и ж е н и е** уровня розничных цен, расчистка почвы для беспрепятственного проявления этой тенденции – для социализма ключевой вопрос долговременной экономической стратегии, не решив которого, мы попадаем примерно в такую же "бескомпасную" ситуацию, в какую погрузился бы частнопредпринимательский мир, если бы там вдруг "вывели из строя" механизм выравнивания прибыли на капитал.

Имеется только один источник, откуда при капитализме удаётся почерпнуть полновесную, экономически "здоровую", обеспеченную качественным товарным наличием прибыль: это вписаться как можно успешнее со своими издержками в более или менее независимо складывающуюся "цену производства" на изготавливаемый товар, – учитывая, что в общем случае норма прибыли в цене объективно снижается. Вот и мы должны понять, что для нас источник роста полновесного, экономически здорового и обеспеченного качественным товарным наличием общественного дохода также только один, причём совершенно аналогичный: это специфический "зазор" между **с н и ж а ю щ е й - с я** ценой конечной продукции и её более круто снижающейся себестоимостью.

Снова и снова акцентируем, что "критериальные" цены социалистического планового хозяйства – цены на главнейшие предметы воспроизводства рабочей силы – должны в рассматриваемой нами конструкции регулярно **п о н и ж а т ь с я**. Точно так же, как стойкое нарушение понижательной тенденции капиталистической прибыли свидетельствует о неблагоприятных явлениях в сфере технического прогресса, подобно этому и у нас, если базовые потребительские цены длительное время не в состоянии сдвинуться с определённой отметки вниз, – значит, народнохозяйственный комплекс функционирует **н е э ф ф е к т и в н о**, других доказательств и подтверждений общей экономической неэффективности не нужно, как и опровергнуть их ничто не может. Курс на снижение основных розничных цен в государстве трудящихся, – таким образом, – это проблема не просто "социальной политики" и тем паче не благотворительность властей по отношению к населению страны, но выполнение одного из непреклоннейших экономических "императивов" антиэксплуататорского устройства, который давно уже заслуживает быть осознанным именно как **з а к о н** хозяйствования на фундаменте общественной собственности, всецело равноправный с прочими своими "собратями" в семействе экономических законов социализма.

Кроме "трудовой прибыли" в форме налога с оборота, в социалистическую модификацию стоимости может включаться (как это и действительно имело место при "двухмасштабной" системе цен) известная часть прибыли "фондовой": это чистый доход государственных предприятий, консолидировавшийся по принципу так называемой "минимальной прибыли" в размере около 5% от

себестоимости выпуска. Резонным соотношением между трудовой и фондовой прибылью в социалистической экономике представляется приблизительно то, которое существовало на рубеже 40-х – 50-х годов, когда доля налога с оборота в денежных накоплениях народного хозяйства (помимо колхозов) достигала почти девяноста процентов. Но так или иначе, а достаточно заметная фондовая составляющая в чистом доходе социалистического общества практически всегда будет с неизбежностью присутствовать, и пути её наращивания – те же, что и для составляющей "трудовой": более крутое, опережающее снижение себестоимости продукции при с н и ж а ю щ е й с я оптовой цене.

И наконец, не следует думать, будто модификация закона стоимости при социализме подразумевает неперемutable принудительное снижение в с е х цен на рынке потребительских товаров; напротив, здесь открываются самые обширные возможности для гибкого ценового манёвра в зависимости от колебаний спроса и предложения. Линия на стабильность и методическое понижение должна выдерживаться лишь в отношении цен на предметы настоятельной необходимости, которыми очерчивается текущий "гарантированный" жизненный уровень масс. Если эта установка твёрдо соблюдается, то цены на изделия не массовидного, "престижного" потребления могут свободно "гоняться" за капризами моды; при условии, – однако, – что во-первых, не допускается затоваривания, а во-вторых, круг предметов, признаваемых "жизненно необходимыми", последовательно и неукоснительно расширяется и разнообразится. По той и другой группе товаров, – и с "фиксированными", и со "свободными" ценами, – налог с оборота должен вноситься в казну **только после конечной реализации товара фактическому, конкретному потребителю.**

Суммируя, – если у нас чистый общественный доход прирастает из следующих трёх экономических "мест":

а/ из опережающего снижения себестоимости основных потребительских товаров при стабильных или менее круто снижающихся розничных ценах на них;

б/ из опережающего снижения себестоимости продукции промышленно-технического назначения при менее круто снижающихся оптовых ценах на неё;

в/ через налог с оборота по товарам личного потребления, цены на которые подвержены влиянию "игры" рыночных сил, –

– то **такой** чистый доход (как бы его ни называть) может быть принят, да и объективно выступает, в качестве **критериального показателя** социалистического общественного производства. Нацеленность на его **максимизацию** явилась бы для нашей экономики в точности тем же, чем для частнокапиталистического хозяйства является ориентировка на максимизацию буржуазно-предпринимательской "фондовой" прибыли: мы совершенно так же учли бы (диалектически "сняли") в одном показателе и научно-технический прогресс, и экономию сырья, материалов, энергоносителей, комплектующих изделий, и рациональную организацию трудового процесса, и коммерческую расторопность, как для удачливого капиталиста всё "интегрируется" в росте прибыли на вложенный им капитал, – если она растёт, то и обо всём остальном можно с уве-

ренностью поручиться, что там "автоматически" царит полный порядок. Нетрудно убедиться, что именно такого рода картина витает перед умственным взором тех, кто категорически настаивает на "прибыли" как единственном и всеобъемлющем **критерии эффективности** социалистического хозяйствования. Да, – "прибыль", стоимость прибавочного продукта; но давайте всё же, товарищи, возьмём её в правильной, объективно-исторически присущей социализму форме. С другой стороны, предлагаемое решение удовлетворило бы, как кажется, и представителей точки зрения, получившей условное наименование "антитоварной": ведь они также никоим образом не "против" возрастания чистого дохода, просто они отчётливо видят, что "товарники", превознося чистый доход, в то же время крепко путают в вопросе о его конкретно-исторической м о д и ф и к а ц и и .

Скажу бегло, в двух словах то, что можно ещё "втиснуть" в исчерпанный мною "лимит" письма в газету.

Во-первых, – о перспективах в экономике, которые объективно нас ожидают. Они таковы: если нам суждено оставаться социалистическим государством, преодолев сегодняшний несомненный и тяжкий "кризис роста", то мы прежде всего должны будем **возродить и развить в нашей экономической жизни социалистическую модификацию стоимости**. Сделать это будет абсолютно необходимо, – хотя ко всему этому комплексу экономических методов и инструментов придётся применять эпитет "сталинский", который многим нынче столь не по душе.

Во-вторых; совершенно очевидно, – как ранее уже говорилось, – что теперешние наши беды проистекли не от выдуманной "консервации" и "саморепродукции" сталинского наследия, а как раз от неразумного, головотяпского р а з р у ш е н и я достигнутого страной к началу 50-х годов. Рядом волонтаристских, научно необоснованных мероприятий середины 50-х – середины 60-х годов, включая пресловутую "хозяйственную реформу", правильный м а р - к с и с т с к и й ("трудовой") принцип консолидации стоимости прибавочного продукта оказался фактически заменён у нас на принцип "фондовый", социализму в корне чужеродный. Цены на машины и оборудование, получив противоположаемую им при социализме нагрузку преобладающего участия в доходообразовании, безудержно полезли ввысь. Между тем, "критериальная данность" социалистической экономики – уровень ведущих розничных цен – устанавливается объективно, конкретно-исторически, стронуть его с наличной отметки "по своему усмотрению" и нелегко, и весьма рискованно.

Из-за этого, – из-за того, что не была принята во внимание **объективность и критериальность**, для нашего уклада, ценового уровня по средствам самовозобновления рабочей силы, – повсюду начался "нагон" производительскими ценами цен у потребителя и возникли мощные дотационные "эхинококки", буквально опрокинувшие экономику, сделавшие её похожей на человека, который слишком низко надел спасательный пояс и вместо того чтобы плавать вверх го-

ловой, плавают вверх противоположным концом туловища. Из-за этой же потери объективно фиксирующего ценового "пояса" экономической целостности произошла разбалансировка народного хозяйства, отрыв стоимостного выражения общественного продукта от товарно-материального. Неверно консолидируемый доход обнаружил себя как дутый, "фантомный", лишённый доброкачественного товарного наполнения. Следствие этого хорошо известно – дефициты, со всеми сопутствующими им "прелестями". Кстати, не могу согласиться, якобы утверждения Е.Тихонова о практической бездефицитности нашей экономики начала 50-х годов "некорректны". Если бы возможно было "машиной времени" воскресить любой, самый заурядный московский продовольственный магазин той поры, то нынешнему покупателю более молодого возраста он показался бы, – и по ассортименту, и по качеству товара, и по культуре торговли, – чем-то вроде закрытого "распределителя" для городской элиты.

И наконец, на полную мощь "включился в работу" **затратный механизм**. Ведь принцип независимого стоимостного "плодоношения" фондов не может быть вырван из той конкретно-исторической действительности, где он сформировался, и внесистемно пересажен в совсем иную социально-экономическую обстановку. Чтобы фонды (материально-технические средства) могли служить прибылеобразующим фактором, нужна неограниченная свобода межотраслевого и внутриотраслевого **перелива капиталовложений**, свобода действия "конвейера" отбраковки рыночно-неэффективных инвестиций. Но это означало бы и восстановление также вполне "свободного" **рынка труда**, т.е. безработицы. Принятие же всех этих трёх условий в их нерасторжимой, естественноисторической системной связи равнялось бы свёртыванию решающих социальных завоеваний пролетарской революции.

Однако, если рыночная конкуренция капиталовложений отсутствует и неэффективные вложения не могут элиминироваться, то фондовое доходообразование превращается в нечто всецело иррациональное: прибыль начнёт "липнуть" попросту на голую денежную стоимость вовлечённых в производственный процесс материально-технических ресурсов. А отсюда появится порочная нацеленность на искусственное раздувание объёма ресурсов, используемых в производстве, – иначе говоря, на раздувание материальных затрат. Но это и есть то самое зло, от которого экономика наша страдает со второй половины 50-х годов и которое сегодня мы клеймим под названием "затратного механизма". Излишне уточнять, что получаемая подобным способом "прибыль" немногим отличается от той, которая образовалась бы, если бы мы просто печатали ассигнации на любую желаемую сумму и выпускали их в обращение, не заботясь, имеется ли у них какое-либо товарное покрытие.

В заключение хотелось бы ещё раз со всей настоятельностью подчеркнуть, что исторический подход, взгляд на всякое явление как на развивающееся, исторически обусловленное и исторически определённое – это наипервейшее требование марксистской научной, в том числе и политэкономической, методологии. Чем скорее мы поймём, что категории, характеризующие товарно-денежные отношения, суть не какие-то абстрактные вневременные истины, но

должны быть рассматриваемы только в своей глубоко конкретной "заземлённости" на ту или иную историческую формацию и эпоху, — тем скорее сможем избавиться и от ошибок прошлого, и предотвратить новые, куда более "чреватые" ошибки, неудержимо накатывающиеся на нас всё по той же причине: из-за упрямого сохранения (вот уж доподлинно "консервации"!) и попыток дальнейшего культивирования фондовых схем в ценообразовании.

Мы напринимали законов, а **теоретических решений**, на которых, казалось бы, должны незыблемо основываться столь радикальные пертурбации в народном хозяйстве, — таких решений по целому ряду ответственных вопросов нет; причём, как ни странно, все совершенно спокойно этот факт признают, — как будто это самое естественное дело, играть жизненными интересами сотен миллионов людей на "базе" чьих-то чисто эмоциональных пристрастий и гадательных предположений, с грехом пополам облечённых в псевдонаучную форму. Чему и кому мы так спешим навстречу, — мстительному озлоблению кучки крикунов от "интеллигенции", вышедших из раскулаченных когда-то семей и теперь снедаемых никаким не "радением о благе Отечества", но единственно лишь подколодной жаждой "насолить", хотя бы задним числом, И.В.Сталину, пусть при этом окажется густо "насолено" и всему советскому народу? Разглагольствуем об "экономических методах", но между тем, можно ли представить себе худшее проявление капризного администрирующего своеволия, нежели с н а ч а л а издавать законы и принуждать публику им подчиняться, среди прочего и через прокуратуру(!), а уж п о т о м выяснять, имеются ли к этому какие-либо объективно обязывающие, научно доказательные предпосылки? А если ответ, диктуемый реалистическим марксистским анализом, прозвучит прямо противоположно тому, который при составлении закона "держали в уме"? (В действительности-то, кстати сказать, так оно и есть.) Что же, — опять подгонять научную аргументацию под априорные административные акты? Неужели мало этим занимались и недостаточно ещё горьки плоды подобного образа действий?

С вопросом о фактической нерешённости у нас проблемы социалистического модифицирования стоимости я, как автор, не единожды безрезультатно адресовалась, уже порядочно времени тому назад, в различные наши обществоведческие учреждения и "инстанции", среди них и персонально к академику-секретарю Отделения экономики АН СССР А.Г.Аганбегяну и директору Института экономики АН СССР Л.И.Абалкину. Невероятно, чтобы тот же Л.И.Абалкин или А.Г.Аганбегян "не понимали" исключительной, экстраординарной важности того, о чём идёт здесь разговор (пока, к сожалению, неконструктивно односторонний). Хотелось бы "приглашение" к открытой и честной, объективно неизбежной дискуссии попробовать повторить, ещё раз и самым настойчивым образом, через вашу газету.

<http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobes/eko/istorism.htm>

Кандидат
философских наук
Т.ХАБАРОВА
Москва, сентябрь 1979г.

В Госплан СССР
Начальнику отдела по внедрению
новых методов планирования
и экономического стимулирования
тов. Н.Е.ДРОГИЧИНСКОМУ

Затронутые политэкономические проблемы, в том числе:

– Диалектика "самоизживания" меновой стоимости.

В нашей экономической эволюции неизбежно должен наступить момент, когда стоимостной объём производства сперва замедлит свой рост, "зависнет" на определённой отметке, а затем начнёт свёртываться, на фоне непрерывно и энергично увеличивающейся массы реального вещественного богатства.

– Вопрос о локальной критерии эффективности в "двухмасштабной" экономической модели.

Предложение исчислять "плотность выпуска по потребительскому эффекту". Узаконить возможность сокращения объёма производства в стоимостном выражении, если стоимостная масса свёртывается в результате повышения её "удельной потребительски-полезностной плотности".

Принцип "снижения себестоимости у соседа справа".

Согласиться с "заключением", данным одним из сотрудников НИЭИ при Госплане СССР по моей работе "Способы "очистки" действующих планово-оценочных показателей..." я, естественно, не могу; поэтому мне представляется допустимой (а под определённым углом зрения даже и необходимой) повторная попытка привлечь внимание Госплана СССР к соображениям, которые в упомянутой работе изложены.

Сообщённое мне "заключение", – прежде всего, – продиктовано (и самым явственным образом) отнюдь не доводами научной объективности или коммунистически-партийной добросовестности и принципиальности, но всецело лишь требованиями поверхностно-"политической" конъюнктуры; подобный конъюнктурный догматизм в прошлом не однажды наносил тяжелейший ущерб интересам Советского государства, и вновь предоставлять "поле деятельности" этому глубоко отрицательному явлению, как кажется, вовсе ни к чему. Можно припомнить здесь, – хотя бы, – как предавалась анафеме, в своё время, и провозглашалась "серьёзным тормозом в развитии нашей экономики" отраслевая сис-

тема управления народным хозяйством. Между тем, в дальнейшем всё-таки пришлось к министерской системе возвращаться,— понеся внушительные и ничем не оправдываемые потери, которым немало способствовали конъюнктурщики, "научно" обосновывавшие политику вытеснения характерно-социалистических методов хозяйствования и всячески препятствовавшие нормальному общественному обсуждению критических разногласий.

В точности такое же положение,— как ясно всякому здравомыслящему человеку,— создалось нынче вокруг последствий "хозяйственной реформы"; затянувшийся "реформаторский" эксперимент, если и решил какие-либо "коренные проблемы" социалистического общественно-экономического развития, то разве лишь ту единственную, что послужил дорогостоящим (но убедительным) "наглядным пособием", которое всесторонне продемонстрировало всю глубину исторического разлома между капитализмом и строящимся коммунизмом,— иначе говоря, всю бесперспективность "рекультивации" буржуазных хозяйственных приёмов на социалистической почве.

Сегодня возвращение к "дореформенному" составу социалистических базисных отношений (возвращение, конечно, не предвзято-догматическое, не мелочное,— как и в работе у меня подчёркнуто,— но лишь на принципиальном, сущностном уровне) — это объективная неизбежность и необходимое объективно-историческое условие дальнейшего прогрессирования всей нашей общественной системы; чем скорее прекратится неразумное сопротивление этому **з а к о н о м е р н о м у** развёртыванию событий, тем меньший урон окажется, в итоге, причинён и экономике социализма, и его идеолого-политической жизни, и международному авторитету марксистско-ленинского учения.

Марксистский постулат "новая стоимость создаётся только живым трудом" в публикациях по назревшим планово-хозяйственным и политэкономическим вопросам сделался у нас последнее время сакраментальной, если можно так выразиться, фразой. Тем самым магистральное направление поисков (и неизбежных в будущем сдвигов) в деле перестройки планово-экономического механизма, думается, предрешено, и в качестве основной задачи здесь чётко обрисовался **переход от формирования прибыли соотносительно полной стоимости (по принципу "цены производства") к формированию её соотносительно затратам живого труда.** (Скажу,— к слову,— что простейшая констатация одного лишь этого факта уже оправдывает, с избытком, так "не понравившиеся" в НИЭИ утверждения о **банкротстве** реформы 1965/67гг., поскольку центральная политэкономическая "идея" реформы именно и заключалась в беспочвенных и не выдержавших практической проверки вымыслах, якобы при социализме главенствующим источником прибыли служит труд овеществлённый.)

Стало быть, в этой части, на этом (впрочем, пока ещё весьма абстрактном) "этаже" между нами разночтений нет; отраднo, что экономисты-теоретики наши, вкyпе с планово-хозяйствующими органами, хоть и по прошествии четырёх

надцати лет пустопорожнего "экспериментирования", но оказались вынуждены признать, наконец,— во всех относящихся сюда вещах прав был всё-таки Маркс.

Следующим шагом здесь необходимо должна выступить,— вот этому-то моя работа и посвящена,— реабилитация другой "затерянной истины" марксизма в политической экономии: что единственным возможным способом извлечения социалистической "трудовой прибыли", или прибыли, сознательно формируемой пропорционально затратам живого труда, является схематика ценообразования, не совсем удачно именовавшаяся у нас некогда "налогом с оборота"¹.

В свою очередь, чтобы по-настоящему понять специфически-производственную, "затратную" (а не распределенческую, как может показаться на первый взгляд) природу этой экономической категории (налога с оборота), надо уяснить ещё один существеннейший момент: прибыль, сознательно формируемая пропорционально затраченному труду, не возникает "на местах", в масштабах обособленной хозяйствующей ячейки. Между тем, ныне многие,— насколько удаётся усмотреть,— представляют себе взимание "пропорциональной труду" прибыли в таком свете, что её следует начислять (подобно тому как делается сейчас) по каждой относительно обособленной производственной единице, в известной пропорции к фонду, скажем, заработной платы,— или ещё к какому-либо параметру, предположительно характеризующему затраты рабочей силы в качестве доходобразующего фактора. Вышеописанное представление, однако, совершенно ошибочно, и будет крайне при-
скорбно, если ради засвидетельствования этой его ошибочности,— которую легко выявить путём непродолжительной разумной дискуссии,— затеется очередной расточительный "эксперимент" в натуре, лет так на двенадцать.

Суть проблемы тут такова.

Социалистическое обобществление средств производства предпринимается с целью воспрепятствовать эксплуатации рабочего, эксплуатации (как раньше часто говорили) человека человеком: только ради этого партикулярные лица были лишены права распоряжаться факторами производства по своему произволу, и весь процесс применения рабочей силы (вопросы установления величины заработной платы, протяжённости рабочего дня, создания надлежащих условий труда и т.д.) перешёл под мощнейший государственно-централизованный контроль. Социалистическое государство выступило единственным распорядителем совокупной рабочей силы и через эту свою правогарантную роль констатировало и подтвердило, что труд, в процессе его конкретного применения (вот именно "на месте"), не может быть предметом манипуляций, служащих извлечению чьего-то частного дохода.

Мы должны получить здесь,— разумеется,— отношение материальное, а не "идеологическое" (по классификации В.И.Ленина): отношение, вы-

¹ В письме не говорится напрямик о сталинской экономической модели,— да и сам этот термин был мною предложен значительно позже, в конце 90-х годов. Но и Н.Е.Дрогичинскому, и любому мало-мальски сведущему экономисту, которому данная работа попала бы в руки, не могло не быть с первого взгляда ясно, о чём тут идёт речь. /Т.Хабарова, 2015г./

ражающееся не в словесных или чисто-юридических запретах, но в запретах **структурных**, в общественно-материальной, структурной невозможности делать то, что отныне обществом "запрещено". Структурная "перегородка" вот такого свойства (причём, перегородка весьма прочная) и была окончательно водружена, когда у нас догадались: если мы решительно не хотим манипуляций, на локально-производственном уровне, доходом от применения рабочей силы, **не надо, чтобы этот доход там – на локальном уровне – вообще и возникал**. С тех пор формирование трудовой прибыли – в значительнейшей её части – оказалось по видимости словно бы "передвинуто" из непосредственно-производственной сферы в сферу распределения, а это резко, качественно сократило возможности манипулятивного, "негосударственного" (но постольку и антигосударственного) распоряжения трудом, равно как прочими производственными факторами, по всему необозримому множеству локальных объектов народного хозяйства.

Следует отчётливо представлять себе, – напротив, – что любые попытки вновь "локализовать" процесс прибылеобразования, вернуть его назад в хозяйственные ячейки, "подправив" кажущееся смещение, – любые такие попытки могут иметь (и покуда неизменно имели) лишь один, всецело губительный результат: они разрушают ответственнейшую, с огромным напряжением найденную и отлаженную **базисную конструкцию**, в отсутствие которой **антиэксплуататорский характер** нашего строя грозит выродиться из **материального общественного отношения** в отношении чисто-"идеологическое".

* *
*

С принятием схемы **"налог с оборота плюс "бесприбыльные" ("перекошенные вниз") цены на средства производства"**² в экономике нашей, – в определённый исторический период, – утвердился, таким образом, материально оформился **подлинно-социалистический принцип конституирования дохода от общественно-производительной деятельности**. Методы ведения хозяйства, сложившиеся на его основе, глубоко соответствовали общим, сущностным перспективам эволюции **отношения "рабочая сила"**, – которое пока остаётся ядром всего комплекса отношений "социалистического присвоения", социалистической собственности.

Социализм, – тем более когда он побеждает в стране со сравнительно невысокими "стартовыми" показателями индустриально-экономического развития, – не может сразу "отменить" ("уничтожить", как говорили классики³) **абстрактный труд**, или **труд – "рабочую силу"**, являющийся первопричиной того, что в общественное производство функционирует как товарное. Абстрактный труд – это труд несамоцельный, не ставший главной, всеподчиняющей

² Т.е., с принятием **сталинской модели**, повторяем ещё раз. /**Т.Хабарова**, 2015г./

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр. 78.

жизненной потребностью индивида (а по общему правилу и неспособной ею стать, ввиду внутренней ущербности, "бесчеловечности" своей исторически сформировавшейся деятельностной структуры).

Абстрактный ("отчуждённый") характер труда,— когда труд не есть жизненное призвание личности и не предпринимается ради него как такового, но лишь "в обмен" на какие-то иные блага,— абстрактный характер труда с неизбежностью провоцирует известное отчуждение между средствами производства и трудящимися, специфическое "равнодушие" (в большей или меньшей степени, конечно) трудящегося к судьбе средств производства и столь же специфическое, исторически-вынужденное "самоустранение" масс от активного участия в управлении общественно-производственным процессом. Средства производства при социализме,— постольку,— ещё допускают, "терпят" заметную (а в разные кризисные моменты и весьма значительную) элитаризацию распоряжения ими, которая внешне выступает как бюрократизация управленческого аппарата (его "бюрократическое извращение"). Совокупность всех вышеочерченных обстоятельств привела к тому, что первая фаза коммунистической общественно-экономической формации была родоначальниками научного коммунизма определена как строй лишь "фабричного" равенства между гражданами — единицами "рабочей силы", в противоположность коммунистическому фактическому равенству свободно развивающихся носителей творческой способности.

Вся проблема воссоздания "полного коммунизма" и состоит,— как лишний раз можно удостовериться,— в общеэкономическом, технологическом и структурно-правовом преодолении базисного отношения "абстрактный труд" (труд — "рабочая сила"); поскольку реализация человеческой способности к труду по принципу "рабочей силы" лежит в фундаменте товарно-денежных зависимостей, то указанную базисную "программу-максимум" коммунистического строительства нередко формулировали как необходимость "избавиться" от товарного производства. Между всеми представимыми здесь формулировками ("изжить" абстрактный труд, "изжить" товарно-денежные отношения, вытеснить соединение производителя со средствами производства по типу "рабочей силы" соединением по типу "творческой способности" и т.д.),— между всеми этими формулировками никакой концептуально-значимой разницы, а тем паче противоречия, нет.

В ходе построения коммунизма меновая стоимость подвергается "атаке" как бы с двух флангов: и "сверху", по линии всемерного политико-правового развития самого трудящегося, развязывания его инициативы как главного элемента производительных сил и субъекта всего процесса общественного производства; и "снизу", по линии научно-технического прогресса, который последовательно "очищает" экономику от технологически архаичных рабочих мест, где у работника отсутствует какая-либо возможность проявить себя в качестве творческой индивидуальности.

Сошествие меновой стоимости со всемирноисторической "сцены" нельзя, конечно, рисовать себе так, что она в один прекрасный день будет упразднена

особым декретом. Скорее, она "отомрёт" постепенно, через неуклонное сокращение фактически обращающегося в обществе её количества; и социализм в данном аспекте,— как общественный строй с высокоразвитым товарным хозяйством,— именно тем от капитализма отличается, что фундаментальнейшая объективно-историческая тенденция к "вымиранию", "уничтожению" отчуждённых форм труда и трудовых отношений о д н о р о д н а ему, внутренне ему присуща не просто в виде стихийно действующей закономерности, но и как сознательно избранная, сознательно преследуемая цель.

В нашей экономической эволюции,— постольку,— неизбежно должен наступить момент, когда стоимостной объём производства сперва замедлит свой рост, "зависнет" на определённой отметке, а затем начнёт свёртываться, на фоне непрерывно и энергично увеличивающейся массы реального вещественного богатства. (Между прочим, есть все основания полагать, что момент этот,— если бы не "реформа",— у нас давно бы уже наступил.)

Следовательно,— коль скоро такова окажется схема наращивания национального богатства,— такова же должна быть и динамика доходобразующего производственного фактора: она должна обеспечивать увеличение массы высококачественных жизненных благ и удовлетворение денежных запросов государства, но всё это при условии не беспредельного вздувания, а систематического о г р а н и ч е н и я стоимостных объёмов вырабатываемой продукции.

Подобную динамику доходобразования может гарантировать лишь такой производительный агент, который в процессе "принесения дохода" не п р и б а в л я е т (строго говоря) что-то к своей собственной стоимости, первоначально вовлекаемой в процесс, т.е. не "дорожает" сам, а наоборот — д е ш е в е е т и удешевлением этим словно бы "освобождает", в качестве продукта для общества, всё более весомую часть некоего — исторически так или иначе выясненного и устоявшегося — стоимостного объёма. "Самодешевеющий" источник прибыли,— который способен одновременно обогащать общество и в стоимостном, и в натуральном выражении, неуклонно "минимизируя" при этом суммарный объём меновой стоимости в народном хозяйстве,— такой источник прибыли и есть ж и в о й т р у д , р а б о ч а я с и л а , к о г д а г л у б и н н ы м з а к о н о м е р н о с т я м е ё " п л о д о н о ш е н и я " п о з в о л е н о , н а к о н е ц , п р о я в и т ь с я в ч и с т о м в и д е⁴: когда консолидация прибавочного продукта непосредственно, напрямик увязана с трудовыми затратами, не застревая на "превращённых",— по Марксу,— элитаристски-"фондовых" его формах.

Подытожим здесь вкратце, что социализм — это строй, при котором стоимостные законы (прежде чем общественно-историческая сцена будет вовсе ими покинута) проявляются в своей наиболее чистой и рациональной версии: прибавочный продукт сознательно конструируется обществом в определённой пропорции к затратам рабочей силы. А поскольку "в чистом виде" рабочая сила производит доход исключительно тем своеобразным

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.26, ч. I, стр. 6.

способом, что непрерывно дешевеет (теряет стоимость!) сама, социалистическая организация народнохозяйственного процесса и пролагает путь к постепенному возобладанию в экономике высших, нестоимостных форм богатства над стоимостными, к созданию **материального изобилия** и к "растворению" навсегда любых общественных отношений, в которых труд ещё "отчуждается", ещё выступает как средство получения неких других благ, но не как естественное и единственно-благодетельное "заполнение" гармоничной человеческой жизни.

Сейчас я "набираю", – как легко заметить, – дополнительные аргументы в защиту тезиса, что **механизм формирования и извлечения социалистической прибыли** (ведь мы же сами не упускаем случая подчеркнуть её существенно иное содержание по сравнению с прибылью капиталистической, или "**фондовой**"), – что механизм формирования и извлечения социалистической прибыли **не может действовать в локально-производственном масштабе, но только в рамках экономики как целостности, как единого народнохозяйственного комплекса.**

Средства производства, когда они применяются в качестве капитала, "плодоносят" таким образом, что возвращаются из воспроизводственного процесса, "приплюсовав" некую сумму к своей первоначальной стоимости; по крайней мере, так это выглядит эмпирически, на поверхности частнособственнической системы хозяйствования.

Маркс показал (удивительно, насколько прочно у нас это теперь "забыли"), что подобная формула "плодоношения фондов" есть феномен **общественно-иллюзорный** (фетишистский), обусловленный частнособственническим характером их присвоения, и что в действительности единственным "плодоносным" фактором здесь является живой труд; причём (и это чрезвычайно важно) истинная динамика его продуктивности **противоположна** той, которой по видимости обладает капитал. Секрет продуктивности рабочей силы отнюдь не в том, что она в воспроизводственном процессе "наращивает" на себе прибыль; напротив, продуцируемый ею доход есть разность между её, так сказать, "полезностной оценкой" – той стоимостью, которая образует "потребительную ценность" живого труда и измеряется продолжительностью рабочего времени, – и оценкой "затратной", измеряемой стоимостью жизненных средств трудящегося.

Продолжительность рабочего дня – величина, социально сугубо-"неэластичная"; на текущий момент она исторически стабилизировалась где-то в районе восьми часов, и надо отдавать себе отчёт, что рабочий, при какой угодно фондовооружённости, не произведёт **стоимости существенно больше**, чем восемь часов общественно-усреднённого, "стандартного" для сложившихся экономических условий труда (хотя, несомненно, масса производимого им **вещного богатства** регулярно возрастает). Сказанное касается и совокупной рабочей силы общества, вместе взятой, которая также неспособна произвести ни на йоту больше новой стоимости, нежели восемь часов общественно-усреднённого труда, помноженного на количество работников.

Между тем, даже и осознав прекрасно этот свой "стоимостной потолок", разумно функционирующее общество вовсе ещё не лишается систематической прибавки стоимостного дохода; от устabilизировавшегося "стоимостного потолка" государство может богатеть дальше, реально подняв производительность труда и его качество, через интенсификацию как правового, так и инженерно-технического своего развития. Сдвиги в фактической производительности труда позволят выпускать более обширную массу подешевевших потребительских благ, что снизит стоимость воспроизводства рабочей силы, снизившаяся "затратная оценка" рабочей силы (стоимость её воспроизводства), будучи общественно "вычтена" из её суммарной "полезностной оценки" (суммарной новой стоимости, создаваемой в экономике и определяющей "стоимостной потолок"), освободит для социалистического государства большой прибавочный продукт в стоимостном исчислении (помимо того, — напомним, — что прибавочный продукт возрос и в исчислении натуральном). Сумма же заново образующейся в общественном производстве меновой стоимости пребывает прежней (а со временем, когда весь вышеописанный механизм вполне отладится, можно начать последовательно, планомерно — хотя и осторожно — "уступать" подспудно нажимающему на нас универсально-историческому закону её экономической и политической "самоликвидации").

Обратим внимание здесь, что в рационально функционирующем стоимостном хозяйстве — т.е., в хозяйстве социалистическом — **снижение "затратной оценки" (стоимости воспроизводства) рабочей силы** является берёт на себя роль **макроэкономического критерия эффективности**: коль скоро за отчётный период (за год, скажем) рабочая сила не "подешевела", — иначе говоря, не удалось снизить цены на основные предметы потребления, — значит, общественное производство в рассматриваемом периоде было неэффективно, не обеспечивало надлежащий рост государственных доходов и жизненного уровня населения. Снижение же "цены воспроизводства" живого труда невозможно уяснить в пределах хозяйственной единицы, где труд непосредственно применён, — по той простой причине, что рабочая сила, вот именно, там **не воспроизводится** (но только **потребляется** сама); воспроизводится она в другом месте — на рынке потребительских товаров, вот туда-то должно быть перенесено (как это и делалось по схеме "налога с оборота") окончательное формирование **трудового дохода общества**, если общество всерьёз намерено лишь на **собственном труде**, а не на манипуляциях вокруг труда, основывать своё благосостояние.

Некоторых во всём этом сугубо озадачивает кажущийся ценообразовательный "разнобой": часть цен в народном хозяйстве получается "доверху загружена" централизуемым прибавочным продуктом, другая же часть (цены на средства производства) содержит прибавочный продукт в гораздо более скромных размерах, — ранее определявшихся как "чистый доход предприятия". ("Оптовые цены предлагается строить без компоненты прибавочного продукта", — явно не-

одобрительно замечает по этому поводу автор "заключения", поступившего из НИЭИ при Госплане СССР.)

Считаю необходимым,— в данной связи,— всесторонне, всячески подчеркнуть: при нормальном социалистическом ценообразовании (к которому мы, рано или поздно, неизбежно должны будем вернуться) цены на средства производства содержат новую стоимость лишь в неких весьма условных и ограниченных количествах; но это отнюдь не означает, что при таком решении вопроса мы берём "не весь" прибавочный продукт или берём его "не везде, где можно". Совсем напротив,— при подходе с позиций "трудовой прибыли в чистом виде" мы извлекаем, в качестве прибавочного продукта, максимум того, что реально можно взять, и не взимаем прибыль лишь там, где её в действительности **нет**, где попытки извлечь её привели бы только к засорению экономики "фиктивными стоимостями", к раскручиванию инфляционной спирали и к разрастанию в государстве откровенно-паразитического "элитизма".

Всякий прибылеобразующий фактор "возвращается с прибылью",— в конечном итоге,— лишь с того рынка, где он воспроизводится сам; если его производительной потенции недостаточно, чтобы возобновлять себя самого, то никаких "прибытков" от него, естественно, ждать не приходится. Средства производства (используемые как капитал) "самовозобновляются" на инвестиционном рынке — в производственном процессе как таковом; рабочая сила восстанавливает себя не в процессе инвестирования, а на рынке потребительских благ и услуг, там и выясняется досконально, насколько она была за истекший отрезок времени эффективна.

С целью "самовозобновления" на товаропотребительский рынок регулярно поступает **вся** рабочая сила, весь **реально-производительный потенциал** общества: и тот, что занят в производстве средств производства, и тот, что занят в отраслях, имеющих прямое касательство к народному потреблению. Весь общественно-продуктивный потенциал (а не треть его или половина) регулярно, тщательно и безошибочно измеряется на "своём" воспроизводственном рынке: измеряется строго по тому параметру, в котором воплощена его производительная динамика (по стоимости своего воспроизводства), и — во вторых — строго через те и только те экономические реалии, которые к данному рынку относятся, конструируют его (через стоимостные и натуральные объёмы товарных масс, участвующих в воспроизводстве рабочей силы, через действующий здесь механизм цен).

Совершенно неправильно подозревать поэтому, будто мы чего-то "недополучили", если в цены на средства производства не насовали "прибавочного продукта". Ведь рабочая сила,— единственный подлинно-"плодоносящий" агент, занятый в тяжёлой промышленности,— регулярно посещает потребительский рынок и имеет широчайшие возможности на опыте проверить, насколько весомо действительно предоставленный ею обществу прибавочный продукт: если товаров, услуг, культурных ценностей не прибавилось, качество их не улучшилось и они не сделались доступней, значит, общественный **техничко-**

производственный аппарат (включая капитальное строительство, транспорт и пр.) функционировал не совсем так, как хотелось бы. Средства производства, в огромном своём большинстве, изготавливаются не ради них самих, они должны служить подъёму благосостояния народа; они "прибыльны" лишь постольку, поскольку снижают "затратную оценку" рабочей силы, "выходя" так или иначе на рынок её возобновления,— а вовсе не в том выражается их общественная производительность, что к их собственным ценам понаприписывали чисто денежный, бумажный "прибавочный продукт", не обеспеченный никаким реальным приростом товаропотребительского наличия. Совсем не по тому судят о работе,— скажем,— театра, насколько умаялись люди за кулисами; если на сцене скука, этого более чем достаточно для исчерпывающего и стопроцентно объективного суждения.

Следует безусловно отклонить возможное возражение, будто обратные связи в экономике при такой постановке дела чересчур длинны (для тех же, хотя бы, работников тяжёлой индустрии); подобная экономическая политика у нас проводилась, и мы знаем, что она позволяет снижать потребительские цены ежегодно, а это ничуть не длиннее, нежели многие принятые ныне циклы "местного" материального стимулирования. С одним только немаловажным уточнением,— что цикл, замыкающийся на ежегодное общегосударственное снижение розничных цен, характеризует действительный, "честный" вклад локальных коллективов в реализацию основного экономического закона социализма и тем самым взаимосочетает интересы государства, хозяйственных ячеек и работников как индивидов на здоровой, предопределённой к развитию платформе; что же касается цикла, замыкающегося на расхватывание премий внутри предприятия, он вполне может быть обязан своим процветанием какой-либо вредоносной, антиобщественной практике (типа систематической корректировки планов) и способен лишь противопоставлять локальный и индивидуальный интерес государственному, а не создавать необходимый органический контакт между ними.

* *
*

Скажу несколько слов касательно утверждения, будто "возрождение прежних принципов ценообразования приведёт к вытеснению экономических методов управления чисто административными, волевыми решениями".

Методология, в соответствии с которой строится управление народным хозяйством, заслуживает называться научной — или "экономической" — лишь в том случае, если она опирается на познание сущностных (иначе говоря, базисных) закономерностей экономики, если в ней уловлены и предугаданы объективно неизбежные трансформации главного, системообразующего базисного отношения — способа соединения трудящегося со средствами производства.

В социалистическом обществе детерминантным базисным отношением является **соединение трудящихся со средствами производства по принципу "рабочей силы"** (по принципу **формального равенства**); причём, отношение "рабочая сила" здесь действует "в чистом виде": в условиях, когда средства производства взяты в государственную собственность и тем самым устранена рыночная конкуренция капиталовложений – мощнейший фактор, замутняющий "чистоту" основанных на действии "рабочей силы" стоимостных (товарно-денежных) механизмов. Судьба принципа "рабочей силы", всемирноисторически, – это, как было предуказано классиками марксизма-ленинизма, его постепенное "самосворачивание" и замещение принципом фактического равенства ("творческой способности").

Система хозяйствования, узловыми пунктами которой выступали формирование прибавочного продукта **пропорционально труду**, а не "капиталу" (налог с оборота),

"бездоходные" цены на постоянные фонды, как результат поистине очистительного и вразумляющего "возвращения" механики прибылеобразования **на рынок воспроизводства действительного прибылеобразующего агента**,

снижение стоимости воспроизводства прибылеобразующего агента (рабочей силы) как макроэкономический критерий эффективности, –
– указанная система хозяйствования⁵ **полностью отвечала** исторически закономерным тенденциям сущностных, качественных изменений в основном базисном отношении социализма, она **к о н ц е п т у а л и з и р о в а л а** эти тенденции теоретически и **и н с т и т у ц и о н и р о в а л а** их практически, а постольку являла собою вовсе не царство каких-то "волевых решений", но **подлинно-научную** и **единственно-научную** совокупность приёмов управленческого контроля над социалистическим общественно-экономическим процессом.

Между тем, в то время как "рабочая сила" в условиях социалистического огосударствления средств производства и необходимость подняться от неё к некоему более высокому типу собственности – всё это составляет **общественно-материальную действительность** нашего строя, его "базисную субстанцию", – в то же время отношения, на которые уповала "хозяйственная реформа" (производительность фондов, средняя норма прибыли и пр.), при социализме **попросту не существуют** и не могут быть (ввиду своей эксплуататорской природы) реставрированы напрямик, но разве только под прикрытием разных псевдо-"научных" увёрток и самой беспардонной демагогии.

Менее всего, – таким образом, – совершившийся в результате "реформы" переход был заменой "волевых решений" "экономическими методами"; как раз напротив – **марксистски-научные, подлинно экономические схемы управления народнохозяйственным целым** оказались изгнаны в угоду **манипулятивному волюнтаризму**, за которым стояли и стоят выморочные бур-

⁵ Т.е., опять-таки, сталинская модель. /**Т.Хабарова**, 2015г./

жуазно-реставраторские фикции, а не базисная реальность социалистического общественно-производственного развития.

Соответственно,– и возобновление "прежних" (т.е. **марксистских**) принципов народнохозяйственной организации приведёт ни к какому не "вытеснению", якобы, "научных начал" в плано-управленческой деятельности, но послужит, единственно лишь, к радикальному оздоровлению социалистической экономики, к преодолению теперешнего застоя в ней и к предотвращению дальнейшего разброда, ныне ежедневно и ежечасно вызываемого "экономическими" сюрпризами манипулятивных "методов" и "показателей".

Маркс говорил некогда: "Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты".⁶

Со всей ясностью,– в НИЭИ при Госплане СССР также склонны разделять по данному вопросу точку зрения не Маркса, но критикованных им буржуазных вульгаризаторов; только это и проглядывает в безапелляционных заявлениях, якобы подход, ориентированный на **прибавочную стоимость в чистом виде** (или на открытое, общественно-сознательное соотнесение величины прибавочного продукта исключительно с затратами живого труда) помешает-де работе "таких важнейших экономических стимулов и рычагов, как хозяйственный расчёт, прибыль, цена".

Спрашивается,– в самом деле, почему та же прибыль может служить надёжным "экономическим рычагом", только если она "фондовая", цена – только если она сконструирована по схеме "цены производства"?

Схема "налога с оборота",– в равной (если не большей) степени,– заключает в себе, объективно, и требование скрупулёзнейшего **экономического расчёта**, и **прибыль**, и процесс **построения цены**, и совокупность тонких, разветвлённых зависимостей, взаимовлияний между ними; вся разница лишь в том, что названные категории фигурируют здесь не в буржуазно-фетишистском, "превращённом" (но отсюда и **антисоциалистическом**) облике, а в форме, отражающей принципиальные закономерности эволюции социализма и постольку **адекватной** ему. Адекватные же экономические инструменты, основательней воспроизводящие общественно-материальную динамику социалистического устройства, уж никак не могут быть менее "действительны", нежели инструментарий, который позаимствован,– мягко говоря,– совсем из другой общественной формации.

Мы помолчим уже касательно того щекотливого обстоятельства, что "действительность" фондовой прибыли, вкупе с обслуживающими её производными показателями, вообще являет собою стопроцентный миф.

"... ни один из основных показателей, регулирующих хозяйственную деятельность, по существу **не способствует экономии средств, ресурсов, не нацеливает на повышение эффективности, действительный рост производительности труда**. Единственное, что достигается в результате действия этих

⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.26, ч. I, стр. 6.

критериев, – рост выпуска продукции. Но, к сожалению, чаще всего любой ценой."⁷

"Действующая система показателей планирования и оценки производственно-хозяйственной деятельности объединений и предприятий **недостаточно стимулирует освоение выпуска новых видов продукции и применение прогрессивных технологических процессов.**"⁸ Сплошь и рядом она обнаруживает себя, попросту, "главной преградой", "существенным тормозом расширенного внедрения прогрессивной технологии".⁹

"... некоторые предприятия и объединения ... в ущерб плановой номенклатуре и ассортименту изделий перевыполняют планы производства за счёт выпуска более дорогой и менее трудоёмкой продукции. Это /т.е., перевыполнение!– Т.Х./ отрицательно сказывается на сбалансированности планов в процессе их выполнения, на устойчивости хозяйственных связей и работе смежных предприятий."¹⁰

"Типичное явление: завод, выполняющий план по общей стоимости продукции и на этом основании относящийся к числу "хороших", по одним номенклатурным группам задания перекрывает, а по другим – проваливает. Возникают неурядицы, нарушается работа многих предприятий-смежников."¹¹

"Материальные затраты ... выступают в качестве прибылеобразующего фактора. Следовательно, **чем больше в себестоимости изделий израсходованных ресурсов, тем больше в оптовой цене прибыли** на единицу живого труда." "Такова сущность многих отрицательных явлений, порождаемых действующими оценочными показателями, которые искажают подлинный результат производственной деятельности предприятий."¹²

"Отсюда удорожание продукции, рост планового фонда заработной платы, не подкрепляемый соответствующим ростом производительности труда. **Всё это может быть и выгодно предприятию, но отнюдь не государству.**"¹³

"... предприятиям при существующей системе планирования и экономического стимулирования невыгодно очень многое из того, что выгодно – и необходимо!– обществу в целом."¹⁴

"В итоге **вместо сочетания интересов возникло противоречие между интересами общества в целом и интересами коллективов предприятий и объединений.**"¹⁵

⁷ В.Соболев. Не только объём. "Правда" от 17 октября 1977г., стр.2. Курсив мой.– Т.Х.

⁸ Г.И.Вашенко. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1976 год. "Известия" от 3 декабря 1975г., стр.2. Курсив мой.– Т.Х.

⁹ Н.Лобачёв. Курсом бережливости. "Правда" от 31 мая 1979г., стр.2; М.Иванов, Ю.Чирво, В.Шестопап. В двух измерениях. "Правда" от 11 января 1978г., стр.2.

¹⁰ Н.И.Масленников. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы. "Известия" от 30 октября 1978г., стр.3.

¹¹ Н.Лобачёв. План и договор. "Правда" от 19 сентября 1976г., стр.2.

¹² С.Военушкин, Л.Валентинов, Е.Белов, Ю.Миронов. По реальному вкладу. "Правда" от 7 января 1978г., стр.2. Курсив мой.– Т.Х.

¹³ Я.Турчинс. Оплата по результатам. "Правда" от 6 июня 1979г., стр.2. Курсив мой.– Т.Х.

¹⁴ Л.Лопатников. Ответ... без ответов. "Литературная газета" от 18 мая 1977г., стр.11.

В моей записке "Способы "очистки" действующих планово-оценочных показателей..." и в настоящей небольшой разработке об узаконенном нынче показателе "чистой продукции" говорится, – как нетрудно подметить, – "в прошедшем времени", хотя он внешне только начинает свою народнохозяйственную "карьеру". Скептицизм в отношении упомянутого критерия, – как мною прежде уже разъяснено, – основывается на том, что "чистая продукция" всецело обременена главным пороком и главным заблуждением сегодняшней нашей экономической теории и практики: **фондовой прибылью**; но постольку и негативных явлений в экономике, вызываемых (почти исключительно) **фондовым принципом прибылеобразования**, никак нельзя надеяться с помощью "чистой продукции" устранить.

В печати у нас этот существеннейший, коренной дефект вновь предлагаемого показателя (общий ему с непосредственным его "предшественником" – объёмом реализации) не однажды обсуждался.

"Чистая" продукция, кроме собственных затрат, включает в себя ещё и прибыль. А она ... зависит от стоимости сырья и материалов, то есть опять же от затрат прошлого труда."¹⁶

"... чистая продукция должна подвергнуться дальнейшей "очистке". Искажения, которые получаются в результате применения показателя "чистой продукции", в значительной мере обусловлены тем, что **прибыль определяется пропорционально всем издержкам производства. Хотя создаётся она только живым трудом, а материальные затраты лишь переносят свою стоимость на вновь созданный продукт.** ... Установление же прибыли **пропорционально заработной плате** позволит значительно "очистить" чистую продукцию ..."¹⁷

"Думается, надо изменить ... методику ценообразования – прибыль устанавливать **по отношению не к себестоимости, включающей материальные затраты, а к полной заработной плате.**"¹⁸

"... принятый метод формирования прибыли в цене по нормам к полной себестоимости создаёт у производителей заинтересованность в повышенном расходе материальных ресурсов." "... прибыль должна формироваться **по нормам к затратам на обработку, а не к полной себестоимости.**"¹⁹

"... прибыль определять **в процентах ... к заработной плате.**"²⁰

¹⁵ Ф.Ковалёв. Стоимостные показатели продукции и производительности труда. "Вопросы экономики", 1977, №8, стр.52. Курсив мой.– Т.Х.

¹⁶ П.Дерунов. За конечные результаты. "Правда" от 18 апреля 1977г., стр.2.

¹⁷ Д.Валовой, Ю.Воронов. Собственный труд. "Правда" от 10 августа 1978г., стр.4. Курсив мой.– Т.Х.

¹⁸ А.Деминов, Ф.Потапенко, В.Коваленко. "Валу" пора в отставку. "Правда" от 27 сентября 1977г., стр.2. Курсив мой.– Т.Х.

¹⁹ Ю.Мунтян. Совершенствование системы показателей продукции. "Вопросы экономики", 1976, №6, стр.17, 23. Курсив мой.– Т.Х.

²⁰ А.Бачурин. Задачи ускорения роста производительности труда. "Вопросы экономики", 1978, №8, стр.13–14. Курсив мой.– Т.Х.

Следует, несомненно, целиком согласиться с цитированными авторами касательно главного – что прибыль "создаётся лишь живым трудом" и что начисляться она должна, постольку, **соответственно затраченному живому труду**; практически не подлежит сомнениям и то, что стартовавший, наконец, процесс "очистки" общеэкономических регулятивов заставит вернуться к "трудовому" прибылеобразованию со всей (им уже обнаруженной) внутренней принудительностью. Снова и снова подчеркну, однако, что картина установления прибыли "в процентах к заработной плате" по каждому хозяйственному объекту в отдельности – политэкономическая ошибка; трудовой принцип конструирования цены неизбежно означал бы и "реабилитацию" налога с оборота, ибо **эти вещи суть синонимы**. С возобновлением марксистской "трудовой" политики дохода (если её, понятно, строить правильно)

прибылеобразование естественно "перебазируется" на рынок воспроизводства живого труда,

цены на постоянные фонды автоматически лишаются "компоненты прибавочного продукта",

народнохозяйственным критерием эффективности оказывается **периодическое снижение розничных цен** (снижение "издержек воспроизводства" рабочей силы как эксплицитно признанного прибылеобразующего начала).

Вопрос, которого придётся теперь коротко коснуться, – это задание **локального критерия эффективности** в только что очерченной системе (системе, – как мы бы её определили, – **демократически централизованного стоимостного хозяйства**, не упуская из виду, что возможна централизация и эксплуататорская, элитарная). Мы ведь говорили уже, что возврат к старому не должен быть догматически-"цитатным", а вопрос о локальном критерии эффективности во всей "дореформенной" организации хозяйствования как раз и выглядел, пожалуй, наименее убедительно.

В общественном производстве, – прежде всего, – сохраняются покамест и играют огромную роль товарно-денежные отношения, поэтому от какого-то объёмно-стоимостного показателя, аналогичного валу и объёму реализации, никуда не денешься. Страдаем мы не от стоимостной природы подобных показателей как таковой, а от того, что стоимость у нас получается внутренне "бесструктурная", "безразличная" к конкретным путям и методам её "заполнения".

Между тем, стоимостные объёмы можно весьма удовлетворительно "структурировать", если связывать их с полезным эффектом у потребителя изготовляемой продукции и исчислять, отсюда, нечто вроде **"плотности выпуска по потребителю эффекту"**. Можно, к примеру, – насколько удаётся усмотреть, – брать удельные эксплуатационные издержки у потребителя изготовляемой техники (во что обходится потребителю, в эксплуатации, единица – или некоторая "блок-единица" – полезного параметра машины) и с этой "потребительской удельной стоимостью" машины соотносить известным образом (через производительность машины) рубль выпуска у предприятия-изготовителя; причём, считать дозволенным и даже естественным **падение денежного объёма выпуска у предприятия-изготовителя**, если **суммарный полезный эффект**, дос-

тавленный в распоряжение потребителя, не изменился или (что ещё лучше) увеличился.

Следовало бы тогда, – вообще, –

– отказаться от планирования и учёта в народном хозяйстве, на его локальном уровне, "бесструктурных" стоимостных масс;

при определении любого локально-производственного стоимостного объёма обязательно выяснять его "плотность" по характеристическому полезному параметру той продукции, к которой данный объём относится;

поощрять наращивание стоимостных объёмов производства только при условии, что росту производимой стоимости сопутствует увеличение (или по крайней мере сохранение) её плотности по критериальному параметру продукции;

расценивать как сигнал неблагополучия стоимостной рост, не сопровождаемый соответствующим же ростом (или хотя бы сохранением) "потребительски-полезностной насыщенности" выпуска;

узаконить возможность сокращения объёма производства в стоимостном исчислении, если стоимостная масса свёртывается в результате того, что её удельная потребительски-полезностная плотность" (количество вырабатываемого полезного эффекта на рубль, положим, выпуска) повысилась.

Сами по себе поиски в направлении увязки объёмно-стоимостных характеристик выпускаемой продукции с её потребительским эффектом, разумеется, не новы; так, упомянем хотя бы предложения вычислять "показатель "оптимизированной эффективности"": "соотношение объёма реализации продукции в натурально-качественном измерении и этого же объёма реализации в денежном выражении".

"... это означает ограничение сверху объёма реализации в денежном выражении или в сущности ограничение сверху цены изделия. ... рост прибыли в этом случае допустим только ... за счёт опережающих темпов снижения себестоимости, но никак не за счёт роста цен. Можно даже утверждать, что рост прибыли при ограниченных сверху и снижающихся ценах, как оптовых, так и розничных, – это коренной признак социалистических товарно-денежных отношений. Он открывает возможности для роста материально-технического богатства общества при одновременном снижении цен."²¹

Впрочем, по большинству своему попытки напрямик увязать производственно-затратные измерения с выгодой потребителя пребывают, покуда, в плену стереотипов "фондового" мышления, которое ориентирует не столько на максимизацию "массы конечного эффекта" (а в этом, единственно, и заинтересовано социалистическое общество), сколько на вздувание промежуточных, "служебных" результатов – стоимостных объёмов у предприятий-изготовителей; причём конечный потребительский эффект сплошь и рядом оказывается не целью (как ему подобало бы) всей производственной деятель-

²¹ Н.Егиазаров. Цель производства и показатели. "Правда" от 20 сентября 1977г., стр.2. Курсив мой. – Т.Х.

ности, но лишь средством к наращиванию "пустых", манипулятивных стоимостных масс, грубо "разжиженных" по критериальному параметру продукта.²²

Между тем, стоимость значима отнюдь не как аморфное, бесструктурное количество, но именно благодаря специфической густоте, вязкости своей "потребительской консистенции"; не что иное происходит и в капиталистически-рыночной экономике (если уж присматриваться к тамошнему хозяйственному опыту), где выигрывает всегда тот предприниматель, который или выносит на продажу большой полезный эффект при неизменных издержках изготовления, или продаваемый эффект у него существенно возрос при издержках, увеличившихся не столь ощутимо. В обоих случаях преуспевающий капиталист сумел на единицу собственных производственных затрат предложить потребителю больше выгод и удобств, нежели это смогли сделать другие. Авансированная стоимость у него имеет повышенную "полезностную плотность", она более рационально "организована по конечному эффекту"; вот эта-то более рациональная, более плотная "полезностная структурализация" выпуска (а не прибыль как таковая) и является здесь подлинным критерием эффективности производства.

Сама же капиталистическая прибыль – феномен, скорее, социально-"тормозной"; она возникает как следствие того, что буржуазные собственники не дают распространиться закономерной "цепной реакции" инженерно-технических усовершенствований и повышения эффективности: не дают этой цепной реакции прокатиться" по народному хозяйству, вплоть до её естественного "пункта назначения" – рынка воспроизводства рабочей силы, где она могла бы широко и благотворно воздействовать на подъём жизненного уровня трудящихся. Собственник капитала устраивает как бы "запруды" перед "потокм повышения общественной производительности"; он "отгибает к себе" львиную долю объективно-общественного экономического эффекта, и достижения, плодами которых по-настоящему должен был воспользоваться труд, реализуются в качестве чьей-то партикулярной, паразитической наживы. Сколь невообразимая нужна степень "теоретического" ослепления и практической безответственности, чтобы подобную схему паразитически-"элитного" перераспределения плодов чужого труда десятилетиями пытаться "привить" социалистической стране, – привить любой ценой, хотя бы методы этой авантюристической "акклиматизации" выглядели (и на деле оборачивались) сплош-

²² "Теперь уже, – пишет В.М.Гальперин, – не прирост капиталоемкости должен окупаться экономией текущих затрат, а, наоборот, экономия текущих затрат должна непременно "покупаться" за счёт прироста капиталоемкости, т.е. цены машины. ... чем больше экономия текущих расходов при использовании новой машины вместо базисной, тем якобы дороже может быть сама новая машина." (Цена и хозяйственный расчёт в системе управления социалистической экономикой. Изд-во Ленинградского ун-та, 1975, стр. 115.)

"... чем экономичнее новая техника по эксплуатационным расходам, ... тем якобы дороже может быть сама новая техника." (В.Гальперин. Эффективность и цены новой техники. "Вопросы экономики", 1977, №3, стр. 11.)

ным, причём абсолютно безрезультатным насилием над экономической и политической системностью социализма.²³

В социалистических условиях волна "полезностного уплотнения вновь создаваемой стоимости" (реакция повышения эффективности) должна беспрепятственно "прокатываться" по экономическому целому, от одних его звеньев к другим, и подытоживаться на рынке товаров массового потребления – через снижение издержек воспроизводства рабочей силы, как первоисточника, который её, собственно, каждый раз и порождает. Свободное "пульсирование" волны эффективности послужило бы, – кроме всего прочего, – тем самым общественно-материальным процессом, на базе которого социалистический экономический организм мог бы сегодня преодолеть ведомственно-местнические тенденции и подняться на новый качественный уровень своего развития как внутреннего естественноисторического единства.

Всякое чисто-манипулятивное "улучшение" своих показателей предприятием-поставщиком – будь то неоправданное разбухание материалоёмкости продукции, "экономия" на трудозатратах в ущерб качеству, завышение цены, несоблюдение номенклатуры, отклонение новаторских инженерно-технических решений (причиняющих "лишние хлопоты") и пр., – все такого рода вещи, как превосходно известно, немедля обнаруживают свой манипулятивный характер, едва только продукция попадает в руки потребителя. Вряд ли можно назвать такую манипуляцию поставщика, которая не потянула бы показатели потребителя вниз (подчас болезненнейшим образом); разве лишь они условились манипулировать вместе, но это случается сравнительно редко. По общему правилу, на любом предприятии, – даже если там непрочь "нахимичить" с собственной продукцией, – не очень-то радостно встречают продукцию со следами подобной же "химической обработки", произведённой где-то в предыдущих звеньях общественно-технологической нити.

Суть происходящего здесь в том, что в показателях потребителя итоги производственной деятельности изготовителя **объективно "сняты"**: вручая продукцию потребителю, поставщик выносит её "на суд общества", она применяется на практике, и тут выясняется подлинная её общественная ценность. Можно выдать некачественную технику за "прогрессивную", покуда она ещё не покинула заводской территории поставщика, но когда она очутилась

²³ Среди наших авторов, на эту тему – о неприемлемости при социалистическом хозяйствовании "критериев эффективности", которые являются топорным, беспомощно-эпигонским слепком с различных модификаций фондового (т.е., по существу частного и личного, "элитно"-группового) дохода, – на эту тему много и убедительно писал А.И.Кац; назовём здесь его работы: О неправильной концепции экономических расчётов. "Вопросы экономики", 1960, №5; Динамический экономический оптимум. "Экономика", М., 1970; Запоздалые признания и бесплодные заимствования. "Плановое хозяйство", 1972, №№7, 9–10; О динамической оптимизации социалистического экономического развития. "Коммунист", 1977, №11.

в цехе у потребителя, нельзя "уговорить" её работать хорошо, если в действительности она к этому, так сказать, не предназначена.

С переходом продукции в распоряжение потребителя возникает, таким образом, по поводу этой продукции **материально-контролирующее отношение**, в котором **объективно** (т.е. независимо от пожеланий участвующих в нём сторон) отсеивается всё, что ранее было привнесено не в результате действий "по существу предмета", а посредством каких-либо ухищрений. Материальное общественно-производственное отношение, однако, – коль скоро оно уловлено, – это естественная почва, на которой может (и должен) быть учреждён работоспособный, научно-обоснованный экономический показатель. Ведь "научная обоснованность" руководства экономикой в этом только и заключается, чтобы отыскивать в ней **материальные** (а не манипулятивные) зависимости и именно на них (а не на "ложных связях" паразитического манипуляторства) строить систему регулирующих планово-оценочных величин.

Суммируя, – решение проблемы **локального критерия эффективности при "трудовом" (марксистском) ценообразовании** могло бы выглядеть приблизительно так:

общий объёмно-стоимостной показатель уточняется – и очищается от манипуляторских наслоений – через выяснение его **"удельной потребительски-полезностной плотности"** (соотношение, которое должно выявлять, сколько единиц полезного параметра продукта и по какой "потребительской" – эксплуатационной – цене приходится на единицу производственных затрат изготовителя);

если принцип соизмерения конечного потребительского эффекта с затратами у изготовителя распространить на показатель себестоимости, это, – как нетрудно видеть, – будет практически равнозначно предложению планировать, наряду со снижением себестоимости собственной продукции, также (не исключено, что и в основном) **снижение себестоимости продукции, которую выпускает потребитель** при посредстве поступающих от изготовителя материалов, техники, комплектующих изделий и т.д.²⁴

* *
*

Возражения, которые в НИЭИ при Госплане СССР только и удалось подыскать против отстаиваемого мной марксистского подхода к наиболее обострившимся вопросам сегодняшней нашей хозяйственной политики, в общем-то свелись к тому, что указанный подход, – как бы парадоксально сие ни

²⁴ "Сегодня, – правильно заметил на недавнем пленуме МК КПСС О.А.Королёв, – уже недостаточно добиваться повышения эффективности только собственного производства, необходимо добиваться повышения эффективности в народном хозяйстве от использования изготавливаемой каждым предприятием продукции." К дальнейшему повышению производительности труда. "Московская правда" от 23 августа 1979г., стр.2.

звучало,— "не санкционирован" XXV съездом КПСС. Скажу (рискуя злоупотребить Вашим вниманием) по этому поводу следующее.

Съезды партии выпускают не евангелия и не скрижали Моисея, а хозяйственно-политические установки, истинность которых (как и любых полноправных творений человеческого разума) определяется не самым фактом, что их одобрил такой-то партийный съезд, но зависит единственно лишь от того, насколько результативны они оказались при их практическом применении. Между тем, практическое применение целого ряда установок,— которые апеллировали, в удостоверение своей "непререкаемости", к авторитету нескольких последних партийных форумов,— практическое их применение засвидетельствовало (с исчерпывающей полнотой), что проблемы болезненно назревшего качественного продвижения вперёд в нашем общественно-экономическом и общественно-политическом развитии решению с их помощью, по существу, не поддаются.

Слава богу, мы отнюдь не на XXV съезде услышали впервые о "соединении воедино" государственных и личностных интересов, о необходимости "брать (и, конечно, выполнять) напряжённые планы, экономить ресурсы, снижать себестоимость", "быстрее осваивать новые виды изделий, выпускать продукцию высокого качества и в нужном ассортименте"; изображать всё это как задачу, только ещё "поставленную" XXV съездом,— попросту политическая передёржка. На подступах (причём, весьма расплывчатых) к вожделенным рубежам "напряжённых планов", избытка разнообразной, высококачественной и экономичной в изготовлении продукции, снижающейся себестоимости, бурного научно-технического прогресса и т.д. народное хозяйство страны топталось,— стреноженное "реформой",— почти десятилетие до последнего съезда партии. Мало сказать — топталось, но и откатывалось назад, в смысле эффективности регулярного своего функционирования; "напряжённые планы", "бережливое расходование ресурсов" и прочие эйфорические миражи "хозяйственной реформы" как были, так и поныне полностью относятся к области благих намерений, реально же в экономике наличествовала все эти годы (и в Госплане это знают гораздо лучше меня) прямо противоположная картина; о чём,— по моему глубокому убеждению,— и следовало говорить на партийном съезде, а не замалчивать справедливую критику, не упорствовать в подгонке фактической ситуации под желаемую и не делать вид, якобы цели, которых пытались и не смогли достичь, только ещё "поставлены".

Во всём совершившемся (и ещё продолжающем, к сожалению, совершаться) нет, конечно, ничего неожиданного, поскольку "идея" капиталистического, эксплуататорски-элитарного ("фондового") доходообразования в экономике социализма, навязанная авторами "реформы" Советскому государству,— "идея" эта никогда не являлась, не может быть и впредь не будет общепартийной точкой зрения, концепцией, которая подобала бы ленинской партии как таковой. Сделать буржуазно-рenegатскую компиляцию "марксизмом" не в силах никакой съезд, никакой вселенский собор; перед нами здесь не общепартийная, марксистски-обоснованная программа благотворных для

народа социально-экономических мероприятий, но **безусловно фракционное, сектантское, антинародное уклонение от марксизма**, которое узурпировало статус общепартийной трактовки, широко прибегнув в этих целях к безотказным "методам" подавления критических выступлений, направленных **на существо проблемы** (а не создающих наигранный "накал" вокруг второстепенных и третьестепенных деталей).

Считаю, – открыто ставить на обсуждение **то, что есть**, оперируя единственно фактами, а тем более тщательно проработанными научными аргументами, – это не только не "нарушение" какое-то партийной дисциплины, но прямой **граждански-политический долг** всякого честного коммуниста и марксиста; дисциплина в партии марксистов-ленинцев и вообще в социалистическом государстве не может зиждиться на неразумии, низкопоклонстве, боязни высказать классово-политическую истину, коль скоро она кому-то "неудобна". Сколь бы острой, "драматичной" ни выглядела критика, – если она свободно облекается в правовую, конституционно узаконенную форму, она представляет собою **правовое явление**, а отсюда требует **правового отношения**, к себе, т.е. рассмотрения её по **её конкретному существенному содержанию**, и не должна трусливо "проскрибироваться" на том лишь "основании", что ход мыслей автора шире, нежели некий негласно предписанный шаблон.

Возвращаясь напоследок к "фондовым" политэкономическим и хозяйственно-политическим искажениям, – партии нашей, несомненно, предстоит в недалёком будущем и такой съезд, на котором эти антисоциалистические "теории" (естественно, и произросшая из них разрушительная "жизненная практика") получат заслуженную марксистскую оценку; так что и по линии адекватного отображения нашими партийными съездами прогрессивных социально-исторических закономерностей развития советского общества наметившаяся здесь прискорбная "неравновесность", – не приходится сомневаться, – будет, наконец, в принципе фиксирована и преодолена.

Мне представляется, что первоначальное Ваше предложение (относительно моего предыдущего обращения в Госплан СССР), – "рассмотреть указанную работу с участием автора", – будь оно осуществлено, не в пример более соответствовало бы общим интересам, нежели писание необъективных заглазных "рецензий", которые уж чересчур явно преследуют цель не способствовать дальнейшему анализу **нерешённой** (Вы и сами знаете, что нерешённой) проблемы, но лишь заслониться от человека, поднимающего проблему под "непривычным" на сей день углом. Самое обилие, – однако, – внутренняя логичность и уверенная "заземляемость" научной аргументации, проистекающей от подобного "непривычного" поворота, должны убеждать, – мне кажется, – что предмет для обсуждения здесь был и остаётся, и что игнорирование этого **фактического положения вещей** (как и любое вообще "игнорирование" жизненной реальности) не идёт на пользу делу. Позволю лишь себе заметить, что не вижу никакой необходимости сообщаться с Вами через посредство Вашего НИЭИ; ибо, – признаюсь откровенно, – случилось как-то так, что попадавшие мне в руки труды под грифом упомянутого учреждения вызывали у меня, своим идейно-

теоретическим уровнем, разочарование (а подчас недоумение),— в противоположность трудам ряда работников Госплана СССР. Позволю себе также просить Вас ознакомить с моими письмами заместителя председателя Госплана СССР, непосредственно ведающего работами Вашего отдела.

<http://www.cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobles/letters/drogich.htm>.

Канд. филос. наук,
председатель Идеологической комиссии
Всесоюзного общества "ЕДИНСТВО"
Т.ХАБАРОВА
Москва, июль 1990г.

СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

НА ПЕРВЫЙ, поверхностный взгляд — это практически одно и то же, чем и объясняется идейно-теоретическая "напряжённость", возникшая вокруг данной проблемы в последнее время. И здесь, и там собственность на основные средства производства — в руках государства.

В чём же разница? Самый общий ответ гласит:

разница заключается,— прежде всего,— в том, какова классовая природа государства, которое держит в своих руках средства производства.

Но это ответ пока ещё весьма абстрактный. Надо более конкретно разобраться, **как именно** государство (в роли собственника средств производства) проявляет или реализует свою классовую сущность в сфере экономических отношений.

Средства производства сами по себе ни для кого особого интереса не представляют. Однако, кто ими владеет, тому принадлежит львиная доля создаваемого в общественном производстве дохода. Вот это важнее всего, и этот момент нужно постоянно учитывать: что любая форма собственности работает всегда только "в паре" с соответствующим механизмом аккумуляции и распределения дохода.

Но отношения, которые "заведуют" в экономике формированием и распределением дохода, это и есть **рыночные** (или товарно-денежные, стоимостные) отношения, группирующиеся вокруг закона стоимости. Ведь никакого дохода от производственной деятельности нельзя получить, покуда изготовленный товар не продан на рынке.

Как же выполняют товарно-денежные отношения эту свою экономическую и в то же время классовую функцию: направлять образующийся доход строго в руки собственнику средств производства? Если присмотреться внимательней, то нетрудно заметить: доход всегда "упакован" в экономическом процессе так, что реально извлечь его и воспользоваться им может только тот, кому принадлежит решающий для данных конкретно-исторических условий производственный фактор (комплекс средств производства).

Так, при феодальном строе практически весь вырабатываемый в обществе доход поступает, в конечном итоге, собственникам земли. При этом доход принимает специфическую конкретно-историческую форму **феодальной ренты**. В буржуазном обществе доход поступает владельцам обращённых в частную собственность материально-технических средств и принимает форму **прибыли на капитал**. Типично капиталистический закон "средней нормы прибыли" не действует в рамках феодального строя, точно так же, как при капитализме доход не может извлекаться в форме феодальной ренты, т.е. барщины и оброка.

Механизм формирования и распределения дохода (механизм "рынка", или, как мы её нередко называем, "модификация закона стоимости") играет в экономике не меньшую роль, чем сам по себе тип собственности на средства производства. При определённом типе "рынка" не имеет существенного значения, является ли собственник средств производства индивидуальным или коллективным, ассоциированным.

Так, средневековые монастыри в ряде стран представляли собой своего рода коллективных феодалов. Своеобразным "ассоциированным феодалом" зачастую выступало крепостническое государство, располагавшее, — как, например, в России, — особыми "государственными" крестьянами и землёй. Надеемся, всякому понятно, — оттого, что эти крестьяне принадлежали государству, а не феодалу-"одиночке", и здесь имел место известный вид государственной собственности, от всего этого никакого "социализма" ещё не возникало. Совершенно неправильно связывать государственную собственность на средства производства преимущественно (или даже исключительно) с социализмом. Нельзя во всякой государственной собственности видеть зачатки социализма — или, напротив, отрицать и смазывать специфику социализма на том основании, что, мол, государственная собственность присуща и другим формациям.

Ситуацию, аналогичную разобранный, мы можем проследить и для капиталистического уклада. Если сохраняется механизм формирования и распределения дохода "пропорционально вложенному капиталу", по принципу "прибыли на капитал", то, опять-таки, безразлично, — имеем ли мы "на другом конце" этой связки индивидуального или коллективного капиталиста. И тут точно так же капиталист может быть ассоциированным, т.е. в качестве собственника средств

производства может выступать буржуазное государство. Но, – подчёркиваем, – и тут не возникает никакого "социализма", как не являлась "социалистической" государственная собственность на землю и крестьян в петровской или екатерининской России.

Итак, что же такое государственный капитализм?

Государственный капитализм, это собственность государства на средства производства при условии, что в экономике действуют законы капиталистического прибыли- и ценообразования, т.е. доход формируется и извлекается по схеме "прибыли на капитал", пропорционально величине вложенного капитала. Или, ещё можно сказать так: при условии, что в данном обществе закон стоимости действует в его капиталистической модификации.

Вы сами теперь без особых затруднений можете сформулировать определение, например, "государственного феодализма": это собственность государства на основные предпосылки производства при условии, что доход в обществе консолидируется и извлекается по принципу феодальной ренты.

А как в этом плане обстоит дело с социализмом?

Социализм – это собственность государства на основные средства производства при условии, что закон стоимости действует в его специфической социалистической модификации, т.е. доход аккумулируется и извлекается пропорционально не капиталу, а живому труду, право на труд является одной из главных конституционных гарантий гражданина, полностью ликвидирована безработица.

Можно записать ещё короче:

государственный капитализм – это собственность государства на средства производства, когда формирование и распределение дохода в обществе идёт **по капиталу**,

а социализм – это государственная собственность на средства производства, когда формирование и распределение дохода идёт **по труду**.

В ПРЕДЫДУЩИХ наших материалах мы неоднократно рассматривали вопрос о **социалистической модификации закона стоимости**, т.е. о механизме **доходообразования пропорционально живому труду**. Было установлено, что наиболее отчётливым конкретно-историческим приближением к социалистической модификации стоимости выступила **"двухмасштабная система цен"**, сложившаяся и функционировавшая в народном хозяйстве СССР в период с конца 30-х до второй половины 50-х годов. В настоящей работе мы эту проблему вновь подробно разбирать не будем, задержимся только на некоторых основополагающих моментах.

Каким образом в двухмасштабной системе цен достигалась "перекачка" решающей части общественного дохода в карман именно трудящемуся человеку, рядовому представителю трудящейся массы?

Это достигалось, прежде всего, через механизм **регулярного и существенного снижения розничных цен на основные продукты питания и промыш-**

ленные товары народного потребления. Это достигалось также через **приоритетное**, а не "остаточное" направление госбюджетных средств на финансирование социальных нужд, в первую очередь народного образования и здравоохранения.

В свою очередь, систематическое понижение розничных цен делалось возможным потому, что по всей общественно-технологической цепочке проводилась твёрдая установка на снижение себестоимости продукции. Не допускалось извлечение прибыли в сколь-либо существенных размерах через цены общественно-промежуточного продукта (т.е., практически всей продукции производственно-технического назначения). Норма рентабельности в оптовых ценах предприятий была, по общему правилу, низкая (порядка нескольких процентов к себестоимости) и примерно одинаковая по всему народному хозяйству, по всей номенклатуре изделий. Низкая и достаточно жёстко фиксированная норма рентабельности в цене, общий "себестоимостный" характер цен на техническую продукцию гасили у производителя интерес к манипуляциям с ценами, поскольку таким путём нельзя было заметно "улучшить" отчётные показатели.

Основной объём общественного дохода формировался на потребительском рынке, в ценах на потребительские товары, принимая здесь вид **централизованного чистого дохода государства** ("налога с оборота"). Поскольку товары широкого потребления представляют собой не что иное, как средства воспроизводства рабочей силы, призванные компенсировать её затраты и обеспечить её развитие, то и получалось, что общественный доход формируется, – фактически, – **"по труду"**, пропорционально существующей в обществе на сей день "раскладке" затрат живого труда.

Мощный слой налога с оборота в потребительских ценах позволял государству уверенно и целенаправленно маневрировать, проводить свою классовую социальную политику: удешевлять для потребителя в первую очередь те товары, которые определяют жизненный уровень масс. Снижение цен проводилось за счёт части централизованного чистого дохода государства, которая именно в такой специфической форме передавалась населению.

Суммируя, можно сказать, что в эпоху действия двухмасштабной ценовой системы государственная собственность у нас сочеталась с социалистической "трудовой" модификацией стоимости, т.е. в стране имел место **социализм** в его основополагающих базисных очертаниях, пусть и в "неотшлифованном" ещё виде. (Совершенно неправ, кстати, в данном отношении С.Губанов, характеризуя в своих "Предложениях к проекту Платформы КПСС" существовавший у нас в ту пору строй как "государственный капитализм".)

Картина коренным образом изменилась (в худшую сторону) в итоге "хозяйственной реформы" 1965-1967гг. Но дело тут не в том, что реформа, якобы, санкционировала "политику увеличения прибыли". Прибыль – это есть, в сущности, **доход**, а без дохода, без превышения результатов хозяйствования над затратами никакое производство, ни капиталистическое, ни социалистическое функционировать не может. Доход – в форме централизованного чистого дохода государства плюс отчисления от прибылей предприятий – извлекался, есте-

ственно, и "при Сталине", при двухмасштабной системе цен, причём общество также было заинтересовано в его увеличении, а отнюдь не в уменьшении.

Суть проблемы в другом. При "сталинском социализме" общественный доход аккумулировался, — как мы только что лишний раз удостоверились, — в явственной пропорции к **общественным затратам живого труда**. Это-то и делало нашу тогдашнюю государственную собственность на средства производства **подлинно социалистической**. В процессе же "экономической реформы" 1965г. ввели не "политику увеличения прибыли", а **изменили принцип доходообразования** (прибылеобразования). Двухмасштабная система цен была сломана, исчезло характерное для неё размежевание на цены потребительского рынка и цены "производительские". Доход повсюду стали формировать по типу капиталистической "прибыли на капитал", — пропорционально стоимости производственных основных фондов и материальных оборотных средств, т.е., — по существу, — пропорционально стоимости не трудовых, а материальных затрат.

Социалистическая государственная собственность на средства производства оказалась, в результате, соединена с некоей уродливой "псевдокапиталистической" модификацией товарно-денежных отношений. Возникшее "гибридное" устройство резко отклонилось от социализма в сторону **государственного капитализма**. Социалистическому строительству как таковому был положен конец (предпосылки к этому закладывались ещё в 50-е годы), началось постепенное перерождение, а впоследствии и открытый демонтаж созданных социалистических структур в экономике и политике на буржуазный лад. Именно пагубный, всецело регрессивный процесс **перерождения социалистической общественной собственности в некое поистине ублюдочное подобие собственности государственно-капиталистической** и привёл нас сначала к застою, затем к глубочайшему и опаснейшему за всю историю нашей страны контрреволюционному кризису (развернувшемуся под флагом "перестройки").

ТАКИМ ОБРАЗОМ, "государственный капитализм" в СССР существовал, — во-первых, — в определённой мере в период нэпа, причём это был не просто "частник под контролем государства", но и практически вся тогдашняя промышленность являлась "государственно-капиталистической". Ведь в то время социалистическая модификация закона стоимости ещё не сложилась. Тресты, — как основная форма управления производством при нэпе, — имели широкие права в области реализации готовой продукции, снабжения, а вместе со всем этим и ценообразования. В этих условиях, — естественно, — механизм товарно-денежных отношений стихийно действовал на прежний, капиталистический лад, шло формирование и распределение прибыли по величине авансированного капитала. Оплата труда тяготела к рыночной стоимости рабочей силы как товара, и весь этот "комплект" логично дополнялся безработицей, чему сегодня кое-кто склонен "не придавать особого значения".

Затем, в период "сталинских пятилеток", социалистическая модификация отношения стоимости (т.е., общая конструкция "социалистического рынка")

была,— как мы уже множество раз повторяли, — теоретически и практически найдена. Поэтому наш общественно-экономический уклад в ту эпоху никаким "государственным капитализмом" не являлся, на рубеже 40-х — 50-х годов его вполне можно было характеризовать как "построенный в основном социализм". С середины 50-х годов началось упорное расшатывание и коверканье этого социалистического уклада, а в ходе реформы 1965-1967гг. свершилось "второе пришествие" государственного капитализма. Это произошло в результате, как уже было объяснено, замены социалистической модификации стоимости на "псевдокапиталистическую" (или скрыто капиталистическую), принципа формирования дохода "пропорционально общественным затратам живого труда" на принцип доходообразования "пропорционально стоимости производственных фондов", т.е. практически по аналогии с "прибылью на капитал". С тех пор на протяжении четверти века нашу экономику изнутри "гложет" тяжелейший структурный, базисный дисбаланс: социалистический способ производства, вместо того чтобы нормально развиваться в направлении к коммунизму, вынужден мучительно противоборствовать с насильственно "вколоченным" в экономическую целостность скрыто-капиталистическим способом распределения.

Вот отсюда и потянулись все наши беды,— но вовсе не от выдуманной "командно-административной системы", которой у нас при социализме не было, а была естественная для социалистического строя система централизованного планового территориально-отраслевого руководства народным хозяйством. Кстати,— как в наших материалах тоже неоднократно отмечалось,— все до единого негативные явления, которые душат советскую экономику сегодня, имеют точную датировку своего возникновения, и эти даты, также все до единой, приходятся не на "сталинские" времена, а на вторую половину 50-х годов и позже.

Так, со второй половины 50-х годов началось общее долговременное **"выполнение" кривых нашего экономического роста** — процесс, который мы по сей день остановить не можем.

См. В.Трапезников. Управление и научно-технический прогресс. "Правда" от 7 мая 1982г., стр.2 /курсив мой.— Т.Х./:

"... переход в 1957 году от отраслевой системы управления к территориальной (совнархозы) повлек за собой разрыв многих хозяйственных связей, размельчение производственных комплексов. В результате уже в 1958 году резко ухудшились показатели национального дохода, фондоотдачи и темпов научно-технического прогресса. Возвращение в 1965 году к отраслевой системе привело в 1966 году к перелому в лучшую сторону. Однако достичь темпов, наблюдавшихся до 1958 года, не удалось из-за трудностей восстановления нарушенных экономических связей ..."

"... после 1958 года темпы начали снижаться и к 1980 году уменьшились в три раза."

"Стало обычным невыполнение планов создания новой техники. ... при росте фондовооружённости произошло снижение фондоотдачи. С 1958 по 1980 год она упала с 0,48 до 0,31. Отдача новых фондов в 1958 году была 0,52, в 1980 го-

ду стала 0,16. Следовательно, если в 1958 году приращение производственных фондов на один рубль давало 52 копейки прироста национального дохода, то в 1980-м – лишь 16 копеек."

Ср. В.Куликов. Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений социализма. "Вопросы экономики", 1986, №9, стр. 130:

"Темпы роста экономики не просто снизились, но и достигли в начале 80-х годов критически неблагоприятного уровня. К указанному времени повышение реальных доходов населения фактически приостановилось, а позиции СССР в экономическом соревновании с США, в течение ряда лет не улучшавшиеся, по некоторым параметрам даже ухудшились."

Ср. Д.А.Смолдырев. Роль стоимостных форм в развитии социалистической экономики. М., "Мысль", 1980, стр.247:

"До 1940г. в нашей экономике рост национального дохода опережал рост основных производственных фондов. В течение 40-х – 50-х годов, до 1956-1958гг., фондоотдача росла устойчиво, а в 1959-1965гг. фондоотдача стала падать."

Ср. П.Н.Федосеев. Теоретические проблемы социально-экономического развития советского общества на современном этапе. "Вопросы философии", 1980, №2, стр.6:

"Снижение темпов прироста национального дохода происходит одновременно с неуклонным и притом значительным возрастанием объёма используемых в народном хозяйстве основных производственных фондов и материальных оборотных средств. Так, если соотношение прироста национального дохода и прироста основных производственных фондов в период восьмой пятилетки было примерно 1:2, то в девятой – 1:3,4, а в первые годы десятой – уже 1:4,2. Это показывает, как снижается фондоотдача."

В свою очередь, хроническое снижение фондоотдачи – это синоним **затратного характера** экономической деятельности. Окончательное закрепление в нашем народном хозяйстве затратного "механизма" произошло, опять-таки, как результат реформы 1965 года, когда схемы прибылеобразования оказались переориентированы "с живого труда на капитал", с величины общественных затрат рабочей силы на величину вовлечённых в производство материальных средств. В условиях отсутствия конкуренции капиталовложений это не могло не привести к тому, что наиболее "прибыльными" стали те виды работ и изделий, которые позволяли израсходовать побольше овеществлённого труда. (Здесь можно наглядно наблюдать, как бесспорное и крупнейшее преимущество социалистической экономики – планомерность инвестиционного процесса, – будучи "смонтировано" с чуждой, не органичной социализму модификацией стоимости, из достоинства превратилось в "недостаток". Между прочим, таково же происхождение и всех остальных "недостатков" социалистической организации хозяйства, вокруг которых подняли нынче шум экономисты-"рыночники": это безусловные и огромные "плюсы" социализма, которые не могут в должной мере проявить себя единственно потому, что загнаны в одну

упряжку с не соответствующей им конструкцией товарно-денежных отношений.)

Из-за того, – далее, – что в 1965-1967 гг. "продырявили" существовавшую при двухмасштабной системе жёсткую структурную перегородку между потребительскими и производительскими ценами (между "трудовыми" и "счётными" деньгами, по терминологии В.М.Якушева), началась гибельная для социалистического хозяйствования перекачка безналичных денежных средств в наличные, нарушилось соответствие между денежной массой на руках у населения и объёмом поставляемых на рынок товарных благ. Стала стремительно разрастаться **товарно-денежная несбалансированность**, а с нею вместе и **инфляция**. (Это, кстати, хорошо иллюстрируют расчёты Е.Т.Иванова по динамике денежных сбережений населения и товарных запасов, свидетельствующие, что с 1970 по 1985 год, например, вклады в сберкассы увеличились почти в 5 раз, тогда как производство товаров – лишь вдвое.) При двухмасштабной ценовой системе ничего подобного случиться не могло, поскольку государство предоставляло трудящемуся его ежегодный "дивиденд" в форме снижения цен на реально выпущенные в продажу товары, а не в виде "неотоваренных", инфляционных денежных сумм.

Плоды брежневско-косыгинской "хозяйственной реформы", – далее, – истощающе доказывают всю несостоятельность упований на отдельно, обособленно взятое предприятие (или какой-то "блок" предприятий) как на самодовлеющую и "решающую все вопросы" структурную единицу общественно-производственного процесса. Всё-таки выразителем классовых интересов трудящихся является, как ни верти, не предприятие, а социалистическое рабоче-крестьянское государство. Задача состоит в том, чтобы очистить социалистическую государственность от "бюрократических извращений" (В.И.Ленин), но вовсе не в том, чтобы выдумывать противовесы стратегическим функциям государственной власти в лице, например, "власти непосредственно трудовых коллективов". Это ни к чему хорошему, кроме разгула группового ("коллективного") эгоизма, никогда не приводило и не приведёт. Только государство может выступить надёжным гарантом того, что в рамках всего экономического целого будет осуществляться именно **общенародный**, т.е. классово-прогрессивный интерес.

Посмотрим с этой точки зрения на экономическое "реформаторство" 60-х годов.

Если раньше преобладающая часть общественного дохода формировалась в виде "централизованного чистого дохода государства" (так, в 1952 г. ЦЧДГ составлял 69% доходов госбюджета), то в последующем доля ЦЧДГ в доходных поступлениях неуклонно снижалась, упав в 11-й пятилетке до менее чем четверти доходной части бюджета. (На 1986 год планировалось получить через ЦЧДГ 102,5 млрд. руб. из 414,4 млрд. руб. бюджетных доходов. См. "Известия" от 27 ноября 1985 г., стр.3.) В перспективе же предусматривалось вообще **полностью** заменить ЦЧДГ ("налог с оборота") в структуре госбюджета отчислениями от прибыли и платой предприятий за производственные фонды.

(См., напр., М.Ф.Макарова. План и закон стоимости при социализме. В кн.: Методологические проблемы экономической науки. "Мысль", М., 1967, стр.76.)

Поскольку,— таким образом,— общественный доход стал в основном формироваться не государством на потребительском рынке, а предприятиями и (естественно!) министерствами непосредственно "у себя", то произошло, во-первых,— как уже отмечалось,— резкое возрастание "неотоваренных" денежных масс, а во-вторых, активное их скапливание в производственной сфере, причём тем "гуще", чем ближе к хозяйственно-управленческой верхушке.

Что приобрёл от этого "перераспределения экономической власти" народ? Прежде всего, оскудение госбюджета и соответствующее свёртывание социальных программ, перевод их на пресловутый "остаточный" принцип финансирования. Государственный бюджет очень скоро стал дефицитным. Именно стал, ибо ранее он таковым не был.

"... доходная часть государственного бюджета сократилась,— откровенно пояснил бывший председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков в своём интервью "Вечерней Москве" в 1989г.,— средства ушли на фонды предприятий, а расходы остались за государством. Уже при подготовке плана на 1967 и 1968 годы ... госбюджет свести без дефицита за счёт текущих поступлений не удалось." (См. 40 лет в правительстве. "Вечерняя Москва" от 4 апреля 1989г., стр.4.)

Итак, "приобретение номер один" — **бюджетный дефицит**.

"Приобретение номер два" — бурно пошло в рост явление, которое мы сегодня называем **ведомственностью**. Ведь для того, чтобы ведомства (министерства), не в меньшей мере крупные производственные объединения начали противопоставлять свои кастовые интересы общенародным, правильно понятым государственным, нужна была мощная экономическая база. Вот она-то и образовалась в послереформенный период, с передачей огромной части общественного дохода в непосредственное распоряжение производственных ячеек и их отраслевых штабов.

Но, возможно, предприятия и министерства потратили эти средства,— как вначале предполагалось,— на техническое перевооружение производства, на создание комфортабельных условий труда и быта для рабочих? Увы, ничего подобного не обнаруживается. Сейчас буквально стон стоит в нашей печати: чуть не все жалуются, что на производстве у них основные фонды, машины и оборудование работают на износ, на последнем пределе, не модернизировались по 20-25 и более лет. Да кто же вам, простите, не велел? Выходит, с чем оставили страну руганные-переруганные "сталинские наркомы", с тем и дотянули до сегодняшнего дня? Куда же делись все эти "нецентрализованные капвложения", "фонды развития производства" и пр.?

Ответ прост: ресурсы отвлечены "на сооружение непроизводственных объектов второстепенного значения" (см., напр., Ю.Субоцкий. О фонде развития производства. "Вопросы экономики", 1976, №4, стр.16), на содержание беспрецедентно размножившейся "промышленной" бюрократии и на амбициозное прожектёрство, призванное как бы оправдать "необходимость" безбрежного приумножения бюрократических рядов. Достаточно сказать, что на начало

1989г. у нас численность управленческого персонала в производственной сфере, на предприятиях и в объединениях (даже без министерств!), составила свыше 13 млн. человек, тогда как во всей прочей "командно-административной системе", включая советские и административные органы управления, было занято менее двух миллионов. Для сравнения заметим, что в системе одного лишь Министерства сельского хозяйства США насчитывается 110 тыс. работников. ("Правда" от 19 июля 1990г., стр.7). Причём, доля управленческого персонала предприятий в общей численности рабочих и служащих увеличилась с 10,5% в 1985 году до 11,2% в 1989 году, при росте абсолютного числа "производственных" управленцев за тот же период с 12,5 до 13,1 млн. человек и при сокращении абсолютного числа рабочих и служащих на 1 млн. (См. Где и сколько управленцев. "Известия" от 7 марта 1989г., стр.1.) Вот такими хорошими оказались предоставленные самим себе предприятия "борцами с бюрократизмом".

Самым разрушительным образом сказался "переход к госкапитализму" во второй половине 50-х – середине 60-х годов на положении дел в социалистическом сельском хозяйстве.

"... примерно до середины 50-х годов,– пишет известный советский экономист Л.И.Майзенберг,– развитие колхозного производства основывалось на материально-технической базе машинно-тракторных станций (МТС), выполнявших по заказам колхозов все основные работы, требующие применения машин. Производственные услуги МТС возмещались в форме натуральной оплаты. В этих условиях изменение оптовых цен на средства производства, предназначенные для сельского хозяйства, отражалось не на себестоимости продукции колхозов, а на издержках и финансовых показателях деятельности МТС. ... При таком положении любое, даже существенное изменение оптовых и закупочных цен отражалось не на уровне розничных цен, а на изменении размеров налога с оборота. Налог с оборота выступал в виде своеобразного амортизатора, погашающего изменения оптовых цен на средства производства и закупочных цен на сельскохозяйственное сырьё.

Положение начинает радикально меняться со второй половины 50-х годов. После упразднения МТС сельскохозяйственная техника была передана колхозам. С этого времени оплата сельскохозяйственной техники, производимой государственной промышленностью, стала производиться за счёт собственных доходов колхозов, а уровень и динамика цен на неё превратилась в важный фактор, определяющий себестоимость колхозной продукции." (См. Л.И.Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. "Экономика", М., 1976, стр.40. Курсив мой – Т.Х.)

Продажа сельскохозяйственной техники колхозам после ликвидации МТС вылилась для многих из них,– в полном соответствии с предупреждением И.В.Сталина, сделанным в 1952 г.,– в своего рода финансовую и производственную катастрофу.

"... большинство хозяйств не имело ремонтной базы, соответствующих кадров, необходимых средств для приобретения новой техники. Всё это отрицательно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства." (Методо-

логические проблемы экономической науки. "Мысль", М., 1967, стр.98-99.) "... колхозы были вынуждены досрочно расплатиться за машины и другие средства труда, купленные у машинно-тракторных станций. Для многих колхозов это оказалось обременительным. В результате ухудшилось материально-техническое снабжение сельского хозяйства." (А.Н.Малафеев. Прошлое и настоящее товарного производства при социализме. Политиздат, М., 1975, стр.95.)

В дальнейшем приобретение в селом техники пришлось **хронически дотировать**,— особенно после того, как реформа 1965-1967гг. сломала политику низких оптовых цен на средства производства и начался выпуск в массовом порядке дорогостоящих, материалоемких, но экономически малоэффективных машин. Образовался нерассасывающийся дотационный "волдырь", которого нормальный, так сказать, советский колхозный строй (в дохрущёвскую эпоху) не знал. Чтобы в этих условиях обеспечить аграрному сектору хотя бы видимость рентабельности, пришлось многократно повышать закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. "Шквал" непрерывных повышений оптовых цен на технику привёл к фактически неконтролируемому росту себестоимости продуктов сельского хозяйства, к возникновению и закреплению второго дотационного "волдыря" — на стыке закупочных цен с розничными, где закупочные цены по ряду позиций "перехлестнули" розничные, подчас до нескольких раз. Но ведь и этого не было у нас "при социализме", все эти пагубные явления, приведшие к **дотационному "опрокидыванию" экономики**,— плоды **скрытой капитализации** народного хозяйства СССР, сталкивания его на государственно-капиталистические рельсы в 50-х — 60-х годах!

ПЕРЕЧЕНЬ разнообразных вредоносных последствий более чем тридцатилетней "государственно-капиталистической эрозии" нашего народнохозяйственного организма можно ещё продолжить, но общая картина,— как мы надеемся,— достаточно ясна. Сейчас надо дать ответ на главный вопрос: **что делать?**

В стратегическом плане ответ также ясен: необходимо прекратить глупое и предательское "разгосударствление", идущее вразрез с объективными мирохозяйственными тенденциями, остановить — немедленно!— "погром" государственной собственности на средства производства, но при этом **соединить государственную собственность не с капиталистической модификацией закона стоимости, "свирепствующей" нынче в нашей экономике, а с модификацией социалистической, т.е. возродить, в её определяющих, существенных чертах, двухмасштабную систему цен**. Если угодно, это тоже можно трактовать как своеобразный "переход к рынку": переход к нормальному, вытекающему из объективных закономерностей развития экономики **социалистическому рынку**, которого у нас три десятилетия,— действительно,— практически не существовало. На социалистическом рынке не являются товарами средства производства и рабочая сила, исключена безработица, гарантировано право на труд, "статусом" товара наделены в полной мере лишь предметы народного потребления.

За критериальную величину на социалистическом рынке, подобную норме прибыли при капитализме, берётся уровень розничных цен на основные потребительские товары. Народнохозяйственный критерий эффективности – "лаг" ежегодного снижения основных розничных цен. Локальный критерий эффективности (для отдельного предприятия) – снижение себестоимости продукции, причём учитывается (и вознаграждается) прежде всего снижение себестоимости не "у себя", а "у соседа справа", т.е. экономия затрат у потребителя. Проводится линия на последовательное и неуклонное снижение оптовых цен по всей продукции производственно-технического назначения, на базе снижения её себестоимости. В оптовых ценах устанавливается низкая (порядка нескольких процентов к себестоимости) и единообразная по всему народному хозяйству норма рентабельности. Основная масса стоимости прибавочного продукта "выдавливается" на потребительский рынок и аккумулируется там в форме централизованного чистого дохода государства.

Разрывается порочное "замыкание" оплаты труда на стоимостной объём выпуска продукции. Труд оплачивается в зависимости от квалификации работника, сложности выполняемой работы и успешности выполнения планового задания (т.е. в зависимости от места, реально занятого работником в социалистическом соревновании). Сверхплановая прибыль, полученная за счёт дополнительного снижения себестоимости в результате внедрения научно-технических новшеств и усовершенствований, остаётся в распоряжении трудового коллектива. Финансирование крупных капиталовложений стратегического назначения осуществляется в централизованном порядке через государственный бюджет.

Рычагами подъёма материального и культурного благосостояния трудящихся выступают рост денежной заработной платы, тесно увязанный с ростом производительности труда, регулярное существенное снижение опорных розничных цен, максимальное насыщение потребительского рынка, развитие общественных фондов потребления и постепенный перевод всё большего круга жизненных благ в разряд предоставляемых бесплатно.

Опубл.: "Интердвижение Литвы" /г. Вильнюс/ №5(21), февраль 1991г.;
<http://cccp-kpss.narod.ru/post/socigkap.htm>.

Секретарь-координатор
Большевистской платформы в КПСС,
канд. филос. наук
Т.ХАБАРОВА

ЕЩЁ РАЗ О ГОСУДАРСТВЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Выступление на семинаре МГК КПС

Москва, 17 мая 2002г.

ЧТО ТАКОЕ вообще государственный капитализм?

Государственный капитализм – это такой уклад, когда государство выступает как некий солидарный, совокупный частный собственник, как некий ассоциированный обладатель частной собственности и выразитель частнособственнического интереса.

У нас любят повторять мысль В.И.Ленина, что-де капиталистическая монополия, это есть полная материальная подготовка социализма. Но это нельзя понимать упрощённо, что пришли к власти, национализировали крупнокапиталистическую промышленность, и вот вам, получили социализм.

Мне надоело уже из года в год твердить, – в том числе и в данной аудитории я не первый раз об этом говорю,– что всякая форма собственности достигает своего завершения и становится исторически работоспособна только в паре с соответствующим ей принципом консолидации и распределения совокупного прибавочного продукта, или чистого дохода.

И вот принципы доходообразования, они у социалистической и у буржуазной собственности прямо противоположны, антагонистичны, даже когда буржуазная собственность выступает в государственной форме.

Причём, буржуазная собственность может быть обобществлена полностью, сохраняя при этом свой эксплуататорский характер. Теоретически это известно уже очень давно, это модель Вальраса. Такая суперэксплуататорская экономика может планироваться из единого центра, с широчайшим применением вычислительной техники. Планирование фактически осуществляется через централизованное назначение цен.

Вокруг этого можно очень хорошо спекулировать, навязывая эту схему – ну, естественно, в её современных разновидностях – социалистическому обществу как якобы последнее слово экономической науки. И такие попытки у нас предпринимались в 60-х годах,– когда вообще происходил массивный диверсантский погром основ социалистической экономики, сформировавшихся в сталинскую эпоху. В особенности тут усердствовали теоретики так называемого "оптимального планирования", а среди них – академик Федоренко с его пре-

словутой СОФЭ ("системой оптимального функционирования экономики"). И на этой СОФЭ, ввиду её уже совершенно очевидного буржуазно-реставраторского характера, всю эту волну тогда удалось на какое-то время сбить.

А где тут всё же зарыта собака, и почему схемы "оптимального планирования", несмотря на весь их математический и плановый антураж, были в тот момент значительной частью наших учёных правильно квалифицированы не как какой-то научный прорыв, но как откровеннейшая попытка капиталистической реставрации?

Собака зарыта именно в принципе доходообразования. Если даже буржуазная собственность и приобретает государственную форму, то всё равно принцип доходообразования не меняется, прибыль продолжает аккумулироваться пропорционально вложенному капиталу, но закон средней нормы прибыли постепенно превращается в закон извлечения максимальной прибыли и, наконец, – сверхприбыли; а на другом социальном полюсе, соответственно, складывается система зверской сверхэксплуатации трудящихся, что достигается, в первую очередь, за счёт установления потребительских цен на уровне замыкающих затрат.

Из этого примера лишний раз можно видеть, насколько это несовременный и отсталый приём – сравнивать капиталистическое и социалистическое хозяйство в терминах "рынок — план". Дело тут не в рынке и не в плане. И рынок, и план, – каждый раз в своей специфической конкретно-исторической модификации, имеют место и при капитализме, и при социализме. Подлинная противоположность между двумя этими способами производства заключена, – повторяю ещё раз, – в принципе консолидации и распределения совокупного прибавочного продукта.

Советское государство с этой проблемой столкнулось в период военного коммунизма, когда национализировали промышленность – и убедились, что для её полноценного функционирования чего-то крайне существенного нехватает. Причём настолько существенного, что если это не будет найдено, то и сама Советская власть не устоит. И это "что-то" было – принцип доходообразования. Нехватало социалистического принципа аккумуляции и распределения общественного чистого дохода.

Причина и концептуальный смысл поворота к НЭПу – это отсутствие социалистического принципа консолидации прибавочного продукта, а отсюда – неизбежность временного отступления к капиталистическим схемам цено- и доходообразования.

Теперь надо внести необходимые уточнения относительно термина "государственный капитализм" в применении к НЭПу. Государственного капитализма в настоящем смысле слова у нас никогда не было, в том числе и при НЭПе; т.е., никогда Советское государство не выступало как сознательный и целенаправленный агент рыночных отношений на капиталистической основе. Государственным капитализмом в период НЭПа у нас называли различные элементы частнокапиталистического хозяйства под контролем государства пролетарской диктатуры (концессии, сданные в аренду национализированные предпри-

ятия и т.п.). Сама диктатура пролетариата не только не участвовала непосредственно в этой временно допущенной частнопредпринимательской стихии, но наоборот, осуществляла за нею самый жёсткий контроль, удерживая за собой, — как известно, — все командные высоты в экономике.

Социалистический механизм консолидации и распределения совокупного прибавочного продукта, или общественного чистого дохода, был найден и закреплён в практике нашего народного хозяйства на протяжении 30-х — 40-х годов прошлого века. Он назывался "двухмасштабная система цен", или, шире, — сталинская экономическая модель. Как это выглядит и как действует, я со временем рассказывать не буду, есть наработки, они опубликованы, "Светоч" с этой публикацией распространялся на вашем семинаре; то, что издаётся, надо читать. Научные и социально-экономические открытия не перестанут существовать, оттого что вы читать о них не хотите.

С ОТКРЫТИЕМ адекватного ей принципа доходообразования социалистическая общественная собственность приобрела системно завершённый вид; т.е., оказались обобществлены не только средства производства, но и — что самое главное — произошло **ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ СОВОКУПНОГО ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА**. Иначе говоря, была в определяющих её чертах решена основная экономическая задача пролетарской революции, — которая состоит не просто в том, чтобы фабрики, заводы и всё прочее формально отошли в собственность рабоче-крестьянского государства, но она состоит в том, чтобы прибавочный продукт, выработанный на этих фабриках и заводах, в возможно более полной мере поступал трудящимся как ассоциированным собственникам этих средств производства.

А для этого прибавочный продукт должен консолидироваться на народнохозяйственном уровне, — но никоим образом не на уровне отдельной производственной единицы, — и распределяться он должен также только по общественным каналам. Всё это и было реализовано в сталинской модели, где та доля общественного чистого дохода, которая причитается трудящемуся как ассоциированному собственнику, поступала ему в виде регулярного снижения базовых розничных цен и наращивания фондов бесплатного общественного потребления.

Создание и успешное практическое задействование механизма обобществления прибавочного продукта — это до сих пор толком не понятое и не оценённое вершинное достижение сталинской эпохи, которое само по себе на порядок превосходит все остальные её свершения. Ни одна из существовавших, существующих или предлагавшихся моделей социализма, кроме сталинской, этого не даёт и до этой высоты не поднимается. Отсюда однозначный вывод: что советская экономика сталинской поры, это и есть — в принципе, на концептуальном уровне — **СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ТАКОВАЯ**, социалистическая экономика, выстроенная **КАК СИСТЕМА**. Конечно, там были недоработки, недостатки, многое было попросту не обкатано до конца, не отшлифовано, но всё это не отменяет и не затрагивает главного: что в двухмасштабной модели, и только в ней одной, удалось достичь при социализме полного сис-

темного взаимосогласования между формой собственности и формой извлечения и распределения общественного чистого дохода. Поэтому все дурацкие ярлыки, которые на двухмасштабную модель клеили десятилетиями и по сей день ещё продолжают клеить, нужно решительнейшим образом с неё соскрести. И пока мы этого не сделаем, прошлое, настоящее и будущее страны не предстанут перед нами в своём истинном свете, и наше так называемое комдвижение не обретёт возможности и способности действительно двигаться куда-то, а не просто толочь воду в ступе.

Возвращаясь к государственному капитализму, шаги в этом направлении у нас были предприняты в ходе пресловутой "хозяйственной реформы" 1965–67гг. Весь смысл этой диверсантаской затеи заключался в том, чтобы в нашем народнохозяйственном механизме перерубить важнейшую системно-структурную связку между формой собственности и способом консолидации чистого дохода. И перерубили. Узаконили прибылеобразование пропорционально затратам овеществлённого, а не живого труда, как это имело место в сталинской модели. Т.е., к социалистической собственности насильственно приляпали в корне чуждый ей суррогат капиталистического принципа формирования и распределения прибавочного продукта. Процесс доходообразования с общегосударственного уровня сместился, в значительной мере, на предприятия и в министерства, общественные каналы распределения захирели, прочно прекратились снижения цен, основными получателями дохода стали не трудящиеся в своей массе, а таким получателем стала повсюду управленческая, в том числе партийная верхушка.

Вот причина и исток того несомненного кризиса, который терзал страну, как минимум, с середины 60-х годов. Конечно, никакого государственного капитализма у нас и на сей раз не возникло, но, – поскольку государство покровительствовало подобному ходу вещей, – оно вольно или невольно приобретало вот те самые черты "солидарного капиталиста" или даже "солидарного эксплуататора", которые ему свойственны в аналогичных ситуациях в буржуазном обществе.

Следует подчеркнуть, что это не было внутреннее, спонтанное перерождение Советской власти, поскольку советский строй сам по себе никак не мог деградировать до такого маразма, который образовался в результате косыгинской "реформы". Но народ в эти тонкости не вдавался, он попросту отказал в решающий момент социалистическому государству в массовой активной поддержке. И произошло то, что произошло.

Суммируя, государственный капитализм в любых его разновидностях – это явление столь же чужеродное и антагонистичное нашему строю, как и "просто капитализм", без всяких эпитетов. Не надо обольщаться тем, что он государственный, а потому в чём-то, вроде бы, и "наш" – служит ступенью, подготовкой и т.д. Он не более "наш", чем государственный феодализм, когда при крепостном праве в стране половина крестьян принадлежит непосредственно монаршей власти. Государственный феодализм тоже служил подготовкой и ступенью, только он так на той ступени и остался. Мы при Сталине вышли на свою стезю

во всемирной истории, и туда, на эту стезю, нам нужно возвращаться. А заигрывания с классово несовместимыми социальными схемами, они и раньше до добра никогда не доводили, и впредь не доведут.

Опубл.: "Советы граждан СССР" /г.Ростов-на-Дону/ №11, февраль 2009г.; <http://cccp-kpss.narod.ru/post/goskap.htm>.

Секретарь-координатор Большевистской платформы в КПСС,
председатель Исполкома Съезда граждан СССР
Т.ХАБАРОВА

Лишь дело героя да речь мудреца проходят столетья, не зная конца

Выступление

**на XXXII заседании Московского политклуба БП в КПСС,
посвящённом 190-летию со дня рождения К.МАРКСА**

Москва, 4 мая 2008 г.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ,

обе наши организации – и Съезд граждан СССР как постоянно действующий орган, и тем паче Большевистская платформа – имеют уже достаточно протяжённую историю своего существования; и я, по установившейся у нас традиции, скажу вначале несколько слов о наших наработках предыдущих лет по той тематике, которая нынче выносится на обсуждение. А эта тематика, это вопрос о том, какое место занимают Маркс и Марксово идейно-теоретическое наследие и в нашей сегодняшней борьбе, и вообще в освободительной эпопее человечества, как в данный момент, так и на перспективу.

И вот, прежде чем на этот вопрос в очередной раз отвечать, давайте освежим в памяти наш политклуб десятилетней давности – **Потерпел ли марксизм как наука поражение в информационно-интеллектуальной войне?**¹ В том материале дан самый решительный отпор всем этим домыслам, что марксизм, – якобы, – либо выдохся и утратил концептуальную силу, либо и вовсе никогда её не имел; что он или не помог предотвратить катастрофу разрушения социалистического строя, либо – того хуже – сам же и явился причиной и первоисточником этого краха.

¹ См. информбюллетень "Светоч" №41, март 1999г. – октябрь 2000г. [<http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobets/INF2.htm>]

Но всё, что в действительности произошло с марксизмом, это то, что где-то к концу 1970-х годов, в результате интенсивнейших происков идеологической "пятой колонны", он оказался практически едва ли не полностью изъят, если можно так выразиться, из обращения на уровне партийно-государственного руководства. Сохранялась лишь фразеологическая оболочка, и эта оболочка почти целиком была заполнена реанимированным каутскианством, бухаринщиной и прочими вещами, с марксистской наукой весьма мало совместимыми.

Само собой разумеется, что эта мешанина, она не только никаких катастроф предотвратить не могла, но она активнейшим образом им способствовала и прокладывала им путь; ибо именно для этого и внедрялась агентами влияния информационно-психологической войны.

Однако,— и весь пафос нашего тогдашнего, 23-го политклуба как раз на этом и был сосредоточен,— марксизм как научная теория, как явление интеллектуальной жизни общества, он в этом своём качестве никуда исчезнуть не мог и не исчезал. Он просто,— как я это обычно формулирую,— "ушёл в народ" и стал делом непривилегированных, неэлитарных учёных, не принадлежавших к идеологической верхушке. И не только не принадлежавших, но и весьма рьяно этой верхушкой дискриминировавшихся и преследовавшихся. Поскольку мне всё это довелось сполна испытать на собственной, что называется, шкуре, то — поверьте — я говорю с исчерпывающим знанием предмета.

Итак, марксистская мысль в своём развитии,— которого никому не было дано остановить,— она как бы нашла себе новых прилежных и неподкупных служителей и в их лице продолжала делать то, ради чего была произведена на свет и вложена в руки борющемуся пролетариату. Т.е., она продолжала безотказно объяснять происходящее, систематизировать пройденный путь, предупреждать об угрозах и идейно обулаивать дорогу в будущее.

В 1998г. мы только ещё мечтали о публикации архивных, доперестроечных работ, которые этот наш тезис доказывали бы собою и иллюстрировали. Но на сегодняшний день начало таким публикациям,— как представляется,— положено, благодаря нашим соратникам из Ростова—на—Дону и издаваемой ими газете "Советы граждан СССР". В 7-м номере этой газеты, это июль 2007г., помещена датированная 1981-м годом моя статья **"Свободные профсоюзы" и иные события в ПНР в свете марксистской концепции двух фаз коммунистического революционного процесса**. И пусть мне кто-нибудь, прочитав эту статью, попробует заявить, что ортодоксальный, "кондовый" марксистский анализ в то время, за четыре года до воцарения в Кремле Горбачёва, НЕ справлялся с теми задачами, которые выше были перечислены. Т.е., НЕ объяснял бурлившие вокруг, в частности в Польше, общественно-политические перипетии, НЕ систематизировал накопленный социализмом опыт, НЕ предупреждал об опасности, нависшей в первую голову над нашей страной, и НЕ давал подробнейших рекомендаций, как этой опасности избежать. Да, всё это исходило не от тогдашней идеологической "элиты", не от всех этих Федосеевых — Тимофеевых, Константиновых, Кедровых, Митиных, Егоровых, Румянцевых, Гвишиани, Косолаповых, Семёновых и иже с ними, чьи и фамилии-то сегодня по большей части

уже никому ничего не говорят. Да, марксистская постановка животрепещущих проблем не в состоянии была пробиться на страницы, ну, хотя бы того же "Коммуниста",— коему адресована упомянутая выше статья,— там правил бал косолаповский маразм на тему пресловутого "развитого социализма".

Но ведь это же не значит, что марксистского подхода и марксистских проблемных решений не существовало. Они были; другое дело, что они яростно, злостно отторгались и подавлялись официальным идеологическим сообществом,— которое уже на добрую половину состояло из агентуры влияния, а на второй половине толклись конъюнктурщики, кого судьба страны, народа и общественного строя интересовала не больше, чем она сейчас их интересует.

Со временем история,— безусловно,— свой приговор деятелям этого толка вынесет; и я твёрдо надеюсь, что не только история, но и какие-то более прозаические инстанции своё слово здесь также произнесут. Ведь если, к примеру, разрушать у народа его Вооружённые Силы и военно-промышленный комплекс, это преступление, то что же такое — разрушать, в угоду врагу, идеологический арсенал страны, да ещё внушать людям, вопреки самой наглядной очевидности, якобы никакого арсенала у вас,— мол,— никогда в общем-то и не было, и нет, и неизвестно, будет ли впредь. Воистину, это преступление в квадрате, и как таковое, оно не может остаться и не останется неразоблачённым и безнаказанным.

С нашей же стороны, мы полны решимости продолжить осуществление нашего проекта по обнародованию марксистских наработок 1970–80-х годов. Именно на нас лежит обязанность продемонстрировать, что и тут, на ключевом участке нашего общественного развития, болтовня о каком-то "саморазвале" социализма и всех его структур — это сплошной вздор. Противнику и тут удалось прорвать фронт не потому, что мы "выдохлись" и "саморазвалились", а потому, что он без малого полвека вёл с нами жесточайшую диверсионную войну, и в этой войне ему ревностно "помогали" идеологические коллаборанты изнутри.

В завершение этого вводного раздела процитирую, всё-таки, материал политклуба 1998г. Ибо, хотя он почти десятилетие назад предан гласности, то, о чём там говорилось, до сознания нашей левой общественности так по сию пору и не дошло. Если мы в информационно-интеллектуальной войне будем и дальше прозревать вот такими темпами, то нет никаких сомнений, что очередное крупнейшее поражение в ней (если вообще не окончательное) стране и народу гарантировано.

Итак, вот этот фрагмент:

"Не было такой разновидности диверсионного подкопа под марксизм, которая не могла быть с марксистских позиций разгадана, встречена во всеоружии, всесторонне разоблачена и своевременно, как говорится, купирована.

Всё происходившее со страной поддавалось прогнозированию и реально прогнозировалось. Десятки раз прогноз этот, в сопровождении подробнейшей научной аргументации, направлялся во все относящиеся к делу адреса, в том числе ... /тогдашнему председателю КГБ/ Андропову, который при желании

вполне мог уяснить для себя, и в каком обществе он живёт, и какое будущее готовится этому обществу его врагами."

5 апреля 1979г. Андропову писали заказным письмом, причём на политклубе были продемонстрированы копия этого письма и квитанция к нему:

"... взамен марксистско-ленинского учения, образующего непререкаемый идейный фундамент Советской государственности, у нас ныне проповедуется, в итоге, некая буржуазно-реставраторская, бухаринская карикатура на марксизм, а тем самым вершится **идеологическая и политическая диверсия** такого ранга, такой разрушительной силы, что куда она не пресечена, на прочее, чем Ваша организация занимается, спокойно можно махнуть рукой, ибо одного этого "теоретического" подкопа ... более чем достаточно для гибели социалистического строя в СССР."

Повторяю, это апрель 1979г."²

И на этом,— по моему твёрдому убеждению,— надо кончать словоблудие относительно того, что **как наука** марксизм в чём-то "провинился" перед нашей страной, Советским народом и всем прогрессивным человечеством, он кого-то к краху привёл, чего-то не предотвратил, чего-то недопредсказал; что он устарел и в наши дни уже не может служить путеводной звездой, озаряющей дорогу в грядущее. С ним воевали — воевали много десятилетий, подло, исподтишка, и как результат этой грязной войны, соорудили настоящую информационную запруду между ним и народом. Вот и всё; а сама по себе прогностическая, объяснительная, рекомендативная и всякая иная мощь марксистской теории, она была и есть та же, что всегда,— не утрачивалась, да и нынче не утрачена ни на йоту.

ДАВАЙТЕ обратимся теперь непосредственно к Марксу.

С вашего позволения, я опускаю биографические подробности, поскольку в основном они общеизвестны. Хочу только лишний раз напомнить, что жизнь Маркса, с её внешней стороны, это была очень несладкая жизнь фактического изгнанника, так и окончившего свои дни на чужбине; жизнь учёного и политического мыслителя, опередившего свою эпоху, гонимого официальными властями и не признанного современным ему научным сообществом. Ему так и не была дана простейшая, элементарная для образованного человека возможность иметь,— как мы бы сегодня сказали,— работу по специальности и добывать средства к существованию тем трудом, который составлял его призвание и смысл его земного бытия. Ради заработка он вынужден был тратить время и силы на разного рода литературную подёнщину, и всё равно не мог обойтись без постоянной материальной поддержки хотя и лучшего своего друга, но... Но вы вдумайтесь, насколько это тяжело и внутренне унижительно для мужчины, отца семейства, получать по почте, хотя бы и от лучшего друга, порванный пополам банковский билет. А почему порванный? Да чтобы не вытащили при досмотре корреспонденции. В следующем письме прибывала вторая половина денежной

² "Светоч" №41, стр. 12. <http://cccp-kpss.narod.ru/arhiv/soprobes/INF2.htm>.

единицы. Их надо было склеить, и вот уже только тогда идти в лавку покупать еду для всей семьи. И так – или что-то наподобие того – много лет подряд.

Неполон будет портрет Маркса, в плане его отношения к материальным благам, и без такого, редко упоминаемого штриха, что доставшееся ему где-то около 1848г. наследство он практически целиком пожертвовал на покупку оружия для тогдашних революционеров.

Но от этой невесёлой, хотя и в высшей степени поучительной обыденности давайте перейдём к тому в облике Маркса, что принадлежит уже вечности.

Место Маркса в мировой истории, – причём, место незыблемое, оно никем и никогда поколеблено не будет, – оно определяется тем, что Маркс для новой, коммунистической общественно-экономической формации выступил, духовно и интеллектуально, как бы её отцом-основателем: её наиболее успешным идеологом и пророком, её безусловно величайшим и поистине блистательным теоретиком.

Рано или поздно канет в Лету всё буржуазное жизнеустройство, со всеми его и преимуществами, и пороками, но имена Мартина Лютера и Томаса Мюнцера, Томаса Гоббса и Джона Локка, Гуго Гроция и Жан-Жака Руссо, и другие, из той же плеяды, – они останутся, и наследие этих "святильников разума" будет передаваться, как факел, идущим на смену поколениям.

И в ряду вот таких факелоносцев человеческого прогресса давно и прочно, – повторяю, – занял своё место Маркс. Оспаривать сегодня правомерность его нахождения там, в этом ряду, – это только продемонстрировать либо собственную глупость, либо платное прислужничество транснациональному капиталу.

Итак, ответ на вопрос, а что такое нынче Маркс для нас и для всей планеты, – ответ на этот вопрос гласит: Маркс, это **"главный идеолог и теоретик"** той ступени цивилизационного развития человечества, которая на протяжении, вполне возможно, уже нашего, XXI столетия, повсюду на планете возобладает. Эта новая, неэксплуататорская эра в развитии земной цивилизации называется – КОММУНИЗМ, и везде, где будут строить коммунизм, строить его будут в принципе, в каких-то рамочных очертаниях, по Марксу.

СТАЛО БЫТЬ, теперь нам надо хотя бы коротко, в формате нашего политклуба, но всё же посмотреть, а в чём же эти марксовские рамочные условия строительства и построения коммунизма заключаются.

Думаю, не встретит никаких возражений, если мы будем придерживаться классической ленинской схемы "трёх источников и трёх составных частей марксизма"; только порядок их следования поменяем.

И таким образом, часть первая – экономическая.

Маркс не был первооткрывателем трудовой теории стоимости; то, что стоимость создаётся живым трудом, знали его великие предшественники – Смит и Рикардо.

В этом предмете можно застрять очень плотно, поэтому сразу постараемся сформулировать предельно сжато: в чём, всё-таки, состояли новаторство Марк-

са и его гениальность по сравнению со столпами английской буржуазной политэкономии?

Новаторство Маркса состояло в самом категорическом подчёркивании того, что живым трудом создаётся ВСЯ производимая стоимость, в том числе и прибавочная стоимость, стоимость прибавочного продукта. Прибавочный продукт, или образующийся в производственном процессе ДОХОД,— это проявление особого свойства рабочей силы как товара: её свойства создавать некую ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ стоимость, плюс к той стоимости, которая пошла на её — рабочей силы — собственное воспроизводство.

И вот далее следует тезис принципиальной, ключевой важности: прибавочная стоимость не принадлежит, не относится к ИЗДЕРЖКАМ ПРОИЗВОДСТВА. Она не есть элемент сделанных в производстве затрат, она есть то, что получено в результате производства благодаря сделанным там затратам. Затратам чего, в первую голову? В первую голову, затратам труда.

Ну, а разве у английских классиков не так?

Нет, совсем не так.

Хотя мы и обнаруживаем у них прекрасные определения труда,— например,— как "первоначальной цены" всех товаров³, как "общей меры" установления их — товаров — стоимости⁴, но тот же Рикардо многократно и настойчиво нас предупреждает, чтобы мы не забывали включать в издержки производства прибыль на капитал: т.е., одну из частей, на которые в капиталистическом хозяйстве распадается прибавочная стоимость..⁵

Вы понимаете, где тут собака зарыта?

Вот рабочий затратил свою рабочую силу. Это издержки производства, которые возмещаются заработной платой. Израсходованы материальные оборотные средства — сырьё, энергоносители и пр., это тоже надо возместить из выручки; сюда же амортизационные отчисления. Но если прибыль считать издержками производства, то кто же здесь поиздержался? Очевидно, тот, кто прибыль эту по итогам хозяйствования получает, т.е. капиталист. А что же он вложил в производство? Ну понятно, что — капитал. Чувствуете, как всё обернулось? Капитал оказался, наряду с трудом, полноправным участником образования прибавочной стоимости. А где капитал, там уж как-нибудь подверстаются и банкир с банковским процентом, и земельный собственник с рентой.

Вот она во всей своей красе — "теоретическая" апологетика буржуазного способа производства. Все всё "законно" отхватили — прибыль, процент, ренту. Ни один паразит обделённым не остался. И с рабочим тоже "по справедливости" рассчитались — зарплатой, а она во времена Маркса сплошь и рядом была нищенской. Больше ему — рабочему — тут ничего не полагается. И все прочие прелести капитализма, они также возведены в ранг как бы вечных законов при-

³ А.Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. Соцэкгиз, М., 1962, стр. 38.

⁴ Д.Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. Соч., т. I. Госполитиздат, М., 1955, стр. 234.

⁵ Там же, стр. 61, 330, 334, 240.

роды: эксплуатация, социальное неравенство, нищета на фоне несправедливого богатства, безработица и т.д.

Но взгляните, как разительно меняется вся картина, если мы становимся на Марксову точку зрения.

Если в е с ь прибавочный продукт, всё возникающее в процессе хозяйственной деятельности богатство – это плод труда, то и принадлежать оно должно объединённому труду; иначе говоря, государству трудящихся.

Малозаметный, вроде бы, нюанс, – мимо него обычно проскакивают, – включать или не включать прибыль в издержки производства, – а концептуальный переворот полнейший: всё мировосприятие социально-философское стало в корне другим. Тут и переход власти в руки людей труда, и естественно отсюда вытекающая национализация средств производства.

Но!.. Но тут ведь ещё одна мощнейшая подсказка, причём по сию пору так толком и не расслышанная. Между тем, она, как прожектор, вонзается в будущее, и не надо этой ерунды, якобы Маркс устарел. Подсказка эта адресована уже следующему гению, – и даже не Ленину, которому судьба не отпустила времени для решения этой задачи. Исторический адресат этого марксовского провѣдения – Сталин.

Что же "расслышал" у Маркса Сталин, – всю жизнь подчёркнуто (и абсолютно справедливо) характеризовавший себя как последовательного марксиста?

А "расслышал" он вот то самое, – что интегрирующей целью пролетарской революции, пролетарского переустройства мира должно быть обобществление не средств производства как таковых, и не ещё чего-то, но именно ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА.

Ведь мы национализировали средства производства в период "военного коммунизма"; национализировали, а система не заработала. Почему? Да потому, что неизвестно было, не только как распределить доход от производственной деятельности на этой первоначальной стадии обобществления, но даже и как его извлечь: как на финише производственного цикла оказаться вообще при доходе, а не на нулях.

Уважаемые товарищи, весь этот сюжет в материалах Большевистской платформы и Движения граждан СССР детальнейшим образом разобран, исследован и изложен; т.е., я имею в виду историю создания у нас в стране, под руководством И.В.Сталина, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ТАКОВОЙ, или экономики С ОБОБЩЕСТВЛЁННЫМ ПРИБАВОЧНЫМ ПРОДУКТОМ. Ещё в 1998–99гг. мною было предложено ввести в марксистскую политэкономическую науку понятие и термин СТАЛИНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ.⁶ Какая-то часть этих наработок – правда, некомплектно и в разное время, – но опубликована. Так, в 41-м "Светоче", который здесь уже упоминался и демонстрировался, представлено своего рода программное выступление на

⁶ См. Т.Хабарова. Не вернёмся в экономике к Сталину – не освободимся никогда. "За СССР" №5, 1998г. [<http://cccp-kpss.narod.ru/tinform/sv17m98.htm>]

эту тему – Социалистическая экономика как система (сталинская модель). В тематическом каталоге нашего сайта, в разделе Марксистская политэкономия весь этот исследовательский массив собран и показан как некое целое, накапливавшееся десятилетиями.

И это снимает с меня обязанность снова и снова повторяться, что-то объяснять и кого-то в чём-то убеждать. Суммарно констатирую, что при Сталине в Советском Союзе была построена экономика, полностью адекватная первой фазе коммунистической формации. Экономика, в которой удалось обобществить не только средства производства, но и совокупный прибавочный продукт; и этот общественный чистый доход поступал трудящимся, делился "на всех" через систему регулярного снижения розничных цен и непрерывного наращивания фондов бесплатного общественного потребления. Этот экономический механизм сконструирован, вот именно, строго по Марксу, и он единственно возможен для нормально функционирующего социалистического общества. И не просто нормально функционирующего, но ещё и перерастающего в коммунизм. Всякие разговоры о социализме, если при этом не ставится задача возвращения к сталинской экономической модели, они в лучшем случае пустопорожние, а в худшем... уж смотря по обстоятельствам.

И поэтому не вызывает ничего, кроме досады, когда выпускается программный документ марксистской, вроде бы, партии, а там мельтешат замшелые советологические по своему происхождению клише насчёт "мобилизационной экономики", излишнего, дескать, огосударствления, планово-рыночных методов и т.п. "Не был своевременно приведён в соответствие с потребностями развивающихся производительных сил хозяйственный механизм."⁷ ?.. Послушайте, не существовало в мире более совершенного хозяйственного механизма, чем тот, который сумели задействовать в Советской стране в сталинскую эпоху. Другое дело, что его в середине 1960-х годов разгромили и заменили косыгинско-либермановским уродством, и именно этот урод, насильственно продавленный в социалистическую экономику, а не сталинский механизм, и положил начало перманентному кризису в ней.

И вы заметьте, заметьте, что ведь сами-то диверсанты экономические, они во всех этих подводных течениях, о которых здесь шла речь, разбирались очень и очень неплохо! Не сдуру, нет, не сдуру все эти "реформаторские" выкрутасы вытворялись! Ведь что послужило "научной" основой косыгинской якобы-"реформы"? Основой послужила реабилитация в нашей политэкономии,— в противовес Марксу!— рикардianской догмы касательно того, что прибыль непременно должна включаться в издержки производства. Это так называемая теория "общественно необходимых затрат труда" (ОНЗТ).

Согласно ей, стоимость прибавочного продукта не есть общественное достояние,— как у Сталина,— а она есть элемент локальных производственных затрат, и формироваться должна не на общехозяйственном уровне, как в сталинской модели, а в производственных ячейках. Ну вот и полетело всё под откос:

⁷ См. Наши главные цели. "Советская Россия" от 5 апреля 2008г., стр. 2.

пошла "групповая" рвачка на предприятиях, в унисон к этому – в министерствах и ведомствах, урезание общественных фондов потребления "по остаточному принципу", изготовление не той продукции, которая нужна народному хозяйству, а той, которая данному предприятию приносит сиюминутную, манипулятивную "прибыль".

Обвинили же во всём Сталина; и этой антисталинской – или, что то же, антимарксистской – гнилью по самый по сегодняшней день всё наше "коммунистическое", с позволения сказать, теоретизирование насквозь и глубже пропитано. Чему свидетельство – вот оно, налицо: свежееизданный проект Программы КПРФ.

Да и среди прочих наших, – господь их прости, – "компартий" хоть одна записала чётко у себя в программе, как непреложное условие возвращения в социализм, восстановление сталинских принципов функционирования экономики? Вот то-то и оно.

Но ведь не зря же и говорилось: кадры решают всё. А какие кадры и поныне "решают всё" у нас в комдвижении, с его идейно-теоретической стороны? Имеется такая организация – РУСО; вроде как бы мозговой центр на левом фланге. Я не знаю, как там сейчас обстоят дела, но до времени не столь давнего в РУСО этом верховодили бывшие главные редактора двух весьма влиятельных советских журналов, "Коммуниста" и "Вопросов философии": Косолапов и Семёнов. (Можно ещё упомянуть "заслуженного троцкиста" Пригарина.) Ну, и чем же оба этих журнала занимались в предперестроечные годы – если не десятилетия? Разводили на нашей идеологической ниве всякий вредительский чертополох, типа "развитого социализма", торили дорогу "перестройке" и тщательно замазывали любую щель, куда бы могла просочиться живая, свежая марксистская мысль – "сталинистская", в их тогдашней терминологии.

И чего же вы, граждане, сегодня-то ждёте от этих и им подобных "учёных" – уж не знаю, какой там "ориентации"? Что они на старости лет за ум возьмутся и будут вам марксизм развивать – если чуть не всю сознательную жизнь специализировались на выворачивании его наизнанку, под Каутского, Бухарина и иже с ними?

Но за вас, уважаемые слушатели, а в дальнейшем читатели, мы на этот вопрос ответить не можем. Мы лишь можем по факту, обилием добросовестнейших наших трудов, снять здесь риторический вопросительный знак. Но это нами, в сущности, давным-давно уже сделано.

В НАШЕМ нынешнем рассмотрении экономическая составляющая, конечно же, наиглавнейшая.

И всё же очень жаль, что на две другие фабулы – философскую и политико-правовую – остаётся у нас так мало времени.

Поэтому тут совсем уже конспективно придётся рассуждать.

Итак, теоретико-философское новаторство Маркса (в содружестве, естественно, с Энгельсом); причём, новаторство в классовом, скажем так, ключе, – нацеленное не просто на развитие самой по себе философской науки, но на ради-

кальное обновление общественной практики, на её методологическое перевооружение.

Маркс и Энгельс переместили, если можно так выразиться, всю гигантскую, сложнейшую конструкцию гегелевской диалектики из человеческой головы, а равно из бестелесного пространства Абсолютного Духа в материальную действительность. Они истолковали диалектику как науку о наиболее общих законах движения не одного лишь мыслительного содержания у человека в голове, но всей объективной реальности, как природной, так и социально-исторической.

Ну хорошо, а что это давало пролетариату в его борьбе?

Да то и давало, что в руках у сознательных трудящихся, у их политического авангарда оказался эффективнейший методологический инструментарий; который представлял собой тогда своеобразную "нанотехнологию" мыслительной деятельности, но к нему не знали, с какой стороны подойти, настолько неприступно он был самим Гегелем упакован в идеалистическую оболочку.

Ведь что такое та же гегелевская схема "диалектического противоречия"? Это суперэффективный алгоритм рассмотрения каких угодно природных или общественно-исторических явлений в их динамике, в их развитии, в их переходе из одного состояния в другое, качественно более высокое, от эволюционного приращения к революционному, качественному преобразованию.

А что такое Марксов закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил? Это основное, сущностное противоречие любой общественно-экономической формации, т.е. это гегелевский алгоритм, применённый к исследованию социально-исторического процесса в его материалистическом понимании.

Но ведь закон соответствия,— как я неизменно стараюсь подчеркнуть,— это та самая проблемная "отмычка" марксизма, при помощи которой он одержал свои убедительнейшие интеллектуальные и общественно-практические победы: его объяснительно-предсказательная "матрица", вроде закона всемирного тяготения в классической механике.

Вот что значило материалистически истолковать диалектику Гегеля. Это значило получить в своё распоряжение сверхсовременный для той эпохи инструмент обоснования и подготовки революции, а также и проектирования того строя, который революция должна была вызвать к жизни.

Впрочем, схематика "диалектического противоречия", она не только "для той эпохи", но и для нашего столетия, и долго ещё будет служить делу освобождения человечества, освобождения труда. Тем паче, что последним из советских лидеров, кто обращался к её воистину неисчерпаемым возможностям, был преданнейший марксист Сталин, а затем для закона соответствия наступила тяжкая полоса. Уже в хрущёвской Программе КПСС 1961г. он целиком выброшен из употребления. Вскоре нахлынула очередная правотроцкистская дурь — косолаповский "развитой социализм"; косолаповский, или я там не знаю, чей ещё: когда конъюнктура изменилась, никто из сочинителей этих "теорий всемирноисторического значения" в своей причастности к этому антимарксистскому паскудству так и не признался.

А почему паскудству? Да потому, что отрицалась даже самая роль диалектического противоречия как основного закона целостного функционирования социалистического общества и его перерастания во вторую фазу коммунистической формации. Отрицалось даже самое наличие диалектических противоречий при социализме, вот до чего допёрли.

И в наши дни; ещё двадцать лет прошло, но разве все эти РУСО и "марксистские", так называемые, платформы – разве они вернули закон соответствия в регулярный научный обиход? Вы что?.. Пользоваться законом соответствия, у них это именуется "вульгарный сталинизм". Вот так.

Короче говоря, как и в сюжете с обобществлением прибавочного продукта, все злключения закона соответствия в послесталинский период в наших материалах также многократно описаны, равно как детально показан механизм его срабатывания. Чтобы далеко за примерами не ходить, сошлюсь на тот же 41-й "Светоч", который в данном случае имеется у нас под руками; причём, случай этот я вам настоятельно советую не упускать. На сайте в рубрике **Сопротивление Бесстрашных** (и в тематическом каталоге) вывешены архивные статьи **Сущностное противоречие социализма** (1982г.), **Вывести трактовку вопроса о противоречиях при социализме на правильный, практически плодотворный путь** (1984г.), **Сдвинуть с мёртвой отметки обсуждение проблемы объективных общественно-экономических противоречий при социализме** (1986г.); там вся эта проблематика пропахана буквально вдоль и поперёк. И к величайшему сожалению, – хотя мне, как автору, торжествовать бы надо, а не сокрушаться, – но наработки эти не то что не устарели, а наоборот, прямо-таки набухли актуальностью.

В общем и целом, по сумме всех этих наших работ мы более чем вправе всех интересующихся отослать к этим источникам. Здесь же я только резюмирую:

Марксова постановка идеалистической диалектики "с головы на ноги", применение её ко всему материальному миру, а не к одному лишь мышлению, показала себя исключительно плодотворной.

Идеология диалектического взаимодействия между базисом и производительными силами общества, их взаимодействия по формуле диалектического противоречия – это ещё одно из завещанных нам Марксом "рамочных условий" социалистического и коммунистического строительства. И оно, это условие, было широко реализовано в СССР, опять же, при Сталине. Тогда не молились богу на завезённую из-за рубежа технику и не ждали, – как впоследствии хрущёвцы в Программе 1961г., – что к ней сами собой прирастут коммунистические общественные отношения и образуется "человек будущего".

Тогда, наоборот, использовали производственные отношения социализма, социалистический базис как "главный двигатель развития производительных сил", как орудие раскрепощения созидательного потенциала народных масс; а уж к этому всему закономерно "прирастал" – или, вернее, выросал из этого – технический прогресс и складывалась абсолютная технико-экономическая, оборонная и прочая независимость страны.

И НАКОНЕЦ, товарищи, очень хотелось бы пробежаться, хотя бы скороговоркой, по третьей, завершающей из "составных частей" марксизма – марксизма и жизненного подвига самого Маркса.

Это превращение фантазийного утопического социализма в социализм научно обоснованный.

Было показано, что справедливое социальное устройство нельзя создать где-то в изолированном поселении; для этого надо изменить всю структуру существующего общества – его экономический базис, главенствующую форму собственности. Надо отстранить от власти господствующий класс, а это может сделать только равноценная классовая сила – новый, революционный класс, исторически призванный покончить с отжившими свой век порядками.

Гвоздь вопроса тут – это даже не сама по себе революция, которая выдвигается напрямую в повестку дня. Это, а как будет организована власть класса-победителя после революции; т.е., это проблема ГОСУДАРСТВА и его дальнейшей судьбы.

И этой проблематике мы также уделили предостаточно внимания, начиная, – хотя бы, – с нашего политклуба 1994г. **Многомерность понятия о государстве в марксистской теории**, затем **Власть и знание**, 1995г., **И.В.Сталин и проблемы развития социалистической демократии**, опять 1994г., причём этот последний политклуб опубликован в пятом номере "Советов граждан СССР", который, – если не ошибаюсь, – здесь у нас распространяется. И другие материалы; на сайте все они вывешены.

Не вижу, почему на это не ссылаться, – если организация существует полтора десятка лет, если она работала, в том числе и даже в первую очередь генерировала информацию, и по каждому проблемному направлению имеет хороший научный задел; то почему мы должны стесняться и избегать этих упоминаний? Было бы чего стесняться, если бы столько времени просуществовали, а никакого научного багажа нет. Вот тогда другая картина, но она к нам не относится.

И здесь, – поэтому, – мы опять-таки можем, опираясь уже на наши источники (вот один из них лежит передо мною, и перед вами также давно бы уже мог и должен бы лежать), – мы можем в двух словах резюмировать:

Маркс обрисовал всю перспективу государственно-правового развития нового общества, вплоть до построения коммунизма, как постепенный переход от представительной демократии к демократии НЕПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ, или к "поголовному" участию граждан в управлении, как это позднее формулировал В.И.Ленин. Вот главное Марксово достижение и новаторское его прозрение в этой сфере.

Не надо вульгаризаторски заикливаться на так называемом "отмирании государства". Как аппарат классового насилия, государство действительно, в известном смысле, "отомрёт". Но что общество останется без всякой объединяющей, целеполагающей и целенаправляющей структурности – это не "марксизм", а попросту вульгаризаторская глупость. Объединяющая, "государствующая" структурность не только продолжит своё существование, но она перейдёт в но-

вое историческое качество и достигнет такого совершенства, такой утонченности и в то же время мощи, какие нынешнему государству и не снились.

Напомню, что Маркс был горячим сторонником гегелевской идеи человека как "родового существа", т.е. как своеобразной микрокопии Человеческого Рода. Но эта идея подразумевает реальное бытие не только человека как индивида, но и рода "Человек" как некоей объемлющей естественноисторической целостности. Государство, – помимо всех прочих видимых причин его возникновения, – оно представляет собой ещё и постепенную "материализацию" вот этой нашей сущностной целостности. Спрашивается, куда же мы без этой нашей сущности денемся? Явлений без сущности не бывает. Просто земное, так сказать, воплощение этого объединяющего родового начала (начала, подчёркиваю, вполне объективного!), оно будет принимать всё более совершенные формы, и всесторонне развитому коммунистическому индивиду будет соответствовать, в масштабах всего общества, такая институциональная структура, которая сможет это всестороннее развитие обеспечить и гарантировать. А как же иначе, простите? Само собою, что ли, всё это произойдёт, от сырости? Пора уже кончать с этим детским садом, что люди будут гармонически развиваться, а откуда условия для этого возьмутся, это неизвестно.

И в заключение обращаемся снова к Сталину – подлинному и однозначно крупнейшему, после Ленина, марксисту XX, а пока что и XXI века.

Со времён "перестройки" и пресловутой "марксистской" платформы в КПСС у нас принялись кликушествовать, что настоящий, аутентичный марксизм наших дней – это, дескать, троцкизм. Но это сущий вздор. Троцкизм – это не марксизм, а каутскианство. Сам Троцкий, кстати, вождём мирового пролетариата считал именно Каутского, но отнюдь не Маркса. А как соотносилось каутскианство с действительными интересами революционного пролетариата на рубеже XIX – XX столетий, об этом можно прочитать у В.И.Ленина.

Мы же должны бескомпромиссно проводить и отстаивать ту нашу позицию, что, – во-первых, – социализм как таковой, это есть социализм по Сталину, и ни по кому другому. Не по Дэн Сяопину и не по Рузвельту с Кейнсом, – как нам нынче твердят со страниц массовотиражных "левопатриотических" газет. И во-вторых, – как вы и сами наверняка уже разобрались, – сюда требуется самое решительное дополнение, и мы его сегодня сделали, что и марксизм современный как таковой, он равно **без Сталина немислим и невозможен**, и он также есть добросовестно истолкованный, очищенный от клеветы на него сталинизм.

Ну, а почему, – всё-таки, – мы Сталина вспомнили в связи с государственно-правовой составляющей марксизма, – так это потому, что сталинская программа развёртывания "массовой критики снизу", она как раз и есть проект постепенного изживания ("отмирания", если хотите) представительной демократии и замены её демократией НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ, "поголовной". Когда гражданин будет замкнут на управляющие структуры общества не через "представителей" бесчисленных, которые больше о себе радуют, чем о каких-то его интересах, – а он будет замкнут на социальные "верхи" непосредственно как ЛИЧНОСТЬ, как самосознательный и неигнорируемый участник общего дела.

Читайте об этом в материале **И.В.Сталин и проблемы развития социалистической демократии.**

Вот и осуществится величайшее, коронное пророчество Маркса: возникновение "будущей государственности коммунистического общества", "такого государственного строя, который заключает в себе самом, в качестве определяющего начала и принципа, способность прогрессировать вместе с развитием сознания, прогрессировать вместе с действительным человеком. Но это возможно только при условии, если "человек" стал принципом государственного строя."

"... необходимо, чтобы движение государственного строя, его **прогрессивное движение** стало **принципом государственного строя**, следовательно, чтобы принципом государственного строя стал действительный носитель государственного строя – народ. Самый прогресс и есть тогда государственный строй."⁸

Опубл.: "Советы граждан СССР" /г. Ростов-на-Дону/ №11, февраль 2009г.; ссср-кпсс.narod.ru/bpk/poliklub/z32/190-Marks.htm.

На политклубе 4 мая 2008г.

⁸ Соотв.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27; т. 1, стр. 240, 284.

Секретарь-координатор БП в КПСС,
председатель Исполкома Съезда граждан СССР
Т. ХАБАРОВА
Москва, 18 декабря 2015г.

Когда же и на каком "океане" закончится "поход" против адекватного (сталинского) облика социалистической экономики?

На московском митинге 5 декабря, в День Сталинской Конституции было сказано:

"Назовите хоть одну левую партию, движение, группу, какую угодно организацию, – естественно, кроме Съезда граждан СССР и Большевистской платформы, – которая в своих программных документах записала бы, вразумительным русским языком, что экономика возрождённого социализма будет функционировать по сталинской двухмасштабной ценовой модели. Нет таких; вот то-то и оно.

Иначе говоря, под аккомпанемент заверений в преданности делу Ленина – Сталина фактически укореняется вот такая беспробудная глухота к наиболее актуальным для нас сегодня, прорывным, уводящим в будущее достижениям наших основоположников."

И сколь сие ни драматично, но это действительно форменная война; причём хулители великого сталинского творения, в том числе и из стана нынешней "красной профессуры", внять голосу разума вовсе не намереваются.

С прискорбием приходится констатировать, что ещё и по сию пору распространяется, под видом "марксизма", махровая дичь о сталинской модели.

Вот пишет М.В.Попов, небезызвестный:

"Труд в коммунистическом производстве не посредством обмена, а **непосредственно** выступает как общественный труд, а само коммунистическое производство характеризуется как **непосредственно** общественное как в своей высшей, так и в низшей фазе – при социализме..."¹

"Переход власти в руки рабочего класса, установление диктатуры пролетариата сами по себе не меняют характера производства. Только **после национализации создаётся коммунистический уклад, производство в котором носит непосредственно общественный характер...** /Курсив мой.– Т.Х./"

¹ Здесь и далее цитируется по интернет-рассылке Ю.Гаврилова, поступившей на наш адрес 6 сентября 2015г.: М.В.Попов. О стоимости и прибавочной стоимости при социализме. <http://marksizm21.ru/popov-m-v-o-stoimosti-i-potrebitelnoj-stoimosti-pri-socializme.html/>.

Однако, "... после национализации только часть национализированных предприятий удаётся планомерно направить непосредственно на удовлетворение нужд общества. ... и только эта ... часть образует коммунистический уклад. Все же остальные национализированные предприятия, хотя и находятся в собственности государства, продолжают управляться не планом, а **основным законом всякого товарного, а потому и капиталистического хозяйства – законом стоимости.** /Курсив мой. – Т.Х./ Соответственно производство в рамках госкапиталистического уклада носит товарный характер."

"После осуществления коллективизации у нас стало не две собственности, а **две формы одной общественной собственности ...**" В Конституции СССР речь идёт не о "двух формах одной общественной собственности", а о двух формах СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ собственности – государственной и кооперативно-колхозной, но на фоне прочей "марксистской" неразберихи это, можно считать, уже мелочи.

"... и встречное движение общественного продукта между городом и деревней поэтому уже нельзя было, строго говоря, подводить под категорию **обмена ...** производство в целом нельзя было уже характеризовать иначе как **непосредственно общественное, продукт которого и труд в котором не посредством обмена, а непосредственно, с самого начала выступают и являются общественными/?/.**" /Курсив мой. – Т.Х./

"Экономической реформой 1965 г. **непосредственно общественный принцип работы на общество** в целях обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития всех его членов ... **был заменён стоимостным принципом максимизации прибыли, рентабельности и объёма реализации отдельных производственных единиц.**"

Что ж, из всего вышеприведённого явствует, с непреложностью: ВОЙНА ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ МОДИФИКАЦИЮ СТОИМОСТИ, – т.е., за нормальную, аутентичную конструкцию социалистической экономики, – отнюдь, отнюдь ещё не окончена. И виной тому даже не столько "антинародный режим", сколько застарелые, задубевшие отложения имитационного псевдо-"марксизма" в лоне самих наших "левопатриотических сил".

С 1988 года **публично** выдвигается, обосновывается, предлагается общественному вниманию тезис о **конкретно-исторической обусловленности стоимостных, товарно-денежных отношений.** Да и как же не публично, помилуйте?.. С трибуны Всесоюзной(!) научно-практической конференции, со страниц "Коммуниста", в программных документах влиятельных на тот период общественных объединений – Всесоюзного общества "Единство", Большевистской платформы в КПСС, на семинарах при Госдуме, в Рабочей академии, так называемой, в левой прессе, пусть малотиражной, но тем не менее, – на все лады пропагандируется тезис, для марксистов, казалось бы бесспорный.

А именно, что точно так же, как тип собственности меняется от одной общественно-экономической формации к другой, точно так же разным формациям соответствуют разные, **исторически меняющиеся модификации закона стоимости.**

Минует без малого тридцать лет, и выясняется, что у нас имеются доктора наук и профессора, которые этой элементарной – вроде бы – вещи не в состоянии понять. Для них раз стоимость, товар – значит непременно капитализм. Маркс, Ленин, Сталин, предвосхищавшие, а затем прямо констатировавшие факт наличия при социализме товарно-денежных отношений, хотя и в некоем исторически модифицированном виде, – не авторитеты.

В особенности "достаётся" Сталину.

"Ошибочно ... утверждение Сталина, что при социализме действует закон стоимости." "... он объявил товарами предметы потребления." "Переход к капитализму ... логически следует из посылки о том, что предметы потребления при социализме – товары." "Попытка построить социалистическое товарное хозяйство ... неизбежно ведёт к уничтожению социализма."²

В общем, главный могильщик социализма в СССР – это, конечно же, Сталин.

Но не пора ли нашим "левым силам" заканчивать с этой антисталинской, – а постольку и однозначно **антисоциалистической**, – профессорской ахинеей?

В действительности И.В.Сталин совершил – вместе с партией и доверявшим ему народом – величайшее политэкономическое и практически-хозяйственное (народнохозяйственное) открытие. Была "нащупана" в экономической реальности строящегося социализма, в общих чертах научно описана и ЗАПУЩЕНА В ХОД, причём с победоносными результатами, вот та самая СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ. В кратчайший срок она доказала свою полную и победительную историческую конкурентоспособность с хозяйственным механизмом буржуазного строя, основанным на капиталистической модификации стоимости – законе формирования прибыли "по капиталу". (В сталинской модели общественный доход формируется "по труду".)

К уничтожению социализма в СССР привело не это эпохальное, всемирно-историческое свершение советских большевиков-сталинцев, а как раз **разрушение** сталинской модели ("двухмасштабной системы цен"), начатое ренегатом Хрущёвым под несомненную диктовку "благодетелей" из-за океана. Ведь там правильно разглядели смертный приговор капитализму даже не в военной мощи Советского Союза, но именно в сталинской экономике, когда она уверенно вошла в "штатный" режим. Именно по экономике непрерывного, "неудержимого" снижения затрат и цен были нанесены первые и едва ли не тяжелейшие удары диверсионной Третьей мировой войны. Не на что иное была нацелена и горбачёвская "радикальная экономическая реформа", отворившая шлюзы "либерализации и приватизации".

Сегодня остановить продолжающийся десятилетия погром производительных сил страны – это твёрдо взять курс не на китайский или ещё чей-то опыт, а на **восстановление сталинского наследия**, и в первую голову его жизнедающего экономического ядра.

² М.В.Попов, ук. соч.

Словоблудию же о "сталинских ошибках" в экономическом строительстве, якобы вылившихся в "уничтожение социализма", не должно быть места в современном коммунистическом теоретизировании.

Совсем коротко о завирательстве с "непосредственно общественным характером" производства и труда на низшей, социалистической фазе коммунизма.

Труд приобретает непосредственно общественный характер не когда он просто "планируется", а когда он в массовом порядке становится **главенствующей потребностью** человеческой жизни и выполняется не в обмен на какие-то прочие блага, но исключительно ради него самого, ради счастья заниматься любимым делом. Но для этого в обществе должны сложиться такая система производственных отношений и такой уровень развития производительных сил, чтобы беспрепятственно (и опять же в массовом порядке) замыкались друг на друга поиск человеком своего призвания и общественная востребованность деятельности именно этого рода. Т.е., труд должен безвозвратно перейти из исторически изжившей себя формы "рабочей силы" в форму **труда-творчества**, труда как общественно признанной свободной самореализации человеческой личности.

Столь высокоразвитое состояние социума достигается,— однако,— не ранее чем на второй фазе коммунистической формации (и служит, собственно, структурным определением этой фазы), о чём можно прочесть ещё у Маркса. Приписывание же труду и производству "непосредственно общественного характера" в социалистических условиях, это ненужное приукрашательство, которое способно лишь дезориентировать людей и вводить в заблуждение планово-управленческие органы. Не надо наделять социализм фантазийными, не присущими ему достоинствами; когда он настоящий, сталинский, то при всей его конкретно-исторической ограниченности (которую классики, в том числе и Сталин, никоим образом не вуалировали) у него достаточно своих, и более чем весомых положительных черт.

<http://cccp-kpss.narod.ru/2015/2015-12-18-kogda-zakonchitsa-pohod.htm>.

Расширенный пленум Исполкома СГ СССР 27 декабря 1997г.

В первом ряду слева от Т.Хабаровой А.Фурс (Украина, г.Житомир), справа П.Федотов (Северная Осетия, г.Моздок), далее Т.Казакова, М.Смирнов, А.Трусилов, Т.Шигаева.

Во втором ряду крайний справа В.Храмов (Ростов–на–Дону).

У стены слева направо: В.Лебедев, В.Кортаев, Е.Фрадкин, И.Дарни (Северная Осетия, г.Моздок), Г.Петров.

**Из Конституционного проекта
Съезда граждан СССР
(Проекта новой редакции Конституции СССР)
и пояснительного доклада к нему
Т.Хабаровой
на Расширенном (декабрьском 1997г.) пленуме
Исполкома Съезда граждан СССР
Москва, 27 декабря 1997г.**

Ст.10 проекта впервые в конституционном порядке определяет, что при социализме трудящийся как совладелец обобществлённых средств производства получает свою долю в суммарном чистом доходе общества через регулярное снижение базовых розничных цен, а также через систематическое расширение фондов неоплачиваемого общественного потребления.

Отсутствие такой статьи в предыдущих Конституциях нам страшно навредило. Люди у нас в массе своей совершенно не понимали, что стабильные цены, бесплатное лечение, образование и всё прочее – это не какая-то благотворительность со стороны государства, а это есть именно форма – причём, единственно возможная форма – получения ими своего, так сказать, дивиденда от функционирования общественной собственности. Не будет общественной собственности (т.е. собственности, прежде всего, государственной) – и всё это тут же исчезнет. Если бы эта взаимосвязь между государственной собственностью и привычным советским образом жизни была людям своевременно и хорошо вбита в головы, вряд ли бы так, в общем-то, легко удалась афера с пресловутым "разгосударствлением" и приватизацией.

Ст.11 проекта подтверждает, что экономика СССР является единым народнохозяйственным комплексом; а вот ст.12, опять-таки впервые, вводит в Конституцию то, чего в ней не было, но что непременно должно быть, – развёрнутое описание хозяйственного механизма, в качестве которого фигурирует сталинская противозатратная экономическая модель.

В конституционном порядке закреплены отсутствие в СССР рынков средств производства, так называемых "ценных бумаг" и рабочей силы; директивный характер народнохозяйственного планирования; действие в экономике двухуровневой системы цен (т.е., разделение денежного оборота на наличный и безналичный); аккумуляция преобладающей части чистого дохода общества в ценах на товары народного потребления и снижение государством цен на потребительские товары именно за счёт этой доходобразующей "подушки"; недопущение формирования прибыли сверх минимальных размеров в ценах на общественно-промежуточный продукт, т.е. на основную часть продукции производственно-технического назначения.

Указаны критерии экономической эффективности: народнохозяйственный – суммарная годовая величина снижения розничных цен, и локальный – снижение себестоимости продукции массового выпуска, при условии одновременного снижения себестоимости у потребителя данной продукции, или "соседа справа".

Ст. 4 проекта подтверждает, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на средства производства в двух её формах: государственной (всенародное достояние) и кооперативно-колхозной.

Возвращены в текст этой статьи снятые в 1977г. формулировки Сталинской Конституции о том, что социалистическая собственность священна и неприкосновенна, и что лица, на неё покушающиеся, являются врагами народа.

Ужесточён, – если можно так выразиться, – перечень объектов, находящихся в государственной собственности. Сюда включены, в числе прочего, продукция государственных предприятий, а также материальная база электронных средств массовой информации и массовотиражных печатных изданий. Отсутствие указания на то, что государство является собственником-распорядителем не только основных средств производства, но и продукции, вырабатываемой при помощи

этих фондов,— это было существенное упущение обеих предыдущих Конституций. Что касается государственной собственности на материальную базу электронных СМИ, это означает, что негосударственного телевидения и радио в несуществовавшей социалистической стране быть не может и не будет.¹

Статья 10. В соответствии с принципом социализма "От каждого — по способностям, каждому — по труду" трудовые доходы граждан СССР складываются из заработной платы (аналогичных форм оплаты труда в кооперативно-колхозном секторе, пенсий, стипендий и т.п.), премиальных и иных выплат и льгот по месту работы, а также из части чистого дохода общества, которую гражданин получает как член всенародной ассоциации трудящихся — собственников обобществлённых средств производства.

Доля в чистом доходе общества поступает трудящемуся

а/ в виде регулярно производимого государством снижения розничных цен на основные продовольственные и промышленные потребительские товары;

б/ в виде фондов неоплачиваемого общественного потребления, их систематического расширения, наращивания объёма и повышения качества потребительских, социальных, культурных благ, предоставляемых бесплатно.

Статья 11. Экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс (ЕНХК), охватывающий все звенья общественного производства, обмена и распределения на территории страны.

Статья 12. Единый народнохозяйственный комплекс СССР функционирует на основе следующих принципов:

а/ в СССР отсутствуют рынки труда, земли, капитала (ценных бумаг) и средств производства (за исключением части их, обращающейся в кооперативно-колхозном секторе и в сфере индивидуально-групповой производительной деятельности); имеет место лишь рынок товаров народного потребления;

б/ экономический процесс определяется и направляется Государственным планом развития народного хозяйства СССР;

в/ народнохозяйственное планирование в СССР носит директивный характер, Государственный план развития народного хозяйства является законом;

г/ в государственном производственном секторе СССР действует двухуровневая система цен, соответственно разделению продукции общественного производства на подлежащую реализации на рынке (обще-

¹ См. Т.Хабарова. Страна, которую мы не потеряли. Проект новой редакции Конституции СССР. М.—Арзамас-16, 2011, стр. 22–23, 31.

ственно-конечный продукт) и не подлежащую таковой реализации (общественно-промежуточный продукт);

д/ двухуровневая система цен обеспечивает аккумуляцию преобладающей части чистого дохода общества в форме централизованного чистого дохода государства и преобладающей части централизованного чистого дохода государства – в розничных ценах на общественно-конечный продукт (товары народного потребления);

е/ в ценах на общественно-промежуточный продукт не допускается формирование прибыли в размерах, превышающих устанавливаемые государством;

ж/ снижение розничных цен на продукцию государственного производственного сектора осуществляется в плановом порядке за счёт централизованного чистого дохода государства;

з/ суммарная годовая величина снижения розничных цен является интегральным (народнохозяйственным) критерием экономической эффективности; локальным критерием эффективности (в рамках производственной единицы) выступает снижение себестоимости продукции массового выпуска, при условии одновременного снижения себестоимости у непосредственного потребителя данной продукции ("соседа справа").

Статья 15. Денежной единицей СССР является рубль, содержащий 100 копеек.

Рубль обеспечивается золотым запасом Государственного банка СССР.

Золотое содержание рубля равняется ...

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на средства производства в двух её формах: государственной (всенародное достояние) и ко-оперативно-колхозной.

Социалистическая собственность, как источник богатства и могущества Советской Родины, фундамент материального и культурного благосостояния трудящихся, залог обладания всей полнотой гражданских прав и свобод для каждого советского человека, священна и неприкосновенна.

Лица, покушающиеся на социалистическую собственность, являются врагами народа.

Использование социалистической собственности в целях личной наживы, в ущерб её общественному назначению, карается законом.

Статья 5. Ведущей формой социалистической собственности является государственная собственность – единое и неделимое достояние Советского народа в целом.

В исключительной собственности государства находятся: земля, её недра, воды, леса, воздушное пространство над территорией СССР,

растительный и животный мир, производственные основные фонды промышленности, строительства и организованных государством сельскохозяйственных предприятий, производимая при помощи указанных фондов продукция, основные топливно-энергетические потоки, банки, средства транспорта и связи, основной городской жилищный фонд, материальная база организованных государством торговых и коммунальных предприятий, учреждений народного образования, здравоохранения, науки и культуры, спортивных и рекреационных объектов, материальная база Вооружённых Сил, электронных средств массовой информации и массовотиражных печатных изданий.²

² Там же, стр. 43–44, 45, 42.

ББК 66.3(2Рос)0
Х - 1 2
У Д К 3 2 3 . 2

© Хабарова Т.М., 2016

ХАБАРОВА Татьяна Михайловна

Моя война за ...
социалистическую модификацию стоимости
(Сталинскую экономическую модель)

Кн. 1

★

Исполком Съезда граждан СССР
Оргкомитет Большевистской платформы в КПСС

<http://www.ccp-kpss.narod.ru>;
E-mail: pochta-sssr@mail.ru;
Адрес для писем Москва 127322, а/я 82.
Тел. (495) 610.56.83;
моб. 8.926.848.76.75.